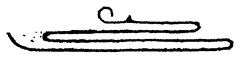
ЛЕКЦІИ

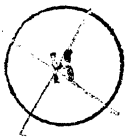
ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОВѢДѢНІЮ

В. А. Богородицкаго,
заслуж. профессора Казанскаго Университета.



КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1911.

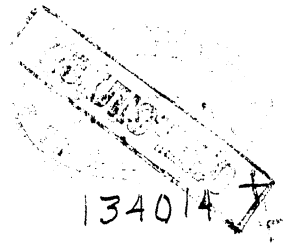
В. 1954



ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
619
53

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Александровъ.



Предисловіе.

Издавая настоящій курсъ лекцій, я имѣю въ виду замѣстить имъ мои „Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку“, изданіе которыхъ повторять я уже не предполагаю. При этомъ въ настоящей книгѣ я использовалъ всѣ тѣ главы указаннаго сочиненія, которыя должны были входить въ систематическій курсъ общаго языковѣдѣнія, оставивъ въ сторонѣ главы по сравнительной грамматикѣ, которыя послужатъ основою для предполагаемаго особаго курса сравнительной грамматики аріо-европейскихъ языковъ. Однако помимо главъ, перенесенныхъ и переработанныхъ изъ „Очерковъ“, въ настоящей книгѣ содержится рядъ совершенно новыхъ; таковы—лекціи 1-ая, отъ 8-ой до 9-ой, 12—14 и 17-ая. Хотя русская лингвистическая литература уже и имѣетъ курсы по общему языковѣдѣнію, но все же я надѣюсь, что и моя книга не окажется излишнею, такъ какъ содержитъ обработку нѣкоторыхъ вопросовъ, которые въ существующихъ руководствахъ или затрагиваются вскользь, или же и совсѣмъ опущены (срв. лекціи о развитіи дѣтской рѣчи, изученіи индивидуальныхъ языковыхъ явленій, преподаваніи роднаго языка и иностранныхъ). Кромѣ того мнѣ

казалось, что возможная доступность изложенія, которой я старался достигнуть въ своей книгѣ (при сохраненіи научности), позволитъ счесть ее полезною и въ качествѣ пособія при самообразованіи. Въ заключеніе считаю долгомъ выразить глубокую благодарность М. И. Бергъ за помощь при обработкѣ предлагаемаго сочиненія.

Авторъ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе. . . . . I—II

Оглавленіе . . . . . III—IV

Лекція 1-ая. Наука о языкѣ и ея положеніе въ кругу историко-культурныхъ наукъ; общая характеристика природы языка; вопросы чистаго и прикладнаго языковѣдѣнія . . . . . 3—12

Лекція 2-ая. Физіологія звуковъ рѣчи: главныя части говорильнаго аппарата, функція ихъ; акустика звуковъ. . . . . 13—35

Лекція 3-ья. Классификація гласныхъ звуковъ у нѣмецкихъ и англійскихъ фонетиковъ. Классификація согласныхъ . . . . . 36—54

Лекція 4-ая. Физіологія звукосочетаній. Объ измѣненіи звуковъ . . . . . 55—64

Лекція 5-ая. Физіологія произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ . . . . . 65—75

Лекція 6-ая. О звуковыхъ законахъ . . . . . 76—80

Лекція 7-ая. Главнѣйшія звуковыя соотвѣтствія въ аріо-европейскихъ языкахъ . . . . . 81—90

Лекція 8-ая. Развитіе дѣтской рѣчи. Замѣчанія о происхожденіи человѣческаго языка. . . . . 91—101

Лекція 9-ая. Психофизіологія рѣчи . . . . . 102—111

Лекція 10-ая. Морфологическій анализъ словъ въ психологическомъ освѣщеніи. . . . . 112—117

Стр.

Лекція 11-ая. Основные факторы морфологическаго развитія языка. Замѣчанія по семазіологіи . . . . 118—129

Лекція 12-ая. Введеніе въ синтаксическое изученіе языка . . . . . 130—143

Лекція 13-ая. Психо-физіологическое изученіе индивидуальныхъ явленій рѣчи . . . . . 144—178

Лекція 14-ая. Объ изученіи и преподаваніи роднаго языка и иностранныхъ . . . . . 179—203

Лекція 15-ая. Діалектическое развитіе языка. Обзоръ языковъ аріо-европейскаго семейства . . . . . 204—215

Лекція 16-ая. Семейства и типы языковъ и ихъ характеристика . . . . . 216—228

Лекція 17-ая. Возсозданіе первобытной аріо-европейской культуры и послѣдующаго ея развитія . . 229—246

Важнѣйшія опечатки. 247

Лекція 1-ая.

Наука о языкѣ и ея положеніе въ кругу историко-культурныхъ наукъ; общая характеристика природы языка; вопросы чистаго и прикладнаго языковѣдѣнія.

Наука о языкѣ или лингвистика, имѣя значеніе сама по себѣ въ области человѣческаго знанія, такъ какъ безъ изученія явленія рѣчи не можетъ быть полноты міропониманія, представляетъ особенную важность въ ряду филологическихъ наукъ какъ самостоятельная наука, такъ и по своимъ обширнымъ приложеніямъ: она знакомитъ съ родствомъ языковъ и народовъ, съ сравнительно-генетическимъ методомъ, получающимъ все болѣе широкое примѣненіе въ гуманитарныхъ наукахъ, наиболѣе же строго примѣняемымъ именно въ языковѣдѣніи, представляетъ важность и нѣкоторыми своими прикладными отдѣлами. Въ виду такой сложности науки о языкѣ возникла пропедевтическая дисциплина подъ названіемъ Общаго языковѣдѣнія или Введенія въ языковѣдѣніе, выясняющая основные вопросы науки о языкѣ. Къ ознакомленію съ этой дисциплиной мы и приступимъ, предварительно сдѣлавъ нѣкоторыя общія замѣчанія съ цѣлью облегчить дальнѣйшее изложеніе ея.

Прежде всего нужно уяснить природу самаго языка, а для этого должно оставить взглядъ на языкъ, какъ на сочетаніе буквъ, изъ которыхъ слагается письменность, и имѣть въ виду *живую рѣчь*. Въ этомъ смыслѣ языкъ есть

средство обмѣна мыслей (т. е. средство передавать свою мысль другимъ и воспринимать чужую) *наиболѣе совершенное* по сравненію съ гораздо менѣе совершеннымъ—жестами. При этомъ обмѣнѣ слова нашей рѣчи являются символами или знаками для выраженія понятій и мыслей. Не трудно понять, что это—наиболѣе удобные символы. Въ самомъ дѣлѣ, что всего легче можетъ служить въ качествѣ таковыхъ для передачи того изобилія понятій и представленій, которыя проходятъ въ нашемъ умѣ? Очевидно, нѣчто такое, что было бы *весьма разнообразно*, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны —*легко производимо*, а съ другой—*легко улавливаемо* или воспринимаемо другими. Невольно изумляешься передъ тѣмъ, какъ удачно пришло человѣчество къ тому, чтобы воспользоваться такими легкими для производства и воспріятія символами, какіе представляетъ собою звуковая рѣчь; вмѣстѣ съ тѣмъ эти символы, состоящіе изъ звукосочетаній произносимыхъ и слышимыхъ, по разнообразію звуковыхъ элементовъ вполнѣ достаточныхъ для обозначенія разнообразныхъ предметовъ міра, легко переходятъ въ *безсознательную дѣятельность*, что также чрезвычайно важно, потому что они въ такомъ случаѣ уже не затрудняютъ хода мысли. Что же касается жестовъ, то, пока еще человѣческій языкъ былъ слишкомъ недостаточно развитъ, они могли играть довольно значительную роль, но съ развитіемъ языка значеніе ихъ ослабѣло, такъ какъ они не могли дать такого разнообразія и не были столь удобными символами при передачѣ мысли, какъ звуковая рѣчь; поэтому теперь жесты, какъ символы, имѣютъ лишь побочное значеніе, сопровождая и дополняя живую рѣчь.

Уяснивши себѣ значеніе словъ, какъ наиболѣе удобныхъ символовъ или знаковъ мысли, мы остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на самомъ процессѣ живой рѣчи, предполагающемъ говорящаго и слушающаго. Словесный языкъ или разговоръ, соединяющій говорящаго и слушающаго, возможенъ прежде всего при наличности *объективнаго момента*,

каковой представляютъ колебательныя состоянія воздушной среды, вызываемыя дѣйствіемъ органовъ произношенія говорящихъ и воспринимаемыя слухомъ участниковъ разговора; но при этомъ необходимо и другое условіе, именно: словесный языкъ можетъ служить посредникомъ между говорящими лишь тогда, когда въ ихъ умѣ съ одними и тѣми же словами *ассоціируются* или связываются *сходныя представленія*. Нужно прибавить, что языковой процессъ не одинъ и тотъ же у говорящаго и слушающаго: у *говорящаго* рѣчь есть функція мысли, такъ какъ у него мысль ищетъ соотвѣтствующаго словеснаго выраженія изъ запаса словъ и оборотовъ, хранимыхъ его памятью; у *слушающаго* же наоборотъ—мысль есть функція рѣчи или, точнѣе, слуховыхъ представленій, возбужденныхъ у него слышимою рѣчью; короче: въ процессѣ рѣчи у говорящаго мысль какъ бы ведетъ за собою слова, у слушающаго же—наоборотъ—подъ вліяніемъ словъ складываются мысли. Но, какъ мы уже сказали, все это возможно лишь тогда, когда одинаковыя слова ассоціированы въ умѣ говорящаго и слушающаго съ одинаковыми понятіями, и слѣд. лишь тогда возможна *объединяющая* или *общественная* роль языка; это становится прямо осязательнымъ, когда мы попадаемъ въ среду, говорящую на неизвѣстномъ намъ языкѣ. Одинаковость языка, объединяя людей къ общей дѣятельности, становится такимъ образомъ соціологическимъ факторомъ первѣйшей важности.

Однако только что представленное разъясненіе процесса разговора было бы далеко не полнымъ, если бы мы ограничились взглядомъ на языкъ какъ на *простой размѣнъ словъ* для выраженія мыслей; въ дѣйствительности сущность этого процесса глубже, такъ какъ всякій и даже самый обыкновенный разговоръ представляетъ собою творчество: говорящій выбираетъ наиболѣе соотвѣтствующія выраженія, а слушающій старается не только уловить вѣрнѣе смыслъ воспринимаемой рѣчи, но и создать, по возможности, творческой силой фан-

тазіи образъ, соотвѣтствующій слышимымъ словамъ. Творчество это какъ у говорящаго, такъ и у слушающаго, идетъ не всегда одинаково успѣшно: при сильномъ подъемѣ душевной энергіи оно совершается наиболѣе успѣшно,—тогда у говорящаго удачнѣе подбираются слова и даже создаются новыя, рѣчь становится выразительнѣе, а у слушающаго глубже затрогивается соотвѣтствующій міръ понятій и представленій и рельефнѣе вырисовываются образы. Даже у дѣтей, когда они пріобрѣтаютъ рѣчь, процессъ является не простымъ усвоеніемъ матеріала, но вмѣстѣ и творчествомъ: усваивая слова, дѣти сами пробуютъ образовывать по нимъ другія, хотя бы и съ ошибками. Такъ какъ, далѣе, словесное творчество говорящаго, воплощая въ словѣ новыя комбинаціи идей, все-таки оставляетъ многое не высказаннымъ, то творчество слушающаго должно дополнять эти пробѣлы, а это легко ведетъ къ частичному непониманію, тѣмъ болѣе что представленія и понятія каждаго складываются своимъ путемъ и потому не могутъ быть у разныхъ лицъ вполнѣ тождественными. [1])

---

[1]) На рѣчь съ указанной здѣсь точки зрѣнія, т. е. какъ на процессъ и творчество, смотрѣлъ уже основатель общаго языковѣдѣнія—нѣмецкій ученый первой половины прошлаго столѣтія В. Гумбольдтъ, говорившій, что языкъ есть не ἔργον, а ἐνέργεια (не фактъ, а дѣятельность); а та черта словеснаго языка, что мысль въ умѣ говорящаго и слушающаго не можетъ быть вполнѣ тожественною, дала поводъ тому же ученому высказать, что рѣчь представляетъ сочетаніе пониманія съ непониманіемъ (см. *О различіи организмовъ человѣческаго языка* и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода. Посмертное сочиненіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Переводъ П. Билярскаго. СПб. 1859, стр. 40, 62). Мы особенно рекомендуемъ читателю прочитать и продумать въ указанномъ сочиненіи § 9 (стр. 47—63), озаглавленный «Природа и существенныя свойства языка». Укажемъ также на превосходныя страницы о воззрѣніяхъ В. Гумбольдта на языкъ—въ сочиненіи покойнаго проф. Харьковскаго ун-та А. А. Потебни «Мысль и языкъ» (2-е изд., Харьковъ 1892, гл. III, стр. 27—48).

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ можно видѣть едва ли не основной факторъ прогресса языка, такъ какъ говорящій естественно стремится высказываться такимъ образомъ, чтобы его полнѣе и лучше поняли; въ то же время нетожество пониманія, вызывая столкновеніе мнѣній, является лучшимъ средствомъ для контроля за самою правильностью мысли. Прогрессъ языка въ исторіи человѣчества будетъ намъ особенно нагляденъ, если сравнимъ языкъ какихъ-нибудь дикарей, иногда не имѣющихъ даже особыхъ названій для чиселъ дальше четырехъ или пяти, съ литературнымъ языкомъ народовъ, достигшихъ высокой ступени развитія, при чемъ—повторимъ —главный факторъ этого мощнаго развитія языка заключается въ стремленіи говорящаго къ тому, чтобы въ умѣ слушающаго какъ можно полнѣе отразилась та же мысль; а эта тенденція въ свою очередь основывается на природномъ стремленіи къ общественности. Можно думать, что и самые начатки языка не вызваны лишь одною нуждою во взаимной помощи, но лежатъ въ томъ же природномъ стремленіи людей къ общественности.

Далѣе, прогрессъ языка тѣсно связанъ съ прогрессомъ *цивилизаціи*, такъ какъ появленіе у человѣка новыхъ идей и понятій неизмѣнно сопровождается появленіемъ новыхъ словъ и выраженій; такимъ образомъ языкъ является какъ бы лѣтописью пережитой культурной и соціальной исторіи даннаго народа. Отсюда становится намъ понятною и любовь каждаго народа къ своему языку, которымъ говорили отцы и дѣды; каждый человѣкъ легче и лучше мыслитъ и излагаетъ свои мысли при помощи словъ того языка, къ которому привыкъ сдѣтства. Поэтому-то угнетеніе языка народности было бы не только тѣмъ несправедливымъ и жестокимъ запретомъ на свободу слова, который столь художественно представленъ гр. А. Толстымъ въ его поэмѣ „Іоаннъ Дамаскинъ“, но сопровождалось бы ущербомъ и вообще для человѣческой культуры. Для лучшаго уясненія себѣ этого пункта обратимъ

вниманіе хотя бы на то обстоятельство, что сходныя слова-понятія въ разныхъ языкахъ представляютъ нерѣдко различіе не только по своему образованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по оттѣнку или нюансу мысли (такъ, напр., русское слово „причина“ и нѣм. „Ursache“ не покрываются вполнѣ одно другимъ, представляя нѣкоторое различіе по своему, такъ сказать, смысловому тембру), при чемъ это различіе способно возбуждать своеобразіе въ направленіи мысли. Такимъ образомъ, различіе языковъ заставляетъ человѣчество идти къ истинѣ какъ бы разными путями, освѣщая ее съ разныхъ точекъ зрѣнія, а это служитъ залогомъ наиболѣе полнаго достиженія истины, а не односторонняго. [1])

Нашъ языкъ не только служитъ для выраженія мыслей, онъ въ значительной мѣрѣ является и орудіемъ мысли. Уже самое существованіе словъ, какъ нѣкоторыхъ объективныхъ символовъ, содѣйствуетъ переходу нашихъ представленій изъ низшихъ стадій въ высшія, расплывчатыхъ и легко теряющихся представленій—въ болѣе устойчивыя и фиксированныя въ словѣ понятія, а чрезъ то и самое мышленіе пріобрѣтаетъ опредѣленность и ясность. [2]) Но роль языка не ограничивается этимъ; приспособляясь къ развивающейся мысли, онъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ успѣховъ классифицирующей дѣятельности ума. Для примѣра остановимся на роли суффиксовъ по отношенію къ нашему языковому мышленію. Въ нашемъ умѣ явленія и предметы міра классифицируются въ группы, которыя закрѣпляются въ языкѣ при помощи суффиксовъ; такъ, напр., суф. *-тель* обозначаетъ разнаго рода дѣятелей, *-ніе* или *-тіе*—дѣйствія, даже такая частная группа, какъ ягоды, отмѣчена особымъ суффиксомъ *-и́ка* или *-ни́ка* (въ разныхъ языкахъ такого рода группировка можетъ представлять большія или меньшія отличія). Та-

[1]) Срв. В. Гумбольдтъ, ук. соч., стр. 31.
[2]) Срв. тамъ же, стр. 51.

кимъ образомъ элементы языка воплощаютъ успѣхи познающей мысли и въ свою очередь служатъ исходною точкою для послѣдующаго развитія ея; [1]) безъ такого фиксирующаго свойства языка въ человѣчествѣ не могла бы развиться ни одна наука.

Въ заключеніе общихъ замѣчаній о природѣ и роли языка мы должны замѣтить, что не всѣ движенія нашей психіи могутъ воплощаться въ простомъ словѣ; нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ для своего воплощенія участія искусствъ, напр. музыки, живописи, поэзіи. Языкъ съ своей стороны даетъ возможность удовлетворять этимъ художественнымъ стремленіямъ человѣка, такъ какъ содержитъ въ себѣ кромѣ звуковъ рѣчи также элементы ритма, музыкальности, созвучій, которые, придавая слову красоту, позволяютъ ему принимать художественное развитіе. Такимъ образомъ уже въ самой природѣ языка содержатся элементы для возникновенія и развитія *поэзіи* или языка художественнаго, приспособляющагося къ развитію художественной мысли, подобно тому какъ языкъ научный или *прозы* приспособляется къ успѣхамъ научной мысли. [2])

Разсматривая природу языка и основныя свойства его, мы не коснулись еще его весьма важной черты—измѣнчивости во времени и пространствѣ, благодаря которой и получилось въ теченіе вѣковъ все языковое многообразіе, какое видимъ теперь на земномъ шарѣ. Главнѣйшими факторами

---

[1]) Дѣти, учась родному языку, безсознательно усваиваютъ и всѣ эти результаты классифицирующей мысли своего народа, такъ что изученіе языка является для нихъ какъ бы школой естественной логики ума. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ настоящее время и наука логики старается сблизиться съ наукой о языкѣ. Въ другомъ мѣстѣ я разъясняю вліяніе, которое должно было оказывать слово на развитіе философской мысли (см. мои Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1910², стр. 327).

[2]) См. тамъ же—очеркъ 20-ый подъ заглавіемъ «Психологія поэтическаго творчества въ соотношеніи съ научнымъ».

этой измѣнчивости языка и связаннаго съ нею *діалектическаго роста языковъ* являются смѣна генераціи и разселеніе племенъ, вступающихъ при этомъ въ новыя условія. [1]) Въ настоящее время наука о языкѣ распредѣляетъ всѣ языки земнаго шара на рядъ отдѣльныхъ семействъ (напр. аріо-европейское, угро-финское, турецко-татарское и цѣлый рядъ другихъ въ разныхъ частяхъ свѣта), настолько различныхъ, что оказывается не возможнымъ обнаружить родство между ними и, слѣдовательно, одно общее ихъ происхожденіе, хотя со временемъ, быть можетъ, и удастся открыть родство по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми изъ нихъ. Каждое изъ этихъ семействъ въ свою очередь распадается на языки, нарѣчія и говоры. Такъ, къ аріо-европейскому семейству принадлежатъ сохранившіеся въ письменности древніе языки—санскритскій, древне-греческій, латинскій и проч.; изъ современныхъ языковъ этого семейства назовемъ, напр., романскіе, германскіе, славянскіе и др. Родство между языками, образующими то или другое семейство, языковѣдѣніе доказываетъ путемъ сопоставленія ихъ словъ и грамматическихъ формъ, что и составляетъ предметъ сравнительной грамматики этихъ языковъ.

Ознакомившись съ природою языка, какъ объекта лингвистическихъ изученій, мы обратимся къ самой наукѣ о языкѣ и укажемъ на главныя ея подраздѣленія. Языковѣдѣніе распадается прежде всего на *чистое* и *прикладное*. Въ область чистаго языковѣдѣнія входитъ сравнительно-историческое изученіе языковъ того или другаго семейства, какъ со стороны грамматическаго строя, такъ и лексическаго запаса (т. е. запаса словъ). Сложность подобныхъ изслѣдованій станетъ для насъ понятной, если предварительно представимъ себѣ лингвистическое изученіе одного отдѣльнаго языка. Сю-

[1]) Подробнѣе о вліяніи этихъ факторовъ см. въ нашемъ Краткомъ очеркѣ діалектологіи и исторіи русскаго языка (1910)—начальныя страницы.

да входитъ, помимо лексическаго состава, изученіе его *фонетическое* (т. е. со стороны звуковаго состава и звуковыхъ законовъ) въ связи съ физіологіею звуковъ, *морфологическое* (со стороны знаменательнаго состава словъ) и *синтаксическое* (со стороны способовъ сочетанія словъ въ предложеніи); въ послѣднее время болѣе и болѣе упрочивается еще изученіе языка со стороны *семазіологической* (т. е. въ отношеніи развитія смысловыхъ оттѣнковъ словъ) [1]); при этомъ изученіе знаменательной стороны словъ опирается на психологію. Затѣмъ всѣ явленія языка, къ какой бы изъ этихъ категорій они ни относились, должны быть изучаемы не только въ *современномъ* ихъ состояніи, но также и въ *историческомъ* развитіи, при чемъ изслѣдованіе не ограничивается *литературнымъ* языкомъ (если таковой существуетъ), но считается и съ *народными говорами* во всемъ ихъ разнообразіи (діалектологія). На основаніи такого частнаго изученія отдѣльныхъ языковъ формируется болѣе общее *сравнительное* изученіе языковъ отдѣльныхъ вѣтвей (напр. въ области аріо-европейскаго языковаго семейства—сравнительное изученіе славянскихъ языковъ, языковъ романской вѣтви и т. д.) и наконецъ вѣтвей цѣлаго семейства (такова, напр., сравнительная грамматика аріоевропейскихъ языковъ), хотя прибавимъ, что и изученіе отдѣльнаго языка не можетъ обойтись безъ сравненія съ его родичами. Въ каждомъ языковомъ семействѣ, при сравнительно-историческомъ его изученіи, лингвистъ старается возсоздать въ качествѣ исходнаго пункта его *праязыковое состояніе*, т. е. опредѣлить грамматическій строй и лексическій составъ въ ту эпоху, когда оно еще не раздѣлилось на вѣтви, а затѣмъ уже слѣдитъ и за дальнѣйшимъ діалектическимъ развитіемъ до настоящаго времени, при чемъ онъ долженъ возсоздавать и праязыковое состояніе отдѣльныхъ вѣт-

[1]) Срв. напр. Bréal M. Essai de sémantique (science des significations), 1904.

вей, которыя затѣмъ постепенно дѣлятся на болѣе мелкія, перешедшія наконецъ въ современные языки. Что касается прикладнаго языковѣдѣнія, то сюда относится главнымъ образомъ *возсозданіе первобытной культуры* отдѣльныхъ семействъ и ея послѣдующаго развитія по даннымъ языка, при чемъ лингвистика близко соприкасается съ другими культурно-историческими науками; кромѣ того, *педагогическіе* вопросы о пріемахъ изученія языковъ, какъ роднаго, такъ и иностранныхъ, получаютъ надлежащее освѣщеніе также въ наукѣ о языкѣ, въ прикладномъ ея отдѣлѣ. [1])

---

[1]) Изъ пособій на русскомъ языкѣ по общему языковѣдѣнію можно назвать слѣдующія: Крушевскій Н. Очеркъ науки о языкѣ (1883), Томсенъ А. Общее языковѣдѣніе (1910)[2]. Поржезинскій В. Введеніе въ языковѣдѣніе (1910)[2] и его же Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка (1910). Богородицкій В. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[2] и его же Общій курсъ русской грамматики (1907)[2]— введеніе и главы I, III, VI и XII. Бодуэнъ-де-Куртенэ И. Введеніе въ языковѣдѣніе (литогр. изданіе по рукописи проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ), 1908—1909 г.

Лекція 2-ая.

Физіологія звуковъ рѣчи: главныя части говорильнаго аппарата и функція ихъ; акустика звуковъ.

Мы приступаемъ теперь къ болѣе детальному изученію природы живой рѣчи, какъ естественнаго явленія, присущаго человѣку. Человѣческая рѣчь представляетъ двѣ стороны—звуковую и смысловую. Послѣдняя изъ нихъ — главная, такъ какъ является самою цѣлью рѣчи; однако, слѣдуя въ своемъ изложеніи принципу восходить отъ простѣйшаго къ болѣе сложному, мы займемся сначала звуковой стороной. Но и звуковая сторона представляетъ собою весьма сложный процессъ: произведеніе всякаго звука рѣчи требуетъ совокупности мышечныхъ работъ аппарата рѣчи говорящаго, происходящихъ подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ и сопровождающихся мышечными ощущеніями отъ собственнаго произношенія; приведенный этими работами въ колебательное состояніе воздухъ возбуждаетъ слуховыя ощущенія какъ у слушающаго, такъ и у говорящаго. Изъ сказаннаго выясняются *двѣ* основныя точки зрѣнія на звуки рѣчи—*произведеніе* звуковъ и ихъ *слышаніе*. При этомъ импульсы и мышечное чувство составляютъ внутренній или психическій моментъ звукопроизводства, а мышечныя дѣйствія—его внѣшній моментъ; слышаніе также предполагаетъ моменты внѣшній и внутренній: первымъ является колебательное состояніе наружнаго воздуха, передающееся барабанной перепонкѣ уха, а вторымъ—

возникающія въ мозгу слуховыя ощущенія. Такимъ образомъ при производствѣ звуковъ внутренняя сторона, именно импульсы, является причиною внѣшней стороны, а при процессѣ слышанія наоборотъ—внутренняя сторона является слѣдствіемъ внѣшней. Въ процессѣ рѣчи произносимая сторона или звукопроизводство принадлежитъ только говорящему, слышимая же—обоимъ, соединяя такимъ образомъ говорящаго и слушающаго. Сначала мы займемся первою, что̀ вполнѣ естественно, такъ какъ именно дѣйствіемъ аппарата рѣчи и приводится воздухъ въ колебательное состояніе, а затѣмъ остановимся на второй, послѣ чего можемъ приступить уже къ систематикѣ или классификаціи звуковъ, которая должна опираться на обѣ эти стороны.

Для пониманія стороны произведенія звуковъ рѣчи необходимо ознакомиться съ устройствомъ аппарата рѣчи (или, иначе, говорильнаго аппарата) и функціей его частей, къ чему мы и приступаемъ. Нашъ говорильный аппаратъ состоитъ изъ пяти главныхъ частей, работою которыхъ производятся звуки рѣчи; эти работающія части говорильнаго аппарата—слѣдующія:

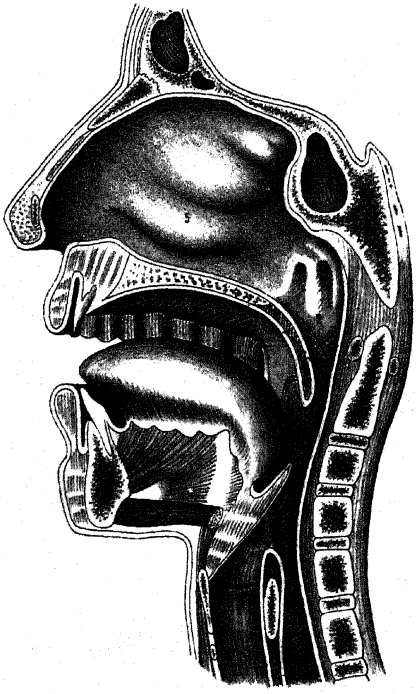
1) дыхательный аппаратъ,
2) гортань,
3) мягкое небо,
4) нижняя челюсть,
5) органы произношенія—губы и языкъ. [1])

---

[1]) Изъ перечисленныхъ пяти частей дыхательный аппаратъ даетъ необходимый для звукопроизводства выдыхательный токъ воздуха, послѣдующія же части, принимая тѣ или другіе уклады, преобразуютъ выдыхательный матеріалъ въ разнообразные звуки рѣчи. Уклады эти называютъ **артикуляціями** (отъ латинскаго слова *articulatio* «сочлененіе»). Къ дыхательному аппарату, который звуковъ не образуетъ, а лишь даетъ матеріалъ, терминъ «артикуляція» обыкновенно не примѣняется. Впрочемъ, нѣкоторые физіологи рѣчи (напр. Техмеръ) допускаютъ этотъ терминъ и въ отношеніи дыхательнаго аппарата на томъ основаніи, что фонаціонное вы-

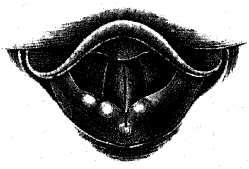
ВИДЪ ГОВОРИЛЬНАГО АППАРАТА

въ сагиттальномъ разрѣзѣ;

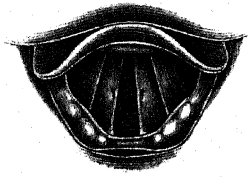


1. Правая голосовая связка.
2. Полость глотки.
3. Мягкое небо опущено.
4. Мягкое небо поднято и касается задней стѣнки глотки.
5. Полость носа.

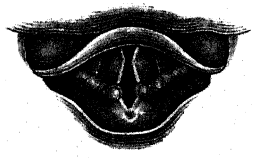
ВИДЪ ГОЛОСОВОЙ ЩЕЛИ:



а) при звучаніи



б) при дыханіи и глухихъ звукахъ



в) при шепотѣ

ЛИТ. УНИВЕРСИТЕТА

Разсмотримъ послѣдовательно въ намѣченномъ порядкѣ названныя части говорильнаго аппарата съ указаніемъ ихъ функцій, т. е. роли при производствѣ звуковъ рѣчи.

I. **Дыхательный аппаратъ.** Мы вдыхаемъ и выдыхаемъ воздухъ легкими, которыя весьма удачно сравниваютъ съ мѣхами. *Вдыханіе* (inspiratio) воздуха происходитъ слѣдующимъ образомъ. Грудная полость расширяется во всѣхъ направленіяхъ. Увеличеніе ея книзу есть слѣдствіе сокращенія грудобрюшной преграды—куполообразнаго мускула, который помѣщенъ между грудною и брюшною полостями. Кромѣ того, дѣйствіемъ межреберныхъ мышцъ поднимаются ребра, и такимъ образомъ увеличиваются поперечные размѣры полости. Подъ вліяніемъ такого расширенія грудной клѣтки наружный воздухъ тотчасъ-же черезъ носъ, или также и черезъ ротъ, устремляется въ растягивающіяся легкія,—это и есть вдыханіе. По окончаніи сокращенія вдыхательныхъ мышцъ, грудная клѣтка вслѣдствіе упругости своихъ стѣнокъ стремится занять первоначальное положеніе, т. е. спадается, выдавливая этимъ воздухъ и производя такимъ образомъ выдыханіе (exspiratio). Такъ происходитъ *простое дыханіе* (не во время рѣчи), при которомъ обѣ его фазы—вдыханіе и выдыханіе—приблизительно одинаковы по своей продолжительности и каждая изъ фазъ является непрерывною. Между тѣмъ во время рѣчи фазы дыханія имѣютъ неодинаковую продолжительность: за коротвимъ и энергичнымъ вдыханіемъ слѣдуетъ болѣе продолжительное выдыханіе, служащее для рѣчи и разбивающееся на участки по отдѣльнымъ словамъ и въ каждомъ словѣ по слогамъ; такое выдыханіе, дробящееся на слоговые толчки, требуетъ уже соотвѣтствующаго участія мышечныхъ силъ и въ отличіе

дыханіе, какъ увидимъ, существенно отличается отъ обыкновеннаго (не во время рѣчи); кромѣ того, энергія работъ прочихъ частей аппарата рѣчи находится въ соотношеніи съ работою дыхательнаго аппарата.

отъ простаго называется *фонаціоннымъ*. Объемомъ выдыханія обусловливается въ значительной степени и объемъ цѣлой фразы, такъ какъ мы стремимся ее произнести по возможности однимъ фонаціоннымъ выдыханіемъ, придавая этимъ ей внѣшнюю цѣлостность.

Экспериментальная фонетика, изслѣдующая произношеніе съ помощью приборовъ, имѣетъ возможность съ точностью слѣдить за фонаціонными выдыханіями; такъ, посредствомъ *пневмографа* она получаетъ записи (графики) фонаціоннаго выдыханія съ болѣе или же менѣе замѣтными на нихъ выступами отъ отдѣльныхъ слоговыхъ толчковъ въ зависимости отъ силы послѣднихъ.

II. **Гортань съ голосовою щелью.** Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію гортани, чрезъ которую прежде всего проходитъ токъ воздуха, посылаемый дыхательнымъ аппаратомъ; здѣсь мы должны познакомиться съ *хрящами*, составляющими остовъ гортани, и съ *голосовою щелью* внутри гортани, образуемою *голосовыми связками*. Гортань состоитъ изъ слѣдующихъ подвижно сочлененныхъ хрящей: щитовиднаго, перстневиднаго и двухъ черпаловидныхъ. Щитовидный хрящъ образуется двумя пластинками, сходящимися впереди и расходящимися кзади подъ болѣе или менѣе прямымъ угломъ; грань (ребро) щитовиднаго хряща, образуемую отъ соединенія его пластинокъ, легко ощупать въ передней области шеи, при чемъ верхняя часть этой грани, имѣющая здѣсь небольшую вырѣзку, которую мы также замѣчаемъ при ощупываніи, нѣсколько выступаетъ впередъ (этотъ именно выступъ щитовиднаго хряща и составляетъ такъ называемое въ обыденномъ разговорѣ Адамово яблоко или кадыкъ). Подъ щитовиднымъ хрящомъ помѣщается перстневидный хрящъ, имѣющій видъ горизонтально лежащаго перстня, кольцо котораго обращено впередъ, а площадка или печать назадъ. Кольцо перстневиднаго хряща легко ощупывается, какъ валикъ, пониже щи-

товиднаго хряща. Мы уже говорили, что пластинки щитовиднаго хряща расходятся назадъ; онѣ расходятся настолько, что между нижними ихъ выступами, такъ называемыми нижними рожками щитовиднаго хряща, помѣщается сочленяющаяся съ ними печать перстневиднаго хряща. На верхнемъ краѣ послѣдней расположены два небольшихъ пирамидальныхъ или черпаловидныхъ хряща, лежащіе другъ противъ друга, при чемъ каждый переднимъ угломъ своего основанія (т. наз. голосовымъ отросткомъ) нѣсколько выдается внутрь гортани. Къ голосовымъ отросткамъ и прикрѣпляются соотвѣтственно голосовыя связки—правая и лѣвая, тянущіяся отсюда въ гортани впередъ къ внутренней поверхности ребра щитовиднаго хряща, гдѣ онѣ берутъ свое начало одна возлѣ другой. Пространство между голосовыми связками называется *голосовою щелью*, въ которой нужно отличать часть межсвязочную или собственно голосовую (между самыми голосовыми связками) и часть межхрящевую (между внутренними, т. е. обращенными одна къ другой, поверхностями черпаловидныхъ хрящей). Благодаря подвижности черпаловидныхъ хрящей, которые съ помощью особыхъ мышечныхъ механизмовъ могутъ сближаться между собою и удаляться, а также до извѣстной степени повертываться около вертикальной своей оси, получаются различные уклады (артикуляціи) голосовой щели, изъ которыхъ отмѣтимъ три наиболѣе важныхъ: [1])

1) *Голосовая щель при дыханіи и глухихъ звукахъ.* Въ этомъ случаѣ черпаловидные хрящи удалены одинъ отъ другаго своими голосовыми отростками, а вслѣдствіе того удалены другъ отъ друга и задніе концы голосовыхъ связокъ; такимъ образомъ голосовая щель открыта въ формѣ равнобедреннаго треугольника, при чемъ открыта и межхрящевая часть щели. Это уложеніе гортани—беззвучно, т. е. выдыхательный

[1]) Уклады голосовой щели гортани изслѣдуются гортаннымъ зеркаломъ.

Институтъ Литературы БИБЛІОТЕКА им. А. М. Горькаго
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА Общественныхъ Наукъ Академіи Наукъ СССР

токъ воздуха при прохожденіи чрезъ такую расширенную голосовую щель не производитъ здѣсь никакого звука или шума; при такомъ укладѣ голосовой щели произносятся такъ называемые глухіе звуки, напр. *п*, *т*, *к*, *ф*, *с*, *ш*, *х*, шумъ которыхъ происходитъ не въ гортани, а въ полости рта отъ той или иной преграды, представляемой выдыхательному току воздуха органами произношеніями (губами или языкомъ).

2) *Голосовая щель при звучаніи.* Въ этомъ случаѣ голосовыя связки сближены между собою, благодаря сближенію черпаловидныхъ хрящей, къ которымъ онѣ прикрѣплены задними концами. Но для того, чтобы выдыхательный токъ воздуха могъ привести въ звучаніе сближенныя голосовыя связки, заставивъ ихъ ритмически вибрировать, онѣ должны быть сверхъ того достаточно натянуты, что производится дѣйствіемъ особаго мышечнаго механизма; въ прямой зависимости отъ силы натяженія голосовыхъ связокъ находится высота производимаго ими тона. При описанномъ укладѣ голосовой щели произносятся звонкіе звуки рѣчи, къ которымъ принадлежатъ гласные, а изъ согласныхъ такіе, какъ *б*, *д*, *г*, *в*, *з*, *ж*, *j*, *р*, *л*, *м*, *н*. Можно легко убѣдиться въ звучаніи гортани при произношеніи этихъ звуковъ, прикладывая палецъ къ гортани: при громкомъ (не шепотномъ) произнесеніи этихъ звуковъ палецъ ощущаетъ дрожаніе гортани, благодаря тому, что ритмическое вибрированіе голосовыхъ связокъ передается и хрящевому остову (стѣнкамъ) гортани. [1]) Экспериментальная фонетика съ помощью надлежащихъ приборовъ получаетъ вполнѣ точныя графики всѣхъ вибрацій звучащей гортани, при чемъ оказывается возможнымъ изслѣдовать каждую вибрацію даже по отдѣльности.

---

[1]) Вибрированіе хрящеваго остова гортани сообщается и выше лежащимъ костямъ головы; въ этомъ можно убѣдиться, если произносить громко звонкіе звуки, заложивъ уши пальцами,—при этомъ произносящій будетъ слышать эти звуки въ сопровожденіи сильнаго гула, получающагося отъ вибраціоннаго состоянія костяныхъ частей уха.

Примѣчаніе. Фальцетное или фистуловое звучаніе гортани вызывается нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ только что описаннаго ея уклада, состоящимъ въ томъ, что голосовыя связки, плотно прилегая другъ къ другу у черпаловидныхъ отростковъ, вибрируютъ лишь остальною своей частью.

3) *Голосовая щель при* шепотномъ *произношеніи.* Для шепотнаго уклада голосовой щели сближаются передніе или голосовые отростки черпаловидныхъ хрящей (а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосовыя связки), между тѣмъ какъ задніе края ихъ остаются не сближенными, и такимъ образомъ получается проходъ для воздуха въ межхрящевомъ пространствѣ въ видѣ небольшаго расширяющагося кзади триугольника; при этомъ голосовыя связки не приводятся въ громкое звучаніе, такъ какъ остаются не натянутыми. Прибавимъ, что при шепотѣ становятся шепотными только звонкіе звуки, глухіе же остаются безъ перемѣны; такъ напр. въ словѣ „ст*у*къ“, произнесенномъ шепотомъ, только одинъ звукъ (*у*) имѣетъ шепотный укладъ голосовой щели, тогда какъ три остальные звука, будучи глухими, сохраняютъ свой укладъ безъ перемѣны; въ словѣ же „*брат*ъ“ три первые звука, какъ звонкіе, получаютъ шепотное произношеніе, а конечный глухой согласный (*т*) выговаривается при своемъ обычномъ укладѣ голосовой щели; въ словѣ „*борода*“ всѣ шесть звуковъ—звонкіе, а потому при шепотѣ всѣ они получатъ шепотный укладъ голосовой щели.

Примѣчаніе. Кромѣ описанныхъ трехъ главныхъ укладовъ голосовой щели существуютъ еще нѣкоторые второстепенные, даже отчасти и не вполнѣ установленные. Какъ уже сказано, голосовая щель при обыкновенномъ *дыханіи*, будучи расширена, не производитъ шума; но она можетъ быть расширена въ меньшей степени и тогда выдыхательный токъ воздуха при прохожденіи чрезъ нее будетъ вызывать шумъ тренія, это—звукъ *h* въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ (напр. въ словѣ haben), а также звукъ густаго придыханія древне-греческаго языка; если къ этому присоединяется еще нѣкоторое натяженіе голосовыхъ связокъ, то къ шуму тренія можетъ прибавиться и нѣкоторая звонкость, напр. при чешскомъ *h*. [1]) Въ области

[1]) Срв. Л. Щерба въ Изв. Акад. Наукъ, т. XV (1910), кн. 1-ая, стр. 239—240.

звонкаго уклада голосовой щели различаютъ при гласныхъ три способа приступа голосовой щели къ звучанію: а) голосовая щель, предварительно совершенно замкнутая, сразу прорывается выдыхательнымъ токомъ, такъ что гласный получаетъ аттакированное начало (терминъ, употребляющійся у пѣвцовъ и музыкантовъ), какъ это имѣетъ мѣсто при произношеніи гласныхъ нѣмецкаго языка въ началѣ словъ, а въ русскомъ языкѣ можно слышать въ восклицаніи «эхъ!», сюда же относится греч. легкое придыханіе и франц. *h* «aspiré»; б) гласный начинается не отрывисто, а исподволь, какъ это обычно наблюдается при произношеніи начальныхъ гласныхъ въ словахъ русскаго языка; в) произношеніе гласнаго съ придыхательнымъ приступомъ, какъ напр. въ нѣм. словѣ «*h*aben», о чемъ уже было сказано выше. [1]) По поводу *шепотнаго* уклада замѣтимъ, что шепотъ можетъ переходить въ звучаніе смѣшанное изъ звонкости и шепота, когда звонкость какъ бы прорывается въ ходѣ шепота; въ этомъ случаѣ получается т. наз. «бормочущій голосъ», нѣм. Murmelstimme. Наконецъ, въ живой рѣчи иногда звонкіе звуки, напр. неударенные гласные при ослабленіи своемъ, въ зависимости отъ степени ослабленія и сосѣдства съ другими звуками, переходятъ въ шепотное и даже глухое произношеніе; это смѣшеніе или колебаніе звонкости, шепота и глухости доказываетъ, что при ослабленіи всѣ три уклада имѣютъ тенденцію переходить къ наиболѣе индифферентному—глухому.

III. **Мягкое небо.** Надъ гортанью простирается вверхъ до самаго основанія черепа мѣшковидная полость глотки, имѣющая впереди выходы въ полость рта (такъ называемый зѣвъ) и въ полость носа (такъ называемыя хоаны), при чемъ эти двѣ полости отдѣлены одна отъ другой твердымъ и мягкимъ небомъ (первое—костяное, а второе—мышечное). Мягкое небо играетъ существенную роль при произношеніи: оно можетъ быть поднято, и тогда выдыхательный токъ воздуха, получившій или же не получившій звонкость въ гортани, не проходитъ въ полость носа, а направляется въ полость рта,—звуки получаются безъ носоваго оттѣнка или чистые; если же мягкое небо опущено, то звучащій токъ воздуха, проходя въ по-

[1]) Какъ на рѣдкій случай, нужно указать на приступъ посредствомъ чисто гортаннаго *р* въ арабскомъ языкѣ; въ этомъ случаѣ голосовыя связки, прежде чѣмъ перейти къ звучанію гласнаго, приходятъ въ рѣдкія сотрясенія, т. е. на подобіе напр. сотрясенія губъ при останавливаніи лошадей междометіемъ «тпрру!»

лость носа, пріобрѣтаетъ носовой оттѣнокъ,—звуки получаются носовые. Въ русскомъ языкѣ только два носовыхъ звука—*м* и *н*, всѣ же прочіе звуки—чистые или не-носовые; такимъ образомъ, въ нашей рѣчи преобладающей артикуляціей мягкаго неба является поднятое его положеніе, которое смѣняется на опущенное лишь при *м* и *н*. Во французскомъ языкѣ кромѣ носовыхъ согласныхъ *м* и *н* имѣются также носовые гласные; въ этомъ языкѣ опущенное положеніе мягкаго небо встрѣчается чаще, чѣмъ въ русскомъ языкѣ (подобнымъ образомъ носовые гласные существовали въ старо-славянскомъ языкѣ, а также и въ другихъ славянскихъ въ древнѣйшую пору, а въ польскомъ языкѣ еще и теперь сохраняются).

IV. **Нижняя челюсть.** Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что въ числѣ работающихъ частей говорильнаго аппарата поименована кость, каковою именно и является нижняя челюсть. Называя ее, мы имѣемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду и тотъ мышечный механизмъ, которымъ производятся движенія этой кости. Нижняя челюсть, будучи своими концами сочленена съ верхней, можетъ опускаться и подниматься; первое движеніе, зависящее частію отъ нѣкоторой тяжести нижней челюсти, производится мышцами, составляющими дно полости рта, а второе—мышцами, заложенными между верхней и нижней челюстью, изъ которыхъ самая большая—жевательная. Къ этимъ двумъ противоположнымъ движеніямъ нижней челюсти (съ которыми связаны и нѣкоторыя различія въ дѣйствіи органовъ произношенія) сводится, съ анатомо-физіологической точки зрѣнія, различіе двухъ главныхъ категорій звуковъ—гласныхъ и согласныхъ: при произношеніи гласныхъ звуковъ нижняя челюсть осаждается, произношеніе же согласныхъ требуетъ приближенія нижней челюсти къ верхней. [1]) Поэтому гласные звуки, съ точки зрѣнія

[1]) Мышцы осаждающія и поднимающія нижнюю челюсть находятся въ *антагонизмѣ* другъ къ другу; но такое взаимное отношеніе ихъ не

анатомо-физіологической, могутъ быть охарактеризованы какъ *открытые* или *рто-раскрыватели*, а согласные—какъ *съуженные* или *рто-смыкатели* (вторые термины составлены по образцу нѣмецкихъ „Mundöffner“ и „Mundschliesser“, принятыхъ Техмеромъ). Изъ гласныхъ *а* произносится при широкомъ раскрытіи рта, *э* и *о*—при среднемъ, *і*, *у*, *ы*—при узкомъ; согласные произносятся при узкомъ растворѣ рта (съ преобладаніемъ момента закрытія). Степень раскрытій и съуженій ртоваго отверстія варіируетъ по языкамъ, что не можетъ не отражаться на оттѣнкѣ звуковъ; кромѣ того, она находится въ тѣсной связи съ артикуляціями органовъ произношенія.

Примѣчаніе. Такъ какъ нѣкоторые лингвисты выражаютъ сомнѣніе по поводу приведенной характеристики гласныхъ и согласныхъ, то мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ. Прежде всего напомнимъ, что анализъ звуковъ рѣчи долженъ производиться съ обѣихъ главныхъ точекъ зрѣнія—анатомо-физіологической и акустической; поэтому мы смотримъ на нашу характеристику какъ лишь на первую половину полной характеристики. При этомъ нельзя не остановить своего вниманія на томъ замѣчательномъ фактѣ, что работы осажденія и поднятія нижней челюсти совершаются различными мышечными группами, получающими—необходимо прибавить—нервные импульсы къ работѣ изъ разныхъ источниковъ; такимъ образомъ, уже самое анатомическое устройство говорильнаго аппарата какъ бы предопредѣляетъ существованіе указанныхъ двухъ звуковыхъ группъ. [1]) Это

слѣдуетъ понимать въ смыслѣ полной обособленности дѣйствія, нѣтъ—во время дѣйствія одной мышечной группы необходимо происходитъ и дѣйствіе ей противоположной (чѣмъ достигается точность и плавность въ работѣ), при чемъ перевѣсъ по силѣ имѣетъ въ данный моментъ главная работающая группа, т. е. группа мышцъ опускающихъ нижнюю челюсть—при гласныхъ, а группа поднимающихъ—при согласныхъ. Разумѣется, что антагонизмъ въ дѣйствіи мышцъ понятенъ лишь при допущеніи соотвѣтственнаго соотношенія въ иннерваціи.

[1]) Къ приведенному анатомо-физіологическому обоснованію дѣленія звуковъ на гласные и согласные я пришелъ вполнѣ самостоятельно при моемъ ознакомленіи съ мускулатурою аппарата рѣчи; на этотъ моментъ я указывалъ уже въ своемъ Введеніи въ изученіе русскаго вокализма (см. Р. Ф. В., 1882, № 1, стр. 94, 96—97). Послѣдующее знакомство съ трудомъ Техмера указало мнѣ на совпаденіе нашихъ точекъ зрѣнія, а это обстоятельство косвенно говоритъ въ пользу отстаиваемаго мною положенія.

анатомо-физіологическое различіе обнаруживается особенно ясно при усиленіи произношенія звуковъ той и другой категоріи, именно: съ усиленіемъ произношенія гласныхъ увеличивается открытость рта, тогда какъ съ усиленіемъ произношенія согласныхъ его съуженность.

V. **Органы произношенія.** Органы произношенія, артикуляціями которыхъ опредѣляются звуки рѣчи, могутъ быть раздѣлены на двѣ пары: 1) *губную* и 2) *язычно-небную*.

Относительно *губныхъ* артикуляцій прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что онѣ совершаются или обѣими губами, или же одною нижней. Съ помощью обѣихъ губъ производятся звуки *п*, *б*, *м*, *о*, *у*, при чемъ для согласныхъ *п*, *б* и *м* губы по всей своей длинѣ сжимаются между собою, а для гласныхъ *о* и *у* выдвигаются (выпячиваются) впередъ, сжимаясь лишь въ углахъ и образуя по серединѣ кругловатое отверстіе. Съ помощью одной нижней губы произносятся звуки *в* и *ф*, при чемъ она приближается къ верхнимъ зубамъ, слегка касаясь ихъ верхней частью внутренней своей поверхности. Наконецъ, при остальныхъ звукахъ губы находятся болѣе или менѣе въ пассивномъ состояніи.

Что касается *язычно-небной* пары, то дѣйствующимъ органомъ здѣсь является *языкъ*, который представляетъ собою весьма сложный мышечный комплексъ, прикрѣпляющійся своимъ переднимъ корнемъ къ нижей челюсти, а заднимъ—къ подъязычной кости, заложенной въ передней части шеи надъ гортанью. Передняя часть языка свободно выступаетъ и вслѣдствіе этого является особенно подвижной, тогда какъ задняя часть, примыкающая къ мѣсту задняго прикрѣпленія языка, менѣе подвижна. Вторымъ элементомъ язычно-небной пары служитъ *небо*, представляющее собою какъ бы сводъ въ ртовой полости, неподвижный въ своей передней части и подвижный въ задней (см. сказанное раньше по поводу мягкаго неба). Такимъ образомъ небо неподвижно тамъ, гдѣ языкъ болѣе всего подвиженъ, тогда какъ позади, противъ малоподвижнаго корня языка, оно подвижно, благодаря чему въ области зад-

нихъ отдѣловъ язычно-небной пары дѣйствіе является болѣе или менѣе обоюднымъ.

Языкъ можетъ артикулировать относительно неба своею *переднею* частью (напр. при произнесеніи *т*), *среднею* (напр. при произнесеніи гласнаго *і* и согласнаго *j*) и *заднею* (напр. при *к*). При этомъ въ дѣйствіи передней части языка различается дѣйствіе относительно *верхнихъ зубовъ* и ихъ десенъ (напр. *т*, *з*, *с*) и относительно твердаго неба нѣсколько выше зубовъ, въ области *альвеолъ*, т. е. челюстныхъ луночекъ верхнихъ зубовъ, одѣтыхъ десною и образующихъ небольшую выпуклость надъ верхними зубами (*ш*, *ж*, *р*); дѣйствіе же задней части языка различается *болѣе глубокое* (при *о* и *у*) и *менѣе глубокое* (напр. при гласномъ *ы* и согласныхъ *к*, *х*). Кромѣ того, артикуляціи языка переднія и заднія могутъ перемѣщаться въ сторону средней части языка и тогда получаются такъ называемыя „мягкія“ разновидности соотвѣтствующихъ звуковъ; такъ, могутъ быть артикуляціи *средне-передней* части части языка (напр. *т'*) и *средне-задней* (напр. *к'*).

Самая *форма* языка въ зависимости отъ артикуляцій видоизмѣняется. Внѣ рѣчи языкъ болѣе или менѣе выполняетъ полость рта, касаясь при этомъ почти всѣми частями своей выпуклой спинки соотвѣтственныхъ участковъ вогнутаго неба, при чемъ кончикъ языка опущенъ къ нижнимъ зубамъ. Такую форму языка съ выпуклою спинкою называютъ *спиночною* или *дорсальною* (отъ лат. dorsum „спина“). Она также сохраняется при произношеніи большинства звуковъ—всѣхъ гласныхъ и тѣхъ различныхъ согласныхъ, произношеніе которыхъ требуетъ участія средней или задней части языка; при этомъ соотвѣтствующая часть спинки языка еще болѣе приподнимается къ небу, образуя бугоръ, между тѣмъ какъ кончикъ языка въ зависимости отъ этого болѣе или менѣе втягивается. Напротивъ, при произношеніи зубныхъ и альвеолярныхъ согласныхъ языкъ обыкновенно отступаетъ отъ своей дорсальной

формы, при чемъ кончикъ его приподнимается къ верхнимъ зубамъ или еще выше и дальше по небному своду, а среднія и заднія его части въ зависимости отъ этого соотвѣтственно уменьшаютъ свою выпуклость; такую форму языка называютъ *концевою* или *корональною* (отъ лат. согопа „край“). Сверхъ того, нужно отмѣтить еще одну форму языка, которая наблюдается при произношеніи *л*; въ этомъ случаѣ боковые участки языка нѣсколько оттягиваются внизъ, давая здѣсь проходъ для воздуха, тогда какъ прочія части языка имѣютъ укладъ или корональный (при твердомъ *л*), или дорсальный (при мягкомъ *л*); такая форма артикуляціи называется *боковою*.

Обращаясь къ другому, болѣе пассивному, элементу язычно-небной пары, т. е. къ нёбу, мы должны установить тѣ мѣста на немъ, въ направленіи которыхъ совершаются артикуляціи языка. Въ сущности говоря, языкъ можетъ артикулировать однѣми и тѣми же частями относительно весьма различныхъ участковъ неба; но въ дѣйствительномъ произношеніи звуковъ какого-либо нарѣчія или говора для каждаго звука существуетъ на небѣ уже своя особая опредѣленная зона приближенія или прижатія языка. При этомъ оказывается, что большинство артикуляцій языка совершается въ направленіи твердаго неба, а именно: передняя часть языка артикулируетъ относительно передней части твердаго неба (включая сюда и передніе зубы), средняя часть—относительно средней части его, а задняя часть языка—относительно задней части твердаго неба съ нѣкоторымъ заходомъ въ область мягкаго, и только немногіе звуки (напр. *о*, *у*, глубокое *к*) требуютъ для своего произношенія болѣе глубокаго дѣйствія задней части языка относительно мягкаго неба. Такимъ образомъ получаются четыре главныя артикуляціонныя зоны, изъ которыхъ первыя три принадлежатъ твердому небу (передне-небная артикуляція, средне-небная и задне-небная), а послѣдняя—мягкому (мягко-небная артикуляція). Къ этому надо прибавить, что между указанными зонами могутъ быть

и промежуточныя, получающія свое названіе отъ тѣхъ зонъ, изъ смежныхъ частей которыхъ онѣ составляются (напр. средне-передняя, средне-задняя). Такое подраздѣленіе неба весьма удобно, такъ какъ названныя области неба вполнѣ соотвѣтствуютъ частямъ языка, артикулирующимъ въ направленіи къ нимъ.[1]) Поэтому для обозначенія какой-либо язычно-небной артикуляціи можно въ большинствѣ случаевъ ограничиваться лишь указаніемъ на работающую часть языка. Болѣе детальное опредѣленіе артикуляціонныхъ зонъ на небѣ, болѣе или менѣе варіирующихъ по говорамъ и языкамъ, получается примѣненіемъ т. наз. „методы окрашиванія“.[2])

---

[1]) Нѣкоторые ученые придерживаются иного подраздѣленія язычно-небныхъ артикуляцій, принимая за цѣлое все небо; при этомъ передне-небная артикуляція у нихъ обнимаетъ всю область твердаго неба, а задне-небная—область мягкаго неба. Понятно, что такая терминологія страдаетъ значительною неопредѣленностію, такъ какъ здѣсь съ терминомъ «передне-небный» соединяется слишкомъ обширная область неба и притомъ наиболѣе богатая подраздѣленіями, для которыхъ приходится придумывать дополнительные термины, не исчерпывающіе однако всей сложности язычно-небныхъ артикуляцій и не стоящихъ въ соотвѣтствіи съ названіями артикулирующихъ областей языка. Такъ, мягкіе передне-язычные согласные опредѣляются этими учеными, какъ результатъ дѣйствія передней спинки языка о передній край неба, а мягкіе задне-язычные характеризуются преградой между срединой спинки языка и задней частью твердаго неба, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ при первыхъ артикулируетъ передне-средняя часть языка, а при вторыхъ средне-задняя относительно соотвѣтствующихъ участковъ неба. Что касается происхожденія нашей группировки, то она представляетъ собою развитіе того основанія, которое было выставлено проф. Бодуэномъ-де-Куртенэ въ его сочиненіи «О древне-польскомъ языкѣ до XIV-го стол.» (1870) стр. 26 сл.; кромѣ того, см. Крушевскій Н. В. Очерки по языковѣдѣнію, вып. II: Антропофоника (1893)—таблицу на стр. 29.

[2]) Эта метода состоитъ въ слѣдующемъ. Языкъ на-сухо вытираютъ, покрываютъ посредствомъ кисточки слоемъ густо-разведенной туши и артикулируютъ для произнесенія извѣстнаго звука или звукосочетанія. Затѣмъ ротъ раскрываютъ и разсматриваютъ передъ зеркаломъ отпечатокъ, получившійся на небѣ. Съ цѣлью болѣе легкаго полученія и фиксированія палатограммъ (отпечатковъ на небѣ) пользуются искусственнымъ небомъ, о чемъ см. нашъ «Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными». Казань (1909) стр. 15—16.

При изслѣдованіи работъ органовъ произношенія нужно обращать вниманіе еще и на *способъ* ихъ дѣйствія: гласные звуки требуютъ болѣе или менѣе значительнаго удаленія другъ отъ друга артикулирующихъ органовъ произношенія, тогда какъ согласные, наоборотъ, нуждаются въ сближеніи или смычкѣ этихъ послѣднихъ.

Разсмотрѣвъ послѣдовательно работы всего говорильнаго аппарата, мы должны были бы коснуться теперь мышечныхъ ощущеній, необходимо сопровождающихъ эти работы, но въ виду того, что эти ощущенія вообще идутъ параллельно съ работами говорильныхъ органовъ, мы не станемъ въ нашемъ общемъ курсѣ останавливаться на нихъ,[1]) а равнымъ образомъ и на нервно-двигательныхъ импульсахъ, какъ ускользающихъ отъ нашего вниманія, и перейдемъ ко второй сторонѣ звуковъ рѣчи, именно—акустической.

Съ точки зрѣнія акустической, при произношеніи происходитъ весьма сложное колебаніе воздуха, которое приводитъ въ соотвѣтствующее колебаніе барабанную перепонку уха; отсюда это колебаніе достигаетъ окончаній слуховаго нерва, черезъ посредство котораго проводится въ головной мозгъ, гдѣ становится уже психическимъ явленіемъ—ощущеніемъ соотвѣтствующаго звука. Въ своемъ изложеніи мы остановимся преимущественно на главнѣйшихъ положеніяхъ *физической акустики* примѣнительно къ рѣчи.

Когда по воздуху проходитъ рядъ звуковыхъ волнъ, то въ одномъ случаѣ мы получаемъ ощущеніе *музыкальнаго звука*,

---

Для полноты представленія необходимо и обратное примѣненіе методы, т. е. покрывается тушью небо съ цѣлью полученія на языкѣ отпечатка тѣхъ мѣстъ, которыми онъ прикасался къ небу.

[1]) Интересующихся этимъ вопросомъ мы можемъ отослать къ соотвѣтствующей главѣ нашихъ Очерковъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], стр. 79—87.

а въ другомъ—ощущеніе *шума*, а именно: ощущеніе музыкальнаго звука получается отъ достаточно быстрыхъ *періодическихъ* (правильныхъ, ритмическихъ) колебаній, а ощущеніе шума отъ колебаній *непериодическихъ*. При произношеніи періодическія колебанія вызываются вибраціоннымъ состояніемъ голосовыхъ связокъ и имѣютъ мѣсто напр. при *гласныхъ*, а непериодическія, обычно вызываемыя прохожденіемъ воздуха чрезъ ртовыя артикуляціонныя преграды, характеризуютъ категорію *согласныхъ* звуковъ. Шумы могутъ соединяться съ періодическими колебаніями, какъ напр. при *звонкихъ согласныхъ* (такъ, при произнесеніи *з* голосовой тонъ гортани соединяется съ тѣмъ шумомъ, который образуется при выходѣ тока воздуха черезъ щель между концомъ языка и верхними зубами), между тѣмъ какъ при произнесеніи *глухихъ согласныхъ* голосовой тонъ гортани совершенно отсутствуетъ, а имѣется только шумъ. [1])

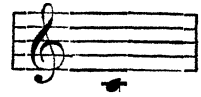
Въ музыкальныхъ звукахъ, какъ и въ шумахъ, различаются: 1) высота звука, 2) сила и 3) тембръ.

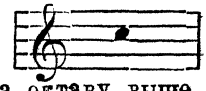
Высота звука обусловливается частотою колебаній. Для иллюстраціи этого можно воспользоваться записью отъ камертона на вращающемся цилиндрѣ, покрытомъ закопченной бумагой. Цилиндръ приводится въ равномѣрное вращеніе часовымъ механизмомъ; если при этомъ коснуться поверхности цилиндра перышкомъ, прикрѣпленнымъ къ концу звучащаго камертона, то оно оставитъ на цилиндрѣ вибраціонный слѣдъ. Такъ какъ высота тона опредѣляется частотою колебаній въ секунду, то чтобы опредѣлить высоту тона нашего камертона,

---

[1]) Собственно говоря, нѣкоторые шумы получаются въ полости рта и при произнесеніи гласныхъ, благодаря отраженіямъ поступательнаго звучащаго тока о стѣнки полости, но настолько слабые, что обычно ускользаютъ отъ слуха, между тѣмъ какъ при согласныхъ шумы составляютъ наиболѣе характерный моментъ, производясь—въ отличіе отъ гласныхъ шумовъ—треніемъ выдыхаемаго тока воздуха о края съуженія или же взрывомъ смычки.

нужно сосчитать, сколько вибрацій начертилъ онъ на цилиндрѣ въ 1″. Допустимъ, что полученная графика камертона показываетъ 256 полныхъ вибрацій въ 1″; согласно даннымъ акустики такой тонъ будетъ соотвѣтствовать указываемой здѣсь нотѣ do. Слѣдовательно, когда произносятся на этомъ тонѣ гласные и вообще звонкіе звуки, голосовыя связки дѣлаютъ столько же вибрацій въ 1″, какъ и камертонъ, т. е. 256. Возьмемъ теперь другой камертонъ и заставимъ его чертить вибраціонную линію одновременно съ первымъ; предположимъ, что въ то время какъ первый камертонъ чертитъ одну вибрацію, второй чертитъ двѣ; такимъ образомъ, въ одну секунду число вибрацій втораго камертона будетъ уже 512, а это значитъ, что тонъ втораго камертона, а слѣдов. такой же тонъ и въ произношеніи, будетъ на октаву выше. Подобнымъ образомъ высота каждаго тона выражается числомъ колебаній въ секунду и можетъ быть передана также въ нотномъ обозначеніи. Наблюдая нашу рѣчь, мы легко замѣчаемъ, какъ въ теченіи ея измѣняется высота голосоваго тона; въ русскихъ фразахъ интервалъ (промежутокъ) между наиболѣе высокимъ и наиболѣе низкимъ словомъ можетъ равняться октавѣ, между же слогами одного и того же слова этотъ промежутокъ гораздо менѣе, разнообразясь при этомъ въ зависимости отъ положенія ихъ относительно ударенія. Въ южныхъ языкахъ—итальянскомъ и испанскомъ разстоянія въ тонахъ значительно бо́льше.





Сила звука сводится къ амплитудѣ колебаній частицъ воздуха отъ полученнаго импульса. Амплитудой или размахомъ (широтой) колебанія называется разстояніе, по которому частица воздуха движется впередъ и назадъ во время прохожденія звуковой волны. Если мы будемъ смотрѣть на вибрирующій камертонъ или струну, то замѣтимъ, что по мѣрѣ уменьшенія размаха слабѣетъ и звукъ, который наконецъ прекращается, когда амплитуда равняется нулю. Если мы произносимъ, напр.,

звукъ *a* на одной и той же высотѣ, начавши его громкимъ голосомъ и постепенно стихая, это значитъ, что быстрота вибрацій голосовыхъ связокъ сохраняется одна и та же, измѣняется только амплитуда ихъ качанія, а именно: вначалѣ большая, она постепенно уменьшается. Если теперь мы будемъ произносить звукъ *a* въ одномъ и томъ же тонѣ, постепенно усиливая голосъ, то это значитъ, что, при одной и той же быстротѣ вибрацій голосовыхъ связокъ, ширина ихъ качанія постепенно увеличивается. [1])

Говоря о силѣ звука, нужно прибавить, что она можетъ увеличиваться чрезъ присоединеніе различныхъ резонансовыхъ полостей къ источнику звука. Такъ, если мы будемъ держать звучащій камертонъ надъ отверстіемъ сосуда, въ который мы можемъ подливать воду и отливать ее и такимъ образомъ измѣнять высоту воздушнаго столба въ сосудѣ, то легко замѣтимъ, что звукъ камертона, усиливаясь, достигаетъ своей наибольшей силы только при извѣстной высотѣ воздушнаго столба, именно—когда собственный тонъ воздуха въ сосудѣ [2]) гармонируетъ (совпадаетъ) съ тономъ камертона. Такое усиленіе звука называется *резонансомъ* и происходитъ на счетъ звуковой энергіи звучащаго тѣла, въ данномъ случаѣ—камертона; поэтому тонъ камертона, усиленный резонансомъ, звучитъ болѣе короткое время, чѣмъ тонъ того же изолированнаго (не усиленнаго резонансомъ) камертона. Въ нашемъ аппаратѣ рѣчи роль резонаторовъ или надставныхъ трубъ исполняютъ полости, лежащія надъ гортанью, изъ которыхъ особенную важность представляетъ полость рта, такъ какъ

---

[1]) Какъ силу, такъ и высоту звуковъ рѣчи экспериментальная фонетика изслѣдуетъ съ помощью разнообразныхъ приборовъ; срв. между прочимъ наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[2], стр. 213—221.

[2]) Этотъ тонъ не трудно обнаружить, если дуть надъ отверстіемъ сосуда; тогда воздушная масса сосуда будетъ приведена въ музыкальное колебаніе, при чемъ тонъ будетъ повышаться по мѣрѣ уменьшенія высоты воздушнаго столба отъ подливаемой воды.

именно она наиболѣе видоизмѣняется въ своей величинѣ и конфигураціи въ зависимости отъ разнообразныхъ укладовъ органовъ произношенія; въ отличіе отъ полости рта полость носа мало измѣняема и потому является однообразною надставною трубою. Эти надгортанныя полости служатъ резонаторами какъ для голосоваго тона гортани, такъ и для шумовъ, образующихся при прохожденіи выдыхательнаго тока воздуха чрезъ ртовыя артикуляціонныя преграды.

Подъ *тембромъ* разумѣется особый оттѣнокъ звука, по которому мы различаемъ тонъ одной и той же высоты и силы, но произведенный различными источниками, напр. разными инструментами или голосами. Это различіе обусловловливается тѣмъ, что основной тонъ соединяется съ болѣе слабыми высшими тонами или *обертонами*, которые неодинаковы у разныхъ источниковъ звука и зависятъ отъ того, что звучащее тѣло, вибрируя какъ цѣлое, въ то же время вибрируетъ и своими частями: такъ, вибрирующая струна дѣлится въ то же время по длинѣ на большее или меньшее число равныхъ частей, изъ которыхъ каждая вибрируетъ какъ самостоятельная струна, производя болѣе слабые и высшіе тоны по сравненію съ тономъ цѣлой струны — наиболѣе сильнымъ и низкимъ; подобнымъ образомъ и въ духовыхъ инструментахъ колебанія цѣлой колонки воздуха соединяются съ колебаніями ея частей. Это присоединеніе верхнихъ тоновъ (обертоновъ) къ основному тону и производитъ то, что называется тембромъ. Нѣмецкій ученый Гельмгольцъ разъяснилъ (1863 г.), что сущность различія *гласныхъ звуковъ* сводится именно къ различію тембра, ибо измѣненіе высоты и силы голосоваго тона не влечетъ за собой измѣненія одного гласнаго въ другой. [1]) Для уясне-

[1]) Нельзя не упомянуть, что принципіальная часть ученія о сущности различія гласныхъ еще ранѣе Гельмгольца была весьма отчетливо представлена англійскимъ ученымъ Виллисомъ (1829 г.), о чемъ см. Lord Reyleigh The theory of sound, II. (1896), 470—472.

нія происхожденія гласныхъ Гельмгольцъ обратилъ вниманіе 1) на голосовыя связки, которыя, вибрируя какъ цѣлыя и своими частями, издаютъ основной тонъ, соединяющійся съ обертонами, и 2) на полости, лежащія надъ гортанью и служащія для резонанса частныхъ тоновъ, издаваемыхъ вибрирующими голосовыми связками. Такъ какъ при произнесеніи разныхъ гласныхъ главная изъ этихъ полостей, т. е. полость рта, благодаря разному укладу органовъ произношенія, измѣняетъ свои размѣры и конфигурацію, то въ зависимости отъ этого соотвѣтственно измѣняется и собственный тонъ полости, такъ что каждому гласному свойственна своя особая настройка или тонъ воздушной массы полости рта. [1]) Отсюда и происходитъ то, что при произношеніи разныхъ гласныхъ полость рта усиливаетъ не одни и тѣ же обертоны звучащихъ голосовыхъ связокъ, а только тѣ, которые совпадаютъ съ ея собственнымъ тономъ при данномъ гласномъ, или же близко прилегаютъ къ этому тону, между тѣмъ какъ остальные верхніе тоны голосовыхъ связокъ, не соотвѣтствующіе настройкѣ воздушной среды, болѣе или менѣе заглушаются. [2]) Однако въ настоящее время выдвигается еще другое объясненіе различія гласныхъ, видящее причину его въ различіи высоты собственныхъ характерныхъ шумовъ полости рта, производимыхъ

---

[1]) Для опредѣленія собственнаго тона полости рта при разныхъ гласныхъ пользуются собраніемъ камертоновъ разной высоты тона; придавъ полости рта артикуляціонный укладъ того или другаго гласнаго, ударяютъ попеременно камертоны, поднося ихъ къ отверстію рта; при этомъ тонъ того камертона, который соотвѣтствуетъ собственному тону воздушной среды полости, будетъ имѣть наибольшій резонансъ. Кромѣ того, обладая музыкальнымъ слухомъ, можно и непосредственно изучать настройку полости рта при разныхъ гласныхъ; для этого нужно произносить гласные шепотомъ или же простымъ выдыханіемъ воздуха, и тогда можно замѣтить, что каждый гласный характеризуется особой спеціальной для него высотой.

[2]) Посредствомъ спеціальныхъ резонаторовъ довольно явственно воспринимаются при этомъ первые шесть или восемь верхнихъ тоновъ, но въ разнообразной силѣ, смотря по гласному.

прохожденіемъ выдыхательнаго тока воздуха при соотвѣтствующихъ укладахъ ртовой полости; эти характерные шумы, присоединяясь къ голосовому тону гортани, и даютъ качественное различіе гласныхъ. При этомъ противники теоріи Гельмгольца указываютъ между прочимъ на то обстоятельство, что лишь благодаря именно этимъ характернымъ шумамъ могутъ получаться и при шепотѣ (а также и простомъ выдыханіи) гласные, аналогичные громко произносимымъ. Однако намъ представляется это возраженіе не имѣющимъ достаточной убѣдительности, такъ какъ аналогичность одного и того же звука въ громкомъ, шепотномъ и выдыхательномъ произношеніи можетъ зависѣть отъ одинаковости резонансовой полости. Какъ бы то ни было, физическое ученіе о тембрѣ гласныхъ звуковъ еще не вышло изъ кризиса; тѣмъ не менѣе, можно принять то общее положеніе, что дѣйствительный тембръ гласныхъ образуется цѣлою суммою тоновъ разной высоты и силы (съ особеннымъ преобладаніемъ одного или двухъ) и отчасти не гармоническихъ. Что касается *согласныхъ*, то составъ ихъ темброваго шума гораздо труднѣе поддается анализу, но вполнѣ очевидна та разница съ гласными, что между тѣмъ какъ у послѣднихъ вся ртовая полость участвуетъ своимъ собственнымъ тономъ въ приданіи тембра голосу, въ согласныхъ имѣется еще ртовый фокусъ (съуженіе или взрывъ смычки), гдѣ образуется шумъ, резонируемый полостью рта. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія физической акустики *гласные* опредѣляются собственнымъ звукомъ (суммою собственныхъ тоновъ) резонатора и въ особенности полости рта, *согласные* же—характернымъ шумомъ фокуса + (плюсъ) собственный звукъ резонатора.

Мы совершенно не знаемъ, какимъ образомъ звукоколебательное состояніе воздуха, передавшись въ слуховой участокъ мозга, [1]) превращается въ психическое состояніе—

[1]) Эта передача происходитъ черезъ посредство уха и слуховаго нерва. Наше *ухо* состоитъ изъ трехъ камеръ или отдѣловъ: 1) наружная камера,

ощущеніе того или другаго звука. А между тѣмъ само звукопроизводство обусловливается не только физіологическимъ или артикуляціоннымъ моментомъ, но и *слуховымъ*, такъ какъ наша рѣчь, служа посредникомъ между говорящимъ и слушающими, очевидно должна содержать элементы достаточно слышные и въ то же время достаточно различимые одинъ отъ другаго для слуха; такимъ образомъ, слуховой моментъ, въ связи съ анатомо-физіологическимъ, до нѣкоторой степени уже опредѣляетъ возможный составъ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, отчего мы и встрѣчаемъ нѣкоторую аналогію звуковыхъ системъ въ языкахъ неродственныхъ. Однако лишь

т. е. ушная раковина съ слуховымъ каналомъ, который внутри затянутъ на-глухо такъ называемою барабанною перепонкой; 2) среднее ухо—съ цѣпочкой сочлененныхъ косточекъ: молоточкомъ, наковальней и стременемъ, изъ которыхъ первая вросла своею рукояткой въ барабанную перепонку, а послѣдняя своею подошвою—въ перепонку овальное окна, ведущаго въ лабиринтъ; 3) третья его и послѣдняя камера или лабиринтъ состоитъ изъ преддверія съ тремя дугообразными каналами по одну сторону и т. наз. улиткой по другую; лабиринтъ наполненъ жидкостью, при чемъ въ улиткѣ нервныя окончанія лежатъ между рядами микроскопическихъ, дугообразно-изогнутыхъ упругихъ пластинокъ (число которыхъ доходитъ до 3000), постепенно измѣняющихъ свою длину по мѣрѣ восхожденія въ улиткѣ (а потому имѣющихъ различную настройку) и по своей функціи подобныхъ—какъ полагаютъ—ряду струнъ фортепьяно. Число этихъ дугъ (по соображенію Гельмгольца, по 400 дугъ приходится на каждую октаву и по $33^1/_3$—на каждый полутонъ) вполнѣ достаточно, чтобы объяснить, почему при непрерывно увеличивающейся или уменьшающейся скорости колебанія наше ощущеніе также непрерывно измѣняется, не перескакивая со ступени на ступень. Когда до барабанной перепонки уха доходитъ сложный звукъ, то черезъ посредство косточекъ и перепонки овальнаго окна будетъ толкнута жидкость лабиринта, и этимъ путемъ будутъ возбуждены всѣ тѣ упругія пластинки (съ расположенными здѣсь нервными окончаніями), высота тона которыхъ соотвѣтствуетъ различнымъ простымъ тонамъ, содержащимся въ воспринимаемой звуковой массѣ: аккордъ будетъ разложенъ на свои отдѣльные звуки съ ихъ гармоническими тонами, и потому при достаточномъ вниманіи музыкально развитое ухо можетъ воспринять простые тоны въ отдѣльности, хотя обычно мы воспринимаемъ сложный звукъ въ цѣломъ, такъ какъ не имѣли надобности развить привычку къ воспріятію составныхъ частныхъ тоновъ въ отдѣльности.

немногія слуховыя впечатлѣнія отъ звуковъ рѣчи поддаются описанію (сюда напр. относятся кромѣ терминовъ, указывающихъ высоту и силу, такія названія, какъ — свистящіе звуки, шипящіе, шепелеватые; въ иныхъ случаяхъ пользуются метафорами, напр. звуки твердые, мягкіе, и пр.), въ особенности звуки по отдѣльности; но мы можемъ, руководясь степенью сходства слуховыхъ впечатлѣній отъ отдѣльныхъ звуковъ, группировать эти впечатлѣнія въ типы съ болѣе крупными и болѣе мелкими подраздѣленіями, напр. типъ *T* (звуки *т* и *д*) и т. п. Однако при наблюденіяхъ надъ говорами артикуляціи не такъ легко поддаются изученію, такъ какъ въ значительной мѣрѣ бываютъ скрыты отъ взора наблюдателя, и потому изслѣдователи-діалектологи обычно центръ тяжести переносятъ на изученіе слуховыхъ впечатлѣній, для транскрипціи которыхъ къ обычнымъ начертаніямъ буквъ присоединяютъ разные значки, а также придумываютъ и новыя или видоизмѣненныя начертанія. [1])

---

[1]) Срв. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 1910[3], стр. 191 сл. (глава XIV — «Русскій текстъ въ научно-фонетической транскрипціи»), а также сноску на стр. 100.

Лекція 3-ья.

Классификація гласныхъ звуковъ у нѣмецкихъ и англійскихъ фонетиковъ. Классификація согласныхъ.

Въ предъидущей лекціи мы указали на тѣ главныя точки зрѣнія, на основаніи которыхъ должна производиться классификація звуковъ рѣчи, именно—точка зрѣнія произношенія или физіологическая и слышанія или акустическая. Такъ какъ видоизмѣненіе въ укладахъ органовъ произношенія сопровождается видоизмѣненіемъ и въ оттѣнкѣ звука, то становится вполнѣ понятнымъ, что должно быть соотвѣтствіе между этими двумя сторонами и вмѣстѣ съ тѣмъ между классификаціею звуковъ физіологическою и акустическою.

Само собою разумѣется, что въ живомъ языкѣ звуки и ихъ сочетанія не имѣютъ независимаго существованія, всегда входя въ составъ словъ, которыя въ свою очередь также не существуютъ въ отдѣльности, а являются составною частью предложенія. При этомъ каждый звукъ живой рѣчи, въ зависимости отъ того или другаго своего положенія въ словѣ и въ предложеніи, представляетъ необозримое разнообразіе варіацій, не говоря уже о различныхъ нюансахъ, получающихся отъ выразительности и подъ вліяніемъ эмоцій. При такихъ условіяхъ, чрезмѣрно затрудняющихъ классификацію, изслѣдователь вынужденъ въ самомъ началѣ отбросить всѣ эти варіаціи и принять въ качествѣ исходнаго пункта основные типы зву-

ковъ, представляющихся при отдѣльномъ произношеніи, а затѣмъ постепенно переходить къ болѣе и болѣе сложнымъ ихъ аггрегатамъ, до связной рѣчи включительно, въ которой выявятся и всѣ варіаціи отдѣльныхъ звуковъ. Этотъ пріемъ, вызываемый практическими соображеніями, нисколько не грѣшитъ и противъ научной точности, такъ какъ произношеніе отдѣльныхъ звуковъ каждаго языка необходимо гармонируетъ съ произношеніемъ тѣхъ же звуковъ въ словахъ того же языка.[1]) Въ самомъ дѣлѣ, если я изучаю напр. общерусскій гласный *о* въ отдѣльномъ произношеніи, то я беру его не съ любою произвольно придуманной артикуляціей, но исключительно съ тою, къ какой я привыкъ въ своей родной рѣчи; или если вы попросите англичанина произнести согласный *ϑ* (глухой *th*) его роднаго языка, то онъ не будетъ произвольно брать разныя положенія языка, а произнесетъ этотъ звукъ съ извѣстной вполнѣ опредѣленной артикуляціей; и т. п. Такіе фонаціонные навыки въ разныхъ языкахъ будутъ различны, въ чемъ не трудно убѣдиться, наблюдая, напримѣръ, надъ произношеніемъ русскихъ звуковъ иностранцами, произносящими ихъ вначалѣ посредствомъ тѣхъ артикуляцій, которыя для нихъ привычны по родному языку, и лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ упражненій овладѣвающими надлежащимъ произношеніемъ. Такимъ образомъ, отдѣльные звуки того или инаго языка или говора представляютъ вполнѣ опредѣленную физіономію, какъ это подтверждаютъ также палятограммы, которыя для одного и того же звука даннаго говора оказываются поразительно однообразными при всѣхъ повторныхъ опытахъ.

---

[1]) Необходимо отмѣтить, что въ самой живой рѣчи можно встрѣтить случаи отдѣльнаго произношенія звуковъ, напр. въ нѣкоторыхъ случаяхъ краткихъ отвѣтовъ, а также при грамматическомъ разборѣ; такое произношеніе, когда къ нему не присоединяется особая интонація, вполнѣ совпадаетъ съ звуками въ отдѣльномъ произношеніи; при этомъ согласные произносятся съ достаточнымъ напряженіемъ, а всѣ гласные являются ударенными.

Сказаннаго достаточно, чтобы оправдать то, что физіологи рѣчи за исходный пунктъ принимаютъ произношеніе отдѣльныхъ звуковъ, переходя затѣмъ послѣдовательно къ слоговымъ сочетаніямъ звуковъ, словамъ и цѣлой конкретной рѣчи. [1])

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію классификаціи звуковъ рѣчи, мы должны еще коснуться того индифферентнаго состоянія аппарата рѣчи, отъ котораго начинается произношеніе каждаго отдѣльнаго звука. Здѣсь нужно различать абсолютный и относительный индифферентный укладъ, изъ которыхъ первый свойственъ спокойному дыханію при отсутствіи произношенія, а второй представляетъ собой переходную *базу* къ началу произношенія, при чемъ всѣ части говорильнаго аппарата испытываютъ нѣкоторое общее возбужденіе или общую тоничность. Самое произношеніе того или другаго звука, начинающееся отъ этого послѣдняго уклада, представляетъ три момента—*экскурсію*, когда соотвѣтствующія части аппарата рѣчи выходятъ на работу, *среднюю часть* или время задержки ихъ въ принятомъ положеніи и, наконецъ, *рекурсію* или возвращеніе работающихъ частей къ индифферентному положенію. Съ акустической точки

---

[1]) На этой точкѣ зрѣнія стоятъ такіе видные физіологи рѣчи, какъ *Sievers*, *Sweet* и др. Такъ, во Введеніи къ своей «Фонетикѣ» или—точнѣе—физіологіи звуковъ Зиверсъ высказываетъ слѣдующее: строго систематическая фонетика должна бы напередъ изслѣдовать «предложеніе» со всѣми измѣненіями, какія оно можетъ испытывать при устномъ выраженіи (ибо въ живомъ языкѣ только предложеніе есть дѣйствительно существующій и подлежащій наблюденію объектъ), а затѣмъ приступать къ анализу самаго предложенія, т. е. къ изслѣдованію рѣчевыхъ тактовъ и слоговъ, какъ членовъ этихъ тактовъ, отсюда переходя къ разсмотрѣнію слоговъ, какъ таковыхъ, и составляющихъ ихъ отдѣльныхъ звуковъ; но по практическимъ причинамъ и при изученіи фонетики (какъ и грамматики) отъ простѣйшихъ элементовъ переходятъ обыкновенно къ болѣе сложнымъ комплексамъ, и эта общепринятая метода — прибавляетъ Зиверсъ — соблюдается и въ его трудѣ (см. Sievers, Phonetik, 1901[5], § 14). Подобнымъ образомъ поступаетъ и Sweet, у котораго «анализъ» или ученіе о звукахъ въ отдѣльности предшествуетъ «синтезу» или ученію о звукосочетаніяхъ (см. его книги: A Handbook of Phonetics, 1877; A Primer of Phonetics, 1906[2]).

зрѣнія средняя часть соотвѣтствуетъ наибольшей опредѣленности звука, которой онъ постепенно достигаетъ во время экскурсіи и которую также постепенно утрачиваетъ во время рекурсіи. Вслѣдствіе этого во время экскурсіи и рекурсіи наблюдается рядъ такъ называемыхъ „переходныхъ“ или „скользящихъ“ звуковъ (нѣм. Uebergangslaute, франц. sons transitoires, англ. glides).

Переходя теперь къ главному предмету настоящей лекціи, именно—къ классификаціи звуковъ, прежде всего замѣтимъ, что принимаемъ традиціонное дѣленіе звуковъ на два наиболѣе крупныхъ отдѣла—*гласныхъ* и *согласныхъ*, а такъ какъ анатомо-физіологическое и акустическое основаніе этого дѣленія мы уже разъяснили въ предъидущей лекціи, то здѣсь ограничимся лишь приведеніемъ опредѣленія этихъ двухъ категорій звуковъ съ точки зрѣнія какъ анатомо-физіологической, такъ и акустической:

Гласные звуки съ точки зрѣнія анатомо-физіологической суть открытые звуки, т. е. такіе, при произношеніи которыхъ работа осажденія нижней челюсти преобладаетъ надъ приближеніемъ ея; вмѣстѣ съ тѣмъ органы произношенія отодвинуты на столько, что даютъ свободный выходъ выдыхательному току. Акустическое впечатлѣніе гласнаго опредѣляется голосовымъ тономъ + (плюсъ) комплексъ собственныхъ тоновъ резонатора, главнымъ образомъ ртовой полости. [1])

Согласные звуки съ точки зрѣнія анатомо-физіологической суть съуженные звуки, т. е. такіе, при произношеніи которыхъ работа приближенія нижней челюсти преобладаетъ надъ осажденіемъ; при этомъ органы произношенія сближаются для образованія щели или же затвора. Акустическое впечатлѣніе согласнаго опредѣляется его характер-

[1]) При *шепотномъ* произношеніи гласныхъ мѣсто голосоваго тона заступаетъ шепотный шумъ, а при *шумномъ* произношеніи характеръ гласнаго звука опредѣляется собственными тонами ртовой полости.

нымъ шумомъ отъ прохожденія выдыхательнаго тока черезъ преграду + собственный звукъ резонатора.

Обращаясь къ классификаціи звуковъ той и другой категоріи, мы будемъ имѣть въ виду лишь звуки русскаго литературнаго языка, что же касается звуковыхъ системъ въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, то имъ мы посвятимъ особую лекцію.

а) Гласные звуки.

Русскіе изслѣдователи физіологіи звуковъ, классифицируя гласные звуки, придерживаются способа или нѣмецкихъ (и французскихъ), или же англійскихъ фонетиковъ. Эти два способа классификаціи, не смотря на внѣшнія различія (именно—расположеніе въ видѣ триугольника у нѣмецкихъ фонетиковъ и въ видѣ разграфленнаго четыреугольника—у англійскихъ), въ сущности представляютъ собою лишь варіанты одной и той же классификаціи, опирающейся на обѣ стороны произношенія — артикуляціонную и слуховую, которыя идутъ въ общемъ параллельно одна другой. [1])

Слѣдующая таблица представляетъ распредѣленіе гласныхъ по нѣмецкому способу, т. е. въ формѣ триугольника:

[1]) Мнѣніе, будто нѣмецкая классификація гласныхъ основывается на слуховой сторонѣ, а англійская на артикуляціонной, мы считаемъ ошибочнымъ, что̀ и постараемся выяснить дальше.

Мы взяли лишь основные типы гласныхъ, встрѣчающіеся въ отдѣльномъ русскомъ произношеніи. Въ вершинѣ треугольника помѣщенъ гласный *А*, самый широкій по раствору рта и открытости ртовой полости, при томъ почти не требующій спеціальнаго участія органовъ произношенія (губы остаются совершенно индифферентными, а языкъ нѣсколько приподнятъ въ своей задней части, немногимъ болѣе противъ того, какъ при простомъ раскрытіи рта). Отъ этого гласнаго идутъ два ряда, изъ которыхъ одинъ направляется въ сторону гласнаго *І*, а другой—въ сторону гласнаго *У*. Въ обоихъ случаяхъ происходитъ перемѣщеніе приподнятости языка отъ задней почти нейтральной артикуляціи (*А*) по продольной линіи рта, въ первомъ случаѣ (т. е въ рядѣ *А—Э—І*) по направленію впередъ, а во второмъ (въ рядѣ *А—О—У*) по направленію назадъ. Это перемѣщеніе языковаго бугра какъ по направленію впередъ, такъ и назадъ, сопровождается уменьшеніемъ раскрытости рта тѣмъ большимъ, чѣмъ далѣе впередъ или далѣе взадъ перемѣщается приподнятость языка, съ уменьшеніемъ же раствора рта уменьшается и разстояніе между артикуляціонными поверхностями языка и соотвѣтствующаго участка неба. [1]) Нужно прибавить, что перемѣщеніе языковой приподнятости назадъ соединяется съ одновременнымъ харак-

---

[1]) Описанное перемѣщеніе языковаго бугра въ рядѣ *А—Э—І* ясно замѣчается посредствомъ мышечнаго чувства и легко подтверждается непосредственнымъ наблюденіемъ; что касается ряда *А—О—У*, то здѣсь показанія мышечнаго чувства слишкомъ неопредѣленны и потому приходится прибѣгнуть къ слѣдующему опыту. Нужно наложить конецъ пальца на верхъ языковаго бугра напр. при произнесеніи *А* и затѣмъ, сохраняя положеніе пальца на томъ же пунктѣ языковой поверхности, перейти послѣдовательно къ произношенію *О* и *У*, и тогда замѣчается передвиженіе наложеннаго пальца дальше вглубь ртовой полости. Однако нѣмецкій фонетикъ Брем е р ъ, дѣлая подобные же опыты, пришелъ къ обратнымъ выводамъ, утверждая, что артикуляція гласнаго *У* лежитъ болѣе впереди по сравненію съ *О* (см. его Deutsche Phonetik, 1893, § 144). Мы думаемъ, что такое утвержденіе основано на ошибкѣ. Дѣло въ томъ, что съ переходомъ отъ *О* къ *У* уменьшается растворъ рта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся поверхность языка под—

тернымъ округленіемъ и выпячиваніемъ губъ (съ такъ называемою лябіализаціей) и тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ глубже дѣйствіе задней части языка. Нѣсколько особое положеніе въ системѣ занимаетъ гласный *Ы*, чуждый западноевропейскимъ языкамъ; онъ требуетъ для своего произношенія легкаго передвиженія выпуклости языка впередъ, по сравненію съ гласнымъ *А*, при узкомъ раскрытіи рта и отсутствіи лябіализаціи; такимъ образомъ, онъ является парнымъ звукомъ къ *І*—какъ бы заднеязычнымъ *І*.

И такъ, съ точки зрѣнія *артикулирующей части языка*, артикуляція гласнаго *А* можетъ быть опредѣлена какъ заднеязычная почти нейтральная, гласныхъ *О* и *У* какъ „глубокая заднеязычная“, гласныхъ *Э* и *І* какъ „среднеязычная“ и гласнаго *Ы* какъ „неглубокая заднеязычная“ (о постепенномъ перемѣщеніи артикуляціонной приподнятости языка вглубь при переходѣ отъ *О* къ *У* и впередъ при переходѣ отъ *Э* къ *І*, равно какъ и объ одновременномъ участіи губъ или лябіализаціи при глубокой заднеязычной артикуляціи, сказано выше). Что касается *артикуляціонныхъ зонъ неба*, то область гласныхъ *Э* и *І* приходится на твердомъ небѣ, а гласныхъ *О* и *У* на мягкомъ; гласный *Ы* занимаетъ смежныя части того и другаго, но преимущественно мягкаго, гласный же *А* приходится болѣе назади, приближаясь къ области гласнаго *О*. Такимъ образомъ гласные *О* и *У* могутъ быть опредѣлены какъ мягконебные глубокіе, *А* и *Ы* какъ мягконебные неглубокіе, *Э* и *І* какъ твердонебные. Однако послѣднее названіе не достаточно опредѣленно, такъ какъ нужно обозначить точнѣе мѣсто артикуляціонной зоны гласныхъ *Э* и *І* на твердомъ небѣ; мы считаемъ наиболѣе правильнымъ обо-

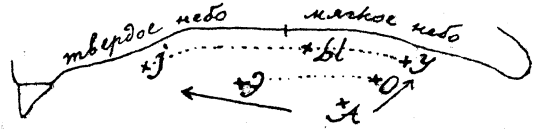
---

ходитъ ближе къ небу; очевидно, изслѣдователь счелъ это поднятіе за артикуляціонный бугоръ для *У*, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ послѣдній приходится болѣе позади. Другой нѣмецкій фонетикъ, Зиверсъ, напротивъ, пришелъ къ выводамъ согласнымъ съ нашими (см. его Phonetik, 1901⁵, § 220).

значеніе „твердонебные средніе", при чемъ мы должны еще разъ подчеркнуть, что параллельно съ постепеннымъ переходомъ отъ *Э* къ *І* артикуляціонная зона продвигается нѣсколько впередъ, подобно тому какъ переходъ отъ *О* къ *У* связанъ съ перемѣщеніемъ артикуляціонной зоны болѣе назадъ. [1])

Кромѣ разсмотрѣнія по артикуляціоннымъ зонамъ языка и неба, а также присутствію или же отсутствію при этомъ лабіализаціи, необходимо еще изучать въ произношеніи гласныхъ *степень приближенія артикулирующей части языка къ небу* въ связи со *степенью раскрытія рта*, именно—при широкомъ раскрытіи рта или, иначе говоря, при низкомъ положеніи нижней челюсти имѣется и болѣе низкое (т. е. болѣе удаленное отъ неба) положеніе артикуляціоннаго языковаго бугра, при среднемъ раскрытіи рта—среднее артикуляціонное удаленіе языка и, наконецъ, при узкомъ раскрытіи рта—высокое положеніе (относительно неба) артикуляціоннаго бугра. Такимъ образомъ, гласный *А* является широкимъ по открытости, *Э* и *О*—средними, а *І*, *У* и *Ы*—узкими.

Все сказанное можно иллюстрировать слѣдующимъ схематическимъ изображеніемъ мѣстъ и степеней приподнятости языка (т. е. артикулирующаго бугра его) при разныхъ гласныхъ: [2])



[1]) Такимъ образомъ не слѣдуетъ думать, что вершина приподнятости языка къ небу при *Э* и *І*, или же при *О* и *У*, приходится на одной и той же вертикали; въ дѣйствительности вершина *І* подвинута болѣе впередъ по сравненію съ *Э*, а вершина *У* лежитъ болѣе назади по сравненію съ *О*.

[2]) Срв. Bremer O. Deutsche Phonetik (1893) стр. 160.

Мы должны еще прибавить, что по пути отъ *А* къ *Э* и отъ *Э* къ *І*, а также отъ *А* къ *У* и отъ *А* къ *Ы* можно представить себѣ непрерывный рядъ переходныхъ звуковыхъ оттѣнковъ, связанный съ непрерывнымъ рядомъ переходныхъ артикуляцій языка; равнымъ образомъ непрерывный рядъ переходныхъ звуковъ и артикуляцій можно вообразить и между другими артикуляціями (напр. между *І* и *Ы*, *Э* и *О* и пр.). Нѣкоторые изъ этихъ переходныхъ нюансовъ и соотвѣтствующихъ артикуляціонныхъ укладовъ существуютъ какъ въ живомъ литературномъ русскомъ языкѣ (срв. широкое *э*, обозначаемое въ научной транскрипціи черезъ ä или æ, и узкое *э*, обозначаемое начертаніемъ є, и др.), такъ въ особенности въ народныхъ говорахъ (срв. напр. переходные звуки между *ы* и *і* въ малорусскихъ говорахъ, закрытое *о* въ нѣкоторыхъ сѣв.-великорусскихъ, и т. д.).

Съ точки зрѣнія *качества слуховыхъ ощущеній* рядъ гласныхъ отъ *А* къ *І* рѣзко отличается отъ ряда гласныхъ между *А* и *У*; чтобы какъ-нибудь опредѣлить качественную разницу между этими двумя рядами, нѣкоторые лингвисты (въ особенности прежняго времени, напр. Г. Курціусъ) пользовались терминами „свѣтлые“ или „ясные“ || „темные“, имѣющими противоположное значеніе, при чемъ къ первымъ гласнымъ они отнесли *Э* и *І*, а ко вторымъ *О* и *У*. Весьма распространенное въ современной лингвистикѣ обозначеніе для первыхъ „нёбные“ или „палятальные“, а для вторыхъ „губные“, собственно говоря — анатомо-физіологическое (притомъ нѣсколько неопредѣленное, въ особенности первое, такъ какъ терминъ „небо“ или лат. „palatum“ можетъ относиться ко всему небу, т. е. твердому и мягкому вмѣстѣ) и лишь метафорически распространяемое и на слуховую сторону.

Наконецъ, съ точки зрѣнія *физико-акустической*, на основаніи высоты собственнаго тона полости рта при разныхъ гласныхъ, гласные *Э* и *І* называютъ „высокими“ по сравненію съ *А* (собственный тонъ гласнаго *І* выше, чѣмъ

Э, а собственный тонъ послѣдняго выше по сравненію съ *А*), а гласные *О* и *У* „низкими“ (при этомъ собственный тонъ *У* ниже по сравненію съ *О*, а собственный тонъ послѣдняго ниже, чѣмъ при *А*); что касается гласнаго *Ы*, то онъ, являясь по артикуляціи заднимъ *І*, соотвѣтственно этому представляетъ собою разновидность гласнаго *І* съ болѣе низкой настройкой. Повышеніе настройки въ рядѣ *А—І* обусловливается уменьшеніемъ ртовой резонансовой полости вслѣдствіе перемѣщенія языковаго бугра (приподнятости) впередъ, а пониженіе характернаго собственнаго тона въ рядѣ *А—У* производится удлиненіемъ ртовой резонансовой полости вслѣдствіе перемѣщенія языковаго бугра взадъ при одновременномъ выпячиваніи впередъ съуживаемаго губнаго отверстія.

Кромѣ представленія гласныхъ въ формѣ треугольника, расхожденіе сторонъ котораго соотвѣтствуетъ перемѣщенію языковой приподнятости (въ связи съ уменьшеніемъ раскрытія ртовой полости) впередъ (*А—І*) и взадъ (*А—У*), дающему начало артикуляціямъ средне-язычной и лябіализованной глубоко-заднеязычной, существуетъ еще распредѣленіе ихъ — какъ упоминалось — въ формѣ разграфленнаго четыреугольника, который такимъ образомъ можно читать въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи. Представимъ сначала самую таблицу гласныхъ общерусскаго языка, предложенную Sweet'омъ въ его статьѣ „On Russian Pronunciation“ въ Transact. of the Phil. Soc. 1877—79, на стр. 544 (замѣтимъ, что начертаніе ɵ онъ примѣнилъ для узкаго *е*, начертаніе æ для широкаго *е* и перевернутую букву ə для передачи неударяемаго гласнаго въ словѣ „*часы*“; приводя таблицу, мы позволили себѣ замѣнить латинскія начертанія транскрипціи русскими въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не совпадали между собою; кромѣ того таблицу лябіализованныхъ или округленныхъ гласныхъ мы соединили для большей ясности съ таблицей нелябіализованныхъ):

		front		mixed		back	
		unrounded	rounded	unrounded	rounded	unrounded	rounded
high	narrow	i		ы			y
	wide						
mid	narrow	e					
	wide	æ				a	o
low	narrow						
	wide			ə			

Примѣчаніе. Прежде чѣмъ приступить къ подробной оцѣнкѣ англійскаго способа классификаціи гласныхъ вообще, мы укажемъ нѣкоторыя неточности данной таблицы: 1) гласный *a* поставленъ по открытости въ одномъ ряду съ гласными æ и e, тогда какъ въ дѣйствительности онъ шире послѣднихъ, 2) гласный слова «часы» оказывается самымъ широкимъ, чего не можетъ быть при неударенности, 3) гласные i, e, æ поставлены въ одномъ и томъ же вертикальномъ ряду, такъ же какъ гласные *y* и *o*, что тоже не вполнѣ точно, о чемъ скажемъ ниже.

Читая таблицу въ горизонтальномъ направленіи, слѣва направо, мы слѣдимъ за мѣстами на небѣ артикуляцій языка по направленію спереди назадъ; здѣсь мы получаемъ три категоріи: палятальные или *передніе* (front), напр. *i*, передне-задніе или *смѣшанные* (mixed), напр. *ы*, и *задніе* (back), напр. *y*: при первыхъ языкъ подвигается впередъ, поднимаясь къ твердому небу, при послѣднихъ же онъ оттягивается назадъ, поднимаясь къ мягкому небу и, наконецъ, при смѣшанныхъ занимаетъ среднее положеніе между первыми двумя. Разсматривая

ту же таблицу въ вертикальномъ направленіи, сверху внизъ, мы получаемъ три главныхъ положенія языка по степени приподнятости его въ направленіи къ небу: *высокое* (high), напр. *i*, *среднее* (mid), напр. *ə*, и *низкое* (low), напр. *ə*, самое же удаленіе отъ неба происходитъ главнымъ образомъ чрезъ опущеніе нижней челюсти. Каждый изъ получаемыхъ при этомъ гласныхъ можетъ затѣмъ быть или *узкимъ* (narrow), или же *широкимъ* (wide). [1]) У насъ оказалось такимъ образомъ 18 воображаемыхъ гласныхъ, но такъ какъ принимается, что каждый изъ нихъ можетъ получить съуженіе губнаго отверстія и стать *округленнымъ*—„rounded“ (при чемъ при высокомъ положеніи языка гласные обыкновенно имѣютъ самое узкое губное отверстіе, при низкомъ—самое широкое и при сред-

---

[1]) При образованіи узкой разновидности гласныхъ замѣчается по наблюденію англійскихъ фонетиковъ *чувство напряженія* въ артикулирующей части языка, при чемъ верхняя поверхность языка получаетъ болѣе сильную выпуклость, чѣмъ при образованіи широкой разновидности тѣхъ же гласныхъ, при которой верхняя поверхность языка представляетъ болѣе слабую и болѣе плоскую выпуклость. Намъ кажется однако необходимымъ при трактованіи вопроса о «напряженныхъ» и «ненапряженныхъ» артикуляціяхъ гласныхъ провести разницу между языками, имѣющими самостоятельную долготу и краткость (каковъ напр. англійскій языкъ) и языками, утратившими ее и связавшими наибольшую длительность и силу съ ударяемымъ слогомъ (какъ напр. русскій языкъ). Упомянутыя различія артикуляцій въ отношеніи напряженности, строго говоря, свойственны лишь языкамъ первой группы, гдѣ напр. долгіе закрытые гласные ē и ō представляютъ, такъ сказать, «дифтонгообразное» произношеніе, а именно становятся къ концу еще болѣе закрытыми, приближаясь такимъ образомъ къ *i* и *y*, которыхъ однако они не достигаютъ; въ этомъ случаѣ усиліе не даетъ имъ перейти въ узкіе гласные и сопровождается чувствомъ большей напряженности. Напротивъ, языки другой категоріи, не имѣя самостоятельной долготы гласныхъ, естественно лишены описанной напряженности артикуляціи. Само собою разумѣется, что та напряженность, которая варіируетъ по ударяемому и разнымъ неударяемымъ слогамъ, свойственна языкамъ обѣихъ категорій. Что касается въ частности русскаго языка, то срв. еще различіе въ мышечномъ чувствѣ при произношеніи ударяемыхъ гласныхъ въ сосѣдствѣ съ твердыми и мягкими согласными, напр. мáт (орѳ. матъ) ‖ мáʲт’ (орѳ. мáть) и пр.

немъ—среднее), то въ общемъ итогѣ получается 36 основныхъ теоретическихъ гласныхъ.

Однако представленный способъ расположенія гласныхъ въ видѣ четыреугольника содержитъ въ себѣ нѣкоторые довольно существенные недостатки. Прежде всего, самые ряды не вполнѣ воспроизводятъ отношенія, дѣйствительно существующія между артикуляціонными укладами въ полости рта. Такъ, разсматривая въ приведенной таблицѣ первый вертикальный столбецъ, мы должны замѣтить, что помѣщенные въ немъ гласные (æ, ɛ, i) должны были бы размѣститься въ разныхъ вертикальныхъ столбцахъ, такъ какъ мѣста ихъ артикуляцій съ переходомъ отъ *æ* къ *i* повышаются къ переднему небу не вертикально, а наклонно впередъ, какъ это мы указывали выше (см. также рис. на стр. 43); подобнымъ же образомъ задній вертикальный столбецъ (*o*, *y*) долженъ былъ бы восходить къ мягкому небу тоже не вполнѣ вертикально, а направляясь кзади. Такимъ образомъ было бы цѣлесообразнѣе расположить гласные въ формѣ трапеціи (съ широкимъ основаніемъ на верху), т. е. въ формѣ болѣе соотвѣтствующей дѣйствительному соотношенію артикуляцій; иначе же, оставаясь при формѣ разграфленнаго прямоугольника, пришлось бы гласные ɛ и *i*, а равно *o* и *y*, занести въ другіе вертикальные столбцы и этимъ не только усложнить таблицу, но и затемнить указанный физіологическій генезисъ этихъ звуковъ. Принимая же во вниманіе все многообразіе нюансовъ гласныхъ звуковъ въ зависимости отъ разныхъ фонетическихъ условій и соотвѣтствующее усложненіе таблицы, приходится сказать, что размѣщеніе гласныхъ при подобныхъ условіяхъ по клѣткамъ сильно мѣшаетъ наглядности и цѣльности представляемой системы. Тѣмъ не менѣе, многіе изслѣдователи пытаются размѣщать по клѣткамъ прямоугольной таблицы всѣ замѣчаемые ихъ слухомъ нюансы гласныхъ извѣстнаго языка, упуская при этомъ изъ виду, что отнесеніе того или другаго звука въ извѣстную клѣтку должно опираться не на апріорную

подстановку для воспринимаемыхъ акустическихъ эффектовъ соотвѣтствующихъ топографическихъ данныхъ полости рта, но на дѣйствительныя измѣренія разстояній въ послѣдней при произношеніи. Къ сожалѣнію, такія наблюденія пока почти совершенно отсутствуютъ, а при такихъ условіяхъ было бы осторожнѣе и гораздо нагляднѣе пользоваться размѣщеніемъ гласныхъ нюансовъ въ видѣ треугольника, такъ какъ при этомъ можно не только ввести въ таблицу всю ихъ цѣпь, не предрѣшая при этомъ произвольно ихъ топографію, но и сохранить генетическую преемственность ихъ.

Что касается *неударяемыхъ* гласныхъ, то каково бы ни было ихъ табеллярное представленіе, намъ кажется необходимымъ помѣщать ихъ въ отдѣльной таблицѣ, ибо они существенно отличаются отъ ударенныхъ не только уменьшеннымъ растворомъ рта, но и вообще меньшимъ напряженіемъ артикулирующихъ органовъ, благодаря чему даже наиболѣе сильные изъ неударяемыхъ гласныхъ не совпадаютъ вполнѣ съ зонами и укладами соотвѣтствующихъ ударяемыхъ гласныхъ; по мѣрѣ же дальнѣйшаго ослабленія, артикуляціи неударяемыхъ гласныхъ становятся еще менѣе характерными, сводясь наконецъ къ одному или двумъ индифферентнымъ гласнымъ укладамъ.

б) Согласные звуки.

Разсмотрѣвъ систему гласныхъ звуковъ съ разныхъ сторонъ, займемся теперь классификаціей согласныхъ какъ съ точки зрѣнія работъ или *анатомо-физіологической*, такъ—параллельно—и съ точки зрѣнія *слуховой*.

I. Со стороны дыхательнаго аппарата согласные различаются по силѣ и способу выдыхательныхъ толчковъ воздуха, чему соотвѣтствуютъ и нѣкоторыя различія въ области слуховыхъ эффектовъ.

II. По дѣйствію гортани всѣ согласные распадаются на два разряда: при произношеніи однихъ *голосовая щель расширена* и не даетъ звука отъ прохожденія чрезъ нее тока воздуха, а при другихъ *сужена* для звучанія; соотвѣтственно этому согласные, получающіеся въ первомъ случаѣ, называются *глухими* (п, ф, т, с, ш, к, х), а во второмъ—*звонкими* (б, м, в, д, н, з, ж, л, р, j, г, γ). Согласные, различающіеся лишь указанными укладами голосовой щели при одинаковости остальныхъ работъ, образуютъ *пары* изъ глухихъ и соотвѣтствующихъ звонкихъ (напр. п || б, с || з и т. д.). [1])

III. Со стороны участія мягкаго неба согласные подраздѣляются на двѣ категоріи, въ зависимости отъ того, *опущено* или же *приподнято* мягкое небо; въ первомъ случаѣ звуки получаются *носовые* (м, н), а во второмъ—*не-носовые* или *чистые* (всѣ прочіе согласные). Звуки м || б и н || д должны считаться взаимно соотвѣтствующими или *парными*, при чемъ самая парность ихъ основывается на различіи въ дѣйствіи мягкаго неба при сходствѣ остальныхъ артикуляціонныхъ работъ.

IV. Смыкательное дѣйствіе нижней челюсти, которымъ характеризуется самая категорія согласныхъ, представляетъ двѣ ступени параллельно взрывному или же придувному дѣйствію органовъ произношенія.

V. Со стороны органовъ произношенія, по *мѣсту* ихъ дѣйствія, согласные представляютъ двѣ главныя группы—*губныхъ* и *язычныхъ* (язычно-небныхъ). Группа губныхъ подраздѣляется на *губно-губные* (п, б, м) и *губно-зубные* (ф, в). Язычные согласные дѣлятся на *передне-язычные* (съ подраздѣленіями соотвѣтственно артикуляціонному мѣсту на небѣ—„зубные“, напр. т, д, н, с, и „альвеолярные“, каковы ш, ж, р), *средне-язычные* (j) и *задне-язычные* (к, г,

[1]) Объ особенностяхъ шепотнаго произношенія говорилось раньше, стр. 19.

x, γ), при чемъ передняя часть языка дѣйствуетъ относительно передней части твердаго неба, средняя часть — относительно средней твердаго неба и задняя часть артикулируетъ по отношенію къ заднему краю твердаго неба и отчасти къ мягкому. [1]) Кромѣ того, нѣкоторые согласные произносятся сложнымъ дѣйствіемъ смежныхъ участковъ языка относительно соотвѣтствующихъ зонъ на небѣ, и такимъ образомъ получаются согласные язычные *средне-передніе* (напр. т', д', н', с') и *средне-заднiе* (к', г', х', γ'); какъ мы видимъ, въ произношеніи всѣхъ этихъ согласныхъ, какъ и j, участвуетъ такъ или иначе средняя часть языка, благодаря чему они пріобрѣтаютъ особый нюансъ, называемый „мягкостью". Соотвѣтственно присутствію или же отсутствію такого нюанса всѣ согласные подраздѣляются на *твердые*, произносимые безъ участія средней части языка, и *мягкіе*, требующіе участія средней части языка; [2]) такимъ образомъ получаются пары согласныхъ въ отношеніи твердости-мягкости, напр. т || т',

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи категорически относятъ зону указанныхъ задне-язычныхъ согласныхъ къ мягкому небу; на самомъ же дѣлѣ анатомическая граница между твердымъ и мягкимъ небомъ не совпадаетъ съ границею приходящихся здѣсь артикуляціонныхъ зонъ, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ палятограммъ.

[2]) Мы удерживаемъ термины «твердые» и «мягкіе», какъ особенно употребительные въ русской лингвистической литературѣ, хотя они и не опредѣляютъ анатомо-физіологической стороны произношенія (въ нѣмецкомъ языкѣ соотвѣтствующія названія «harte» и «weiche» обычно служатъ для различенія другихъ звуковыхъ категорій, именно глухихъ и звонкихъ). Съ точки же зрѣнія анатомо-физіологической правильнѣе называть твердые согласные *непалятальными*, а мягкіе—*палятальными* (точнѣе—*средненебными*), наиболѣе же точнымъ будетъ опредѣленіе этихъ звуковыхъ категорій по дѣйствующему органу, именно: согласные произносимые безъ приближенія или же съ приближеніемъ средней части языка къ центральной части твердаго неба. Что касается твердости и мягкости съ точки зрѣнія физико-акустической, то это различіе сводится къ различію высоты шума: шумъ мягкихъ согласныхъ по сравненію съ соотвѣтствующими твердыми значительно выше, срв. с || с', ш || ш' и др., при чемъ повышеніе выражается уменьшеніемъ резонансовой полости, происходящимъ отъ поднятія средней част языка къ небу (срв. Bremer Deutsche Phonetik, 1893, § 116).

с || с' и т. д. Изъ мягкихъ согласныхъ j, не требующій для себя никакихъ другихъ укладовъ органовъ произношенія, кромѣ приближенія средней части языка къ небу, можетъ считаться представителемъ чистой мягкости; это дѣйствіе средней части языка можетъ присоединяться къ артикуляціямъ губныхъ согласныхъ, результатомъ чего являются *мягкіе губные* согласные.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, какъ богата подраздѣленіями и сложна категорія язычно-небныхъ согласныхъ; поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что терминологія подраздѣленій (въ особенности по зонамъ неба) здѣсь еще не вполнѣ установлена, представляя иногда у разныхъ изслѣдователей различіе наименованій для одной и той же звуковой категоріи, или же примѣненіе сходнаго термина для обозначенія разныхъ группъ. [1])

Что касается *способа* дѣйствія органовъ произношенія при согласныхъ, то съ этой стороны согласные раздѣляются на *взрывные* (смычно-взрывные) и *придувные* или *спиранты*: первые произносятся мгновеннымъ выходомъ воздуха въ моментъ разнятія артикуляціонной смычки органовъ произношенія, т. е. губъ (п, б), или же языка съ небомъ (т, д, к, г), вторые— продуваніемъ сквозь артикуляціонную щель (ф, в; с, з, ш, ж, j, х, γ). Въ согласныхъ взрывныхъ въ теченіе момента смычки или затвора совершенно преграждается выходъ изъ полости рта выдыхательному току воздуха; отсюда при глухихъ

---

[1]) Такъ, напр., согласный j считается средне-небнымъ или палятальнымъ (Поржезинскій), передне-палятальнымъ (Брокъ) и твердо-небнымъ или палятальнымъ (Томсонъ); согласный к' нѣкоторыми относится къ одной зонѣ съ j (Поржезинскій, Томсонъ), или же отдѣляется отъ этого звука получая названіе задне-палятальный (Брокъ); указанныя и имъ подобныя различія въ терминологіи большею частью зависятъ отъ неодинаковаго дѣленія и обозначенія неба по областямъ и зонамъ (срв. стр. 26, сноска 1); поэтому при чтеніи русскихъ сочиненій, излагающихъ физіологію звуковъ рѣчи, въ частности звуковъ язычно-небныхъ, необходимо считаться съ тѣмъ, какое значеніе тому или другому термину придаетъ изслѣдователь.

(напр. п) въ этотъ моментъ звукъ совершенно отсутствуетъ, а при звонкихъ (напр. б) слабо доносится замкнутый голосовой гулъ. Съ точки зрѣнія времени, взрывные называются *мгновенными*, а придувные—*длительными*; при этихъ терминахъ имѣется въ виду способность или же неспособность соотвѣтствующихъ звуковъ къ продленію, ибо только придувные способны къ послѣднему, тогда какъ при продленіи взрывныхъ удлиняется лишь пауза смычки, но не взрывной звукъ.

Однако не всѣ согласные легко распредѣляются по указаннымъ двумъ категоріямъ, затрудненіе представляютъ плавные (*р*, *л*) и носовые (*м*, *н*), занимающіе нѣсколько особое положеніе. Такъ при *л*, хотя и образуется смычка переднею частью языка, но за то бока языка опущены для свободнаго прохода воздуха; при произнесеніи *р* языкъ принимаетъ установку, удобную для ритмическаго вибрированія конца его, такъ что этотъ согласный можетъ считаться ритмическимъ смычно-придувнымъ; согласные носовые съ точки зрѣнія ротоваго уклада принадлежатъ къ смычнымъ, но представляютъ ту особенность, что при этомъ открыта полость носа, благодаря чему произношеніе ихъ способно тянуться такъ же, какъ спирантовъ и гласныхъ; [1]) нельзя игнорировать при носовыхъ согласныхъ и моментъ взрыва (губъ или языка), во время котораго они получаютъ наибольшую свою опредѣленность.

Разсматривая вопросъ о плавныхъ и носовыхъ согласныхъ съ *акустической* точки зрѣнія, необходимо отмѣтить, что они, благодаря только-что указаннымъ особенностямъ ихъ артикуляціи, отличаются среди другихъ согласныхъ наибольшею гласностью резонанса, зависящею отъ достаточно обширнаго и свободнаго резонансоваго пространства, каковымъ

---

[1]) Sievers (Grundzüge der Phonetik, 1901[5], § 140), въ виду присутствія смычки при согласныхъ носовыхъ и *л* одновременно съ открытостью носоваго канала при первыхъ и боковаго — при второмъ, признаетъ болѣе правильнымъ назвать эти согласные «полусмычными» (Halbschlusslaute).

при носовыхъ согласныхъ служитъ полость носа, при *л*— пространство ртовой полости, прилегающее къ опущеннымъ боковымъ краямъ языка; при *р* къ гласности резонанса присоединяется характерное дрожаніе звучащаго тока (вызываемое ритмическими ударами кончика языка), что̀ дѣлаетъ этотъ согласный еще болѣе звучнымъ. Въ виду отмѣченныхъ акустическихъ свойствъ плавные и носовые согласные нерѣдко соединяются въ одну группу съ гласными подъ названіемъ *сонорныхъ* (т. е. звучныхъ) звуковъ. Однако свойство сонорности не есть исключительная принадлежность гласныхъ и согласныхъ плавныхъ и носовыхъ, но въ той или иной степени сопутствуетъ всѣмъ звукамъ рѣчи, которые возможно распредѣлить въ нѣсколько группъ по убывающей или возрастающей сонорности. [1]) Если же допустить обычное подраздѣленіе звуковъ рѣчи на *сонорные* и не-сонорные, называемые *шумными*, сопоставить его съ группировкой звуковъ на звонкіе и глухіе, гласные и согласные, то взаимное соотношеніе всѣхъ этихъ подраздѣленій можно наглядно представить въ слѣдующей таблицѣ:

Гласные	Согласные	
Звонкіе	Звонкіе	Глухіе
а, о, у, э, і, ы		
	Плавные: л, р. Носовые: м, н	
	Остальные: б, в	п, ф
	д, з, ж	т, с, ш, ц, ч
	j	
	г, γ	к, х
Сонорные	Шумные	

[1]) Такъ именно поступаетъ датскій лингвистъ *Есперсенъ* (см. Jespersen Lehrbuch der Phonetik, übers. von H. Davidsen, 1904, § 192); такъ же поступили и мы въ своемъ Общемъ курсѣ русской грамматики, 1904, стр. 19—20 = 1911², стр. 30—31.

Лекція 4-ая

Физіологія звукосочетаній. Объ измѣненіи звуковъ.

До сихъ поръ мы разсматривали произношеніе звуковъ *въ отдѣльности*; теперь мы должны обратиться къ изученію особенностей произношенія звуковъ *въ сочетаніяхъ*. Не слѣдуетъ думать, что произношеніе звуковъ въ сочетаніяхъ не представляетъ ничего новаго сравнительно съ произношеніемъ звуковъ въ отдѣльности, подобно тому какъ сочетанія печатныхъ буквъ не представляютъ никакихъ особенностей по сравненію съ отдѣльными буквами. На самомъ же дѣлѣ знать произношеніе звуковъ въ отдѣльности еще не значитъ знать произношеніе сочетаній изъ тѣхъ же звуковъ. Если при анализѣ произношенія отдѣльныхъ звуковъ вниманіе обращалось на среднюю часть звука, то при изученіи произношенія звукосочетаній центръ тяжести переносится къ установленію законовъ перехода рекурсіи предшествующаго звука въ экскурсію слѣдующаго.

Мы уже знаемъ, что съ точки зрѣнія анатомо-физіологической произношеніе каждаго отдѣльнаго звука рѣчи представляетъ три момента (экскурсію, среднюю часть и рекурсію); но если мы будемъ наблюдать за произношеніемъ сочетаній изъ двухъ звуковъ, то замѣтимъ, что оно уже имѣетъ не шесть моментовъ, а только пять, такъ какъ рекурсія перваго звука сливается въ одинъ моментъ съ экскурсіей

втораго звука. Такъ, напр., въ сочетаніи *ПА* произношеніе *А* начинается не отъ индифферентнаго уклада, а отъ того, какой былъ при произношеніи *П*, т. е. между прочимъ отъ взрыва сжатыхъ губъ; ясно, что тотъ же гласный при предшествующемъ другомъ согласномъ, напр. *Т*, начинается уже отъ другаго уклада. Такимъ образомъ произношеніе каждаго гласнаго въ сочетаніи съ разными предшествующими согласными неодинаково по своей экскурсіи, которая зависитъ отъ уклада предшествующаго согласнаго. Въ то же время произношеніе согласныхъ видоизмѣняется по рекурсіи въ зависимости отъ слѣдующаго гласнаго, напр. *ПА* || *ПУ*, *ТА* || *ТО* и т. п.; легко при этомъ наблюдать, какъ своеобразная установка губъ для *О* и *У* начинается еще при укладѣ предшествующаго согласнаго. Ту же экономію, т. е. уменьшеніе числа моментовъ, мы подмѣчаемъ и въ обратныхъ сочетаніяхъ, т. е. гласнаго съ согласнымъ (срв. *АП*, *АТ*, гдѣ рекурсія гласнаго сливается съ экскурсіей слѣдующаго согласнаго), равнымъ образомъ—и въ прочихъ сочетаніяхъ, т. е. гласнаго съ гласнымъ и согласнаго съ согласнымъ.

Посмотримъ теперь на тотъ же вопросъ съ точки зрѣнія слуховой. Въ этомъ случаѣ, въ сочетаніяхъ гласнаго съ предшествующимъ и слѣдующимъ согласнымъ, слухъ улавливаетъ не только среднюю часть гласнаго, которая представляетъ собою наибольшую полноту и опредѣленность, принимаемую звукомъ гласнаго по достиженіи соотвѣтствующаго раскрытія рта, но при достаточномъ вниманіи—и переходные звуки экскурсіи и рекурсіи, которые, въ зависимости отъ указанной выше особенности (именно — слитности) произношенія звукосочетаній, получаютъ различные оттѣнки, смотря по составу звукосочетанія. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же гласный будетъ отличаться по нюансу послѣ разныхъ согласныхъ, такъ какъ вслѣдствіе перемѣны исходнаго уклада гласнаго будутъ измѣняться и „переходные“ звуки его экскурсіи; подобнымъ же образомъ гласный звукъ получаетъ разные

нюансы для момента рекурсіи передъ разными согласными. Равнымъ образомъ и согласные, соединяясь съ гласными, нѣсколько модифицируются оттѣнкомъ гласнаго, срв. напр. сочетаніе *ТУ*, гдѣ согласный *Т* сопровождается нюансомъ гласнаго *У*, такъ какъ уже во время артикуляціи согласнаго происходитъ подготовленіе губъ для послѣдующаго лябіализованнаго гласнаго.

Отмѣчая черту связности артикуляцій при произношеніи звукосочетаній, мы должны припомнить, что артикуляція каждаго звука состоитъ изъ совокупности работъ частей аппарата рѣчи, т. е. работы дыхательнаго аппарата, гортани, мягкаго неба, нижней челюсти и органовъ произношенія. Такимъ образомъ, при переходѣ отъ одного звука къ другому происходитъ отмѣченное выше соединеніе рекурсіи перваго звука съ экскурсіей втораго по отношенію не къ одной какой-либо работѣ, а по отношенію къ работамъ всѣхъ частей аппарата рѣчи. При этомъ оказывается тотъ общій законъ, что при сочетаніи звуковъ *работы или движенія, общія для перваго и втораго звука*, производятся только для перваго, а для втораго звука не повторяются особо, но сохраняются отъ перваго; что же касается работъ *разныхъ* у перваго и втораго звука, то онѣ совершаются особо для того и другаго. Такъ, напр., соприкасающіеся согласные *д* и *н* въ словѣ „одна“ сходны по всѣмъ работамъ кромѣ одной, именно—мягкаго неба (при согласномъ *д* мягкое небо поднято и упирается въ заднюю стѣнку глотки, а при *н* оно должно быть опущено), почему только эти работы и смѣняются, тогда какъ работы остальныхъ частей говорильнаго аппарата продолжаются съ перваго звука на второй. [1]) Срв. далѣе произношеніе соглас-

[1]) Кстати укажемъ на акустическую особенность разсмотрѣннаго сочетанія: такъ какъ съ переходомъ отъ *д* къ *н* языкъ не отнимается, то звука *д* (кромѣ замкнутаго гула) мы не слышимъ и звукъ получается только отъ *н*, когда съ опущеніемъ мягкаго неба происходитъ пропускъ звучащаго тока черезъ носъ (explosio nasalis), а вслѣдъ затѣмъ, съ отнятіемъ кончика

ной группы *т.л* въ словѣ „утлый“: здѣсь несходныя работы будутъ въ дѣйствіи гортани (для произношенія *т* голосовая щель расширена, почему и не происходитъ звучанія, тогда какъ для *л* голосовая щель съужена для звучанія) и языка (для *л* языкъ по бокамъ опускается),[1]) почему эти работы и смѣняются при сохраненіи прочихъ. Вполнѣ понятно, что если *соприкасаются два звука сходные по всѣмъ работамъ*, то всѣ работы перваго звука, не возобновляясь особо, продолжаются на второй звукъ; срв. напр. произношеніе сочетанія *тт* въ словѣ „оттуда“: здѣсь укладъ, приданный частямъ аппарата рѣчи для перваго *т*, сохраняется непотревоженнымъ и для втораго *т*, вслѣдствіе чего мы и не слышимъ звука перваго *т*, а только усиленный взрывъ отъ втораго. Въ примѣръ сочетанія изъ двухъ одинаковыхъ гласныхъ звуковъ можно привести a͡a въ выраженіи „а Анна“: здѣсь укладъ отъ перваго *а* продолжается и на второй гласный, но такъ какъ второе *а*, какъ ударенное, произносится сильнѣе (при болѣе сильномъ выдыханіи воздуха) и при болѣе широкомъ растворѣ рта, нежели первое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выше, то при продолженіи работъ при второмъ гласномъ происходитъ соотвѣтствующее измѣненіе силы и высоты въ зависимости отъ ударенія.

Мы должны теперь указать, что всѣ слова, кромѣ простѣйшихъ или односложныхъ, при произношеніи представляютъ части или слоги, изъ которыхъ одинъ выдѣляется наибольшею силою, высотою и длительностью, прочіе же уступаютъ ему въ этомъ отношеніи,—первый называютъ *ударяемымъ*, послѣдніе же *неударяемыми*; въ свою очередь и не-

---

языка отъ верхнихъ зубовъ, и изъ ртовой полости (такой типъ произношенія сочетаній изъ смычно-взрывныхъ согласныхъ съ носовыми нѣмецкіе физіологи называютъ Nasenbtosslaute). Срв. Китерманъ Б. Нѣсколько соображеній по физіологіи рѣчи, Ж. М. Н. Пр. (1902), іюль, 28—42.

[1]) Собственно передне-язычнаго взрыва (для *т*) здѣсь не происходитъ, а только боковой—въ моментъ опущенія боковъ языка для произнесенія *л* (explosio lateralis).

ударяемые слоги различаются другъ отъ друга по силѣ, высотѣ и длительности, при чемъ это различіе зависитъ отъ положенія ихъ относительно ударяемаго слога; [1]) кромѣ того, въ однихъ языкахъ въ удареніи преобладаетъ моментъ экспираторный или сила выдыханія (напр. въ русскомъ языкѣ), тогда какъ въ другихъ (напр. въ сербскомъ)—тоническій или высота тона. Необходимо еще указать, что обычный способъ дѣленія на слоги заимствованъ изъ греческихъ и латинскихъ грамматикъ, между тѣмъ какъ этотъ вопросъ долженъ былъ бы изслѣдоваться безъ предвзятыхъ теорій и спеціально для каждаго языка на основаніи живаго произношенія. Важныя указанія можетъ дать здѣсь экспериментальная фонетика: мы уже упоминали о показаніяхъ пневмографа (см. стр. 16); запись вибрацій гортани въ словахъ многосложныхъ, состоящихъ изъ однихъ звонкихъ звуковъ, не даетъ паузъ на границѣ слоговъ, а только нѣкоторое затиханіе, что̀ подтверждаетъ приведенный нами законъ связности произношенія; по губнымъ графикамъ мы можемъ слѣдить за слоговыми раскрытіями рта; и т. д. Путемъ подобнаго изслѣдованія всей совокупности работъ артикулирующихъ частей аппарата рѣчи экспериментальная фонетика освѣтитъ трудные вопросы о природѣ слога, напр. покажетъ, на сколько одновременно въ разныхъ частяхъ аппарата рѣчи начинается волна или импульсъ новаго слога, какъ раздѣляются группы согласныхъ между слогами, каково соотношеніе по длительности отдѣльныхъ слоговъ въ словѣ, каково при этомъ движеніе высоты и силы тона, и т. п.

Наконецъ, произношеніе словъ модифицируется положеніемъ ихъ въ *связной рѣчи*. Выражая свою мысль въ фразѣ, мы произносимъ слова этой фразы по возможности однимъ выдыханіемъ, раздѣляя послѣднее на части соотвѣтственно

---

[1]) Такъ въ словѣ «годовóму», по общерусскому выговору, соотношеніе силы выдыханія (а также длительности произношенія) можно приблизительно выразить цифрами: 1—2—3—1; въ другихъ нарѣчіяхъ русскаго языка, а также въ другихъ языкахъ соотношеніе будетъ болѣе или менѣе иное.

отдѣльнымъ словамъ. При этомъ подобно тому, какъ въ отдѣльномъ словѣ выдѣляется по силѣ, высотѣ и длительности ударенный слогъ, такъ и въ цѣлой фразѣ выдѣляется по тѣмъ же качествамъ то слово, на которое говорящій обращаетъ главное вниманіе и на которое—какъ говорятъ—падаетъ логическое удареніе. Прочія слова той же фразы, составляя съ этимъ словомъ одно цѣлое, такъ или иначе приспособляются къ нему, а также образуютъ нѣкоторыя болѣе частныя группы, въ которыхъ слова тѣснѣе сплочены между собою.

Сравнивая произношеніе современныхъ языковъ съ ихъ древнѣйшимъ произношеніемъ, на сколько позволяютъ письменные памятники, мы убѣждаемся въ томъ, что *произношеніе измѣняется съ теченіемъ времени.* Отсюда естественно возникаетъ вопросъ о законахъ, которымъ слѣдуютъ звуковыя измѣненія. При изслѣдованіи этого вопроса оказывается, что въ разныхъ языкахъ эти измѣненія представляютъ свои характерныя особенности, детальное изученіе которыхъ входитъ уже въ задачу фонетики этихъ языковъ. Чтобы нѣсколько оріентироваться въ изучаемомъ вопросѣ, мы распредѣлимъ всѣ главнѣйшія звуковыя измѣненія по слѣдующимъ наиболѣе общимъ категоріямъ. Прежде всего мы можемъ раздѣлить звуковыя измѣненія на двѣ группы: *физіологическія* измѣненія, т. е. обусловленныя преимущественно анатомо-физіологическимъ или артикуляціоннымъ моментомъ произношенія, и *акустическія* или *слуховыя* замѣны. Что касается первыхъ, то они распадаются на измѣненія, обусловленныя сочетаніями звуковъ, или *комбинаціонныя*, и измѣненія, не зависящія отъ сочетаній, или *спонтанеическія* (самостоятельныя). Говоря о комбинаціонныхъ измѣненіяхъ и припомнивъ, что различныя сочетанія звуковъ ограничиваются слѣдующими основными категоріями — 1) VV, 2) CV, 3) VC и 4) CC, мы можемъ всѣ комбинаціонныя измѣненія расположить соотвѣтственно этимъ категоріямъ. Кромѣ того, такъ какъ эти

основныя сочетанія, составляя слова, становятся въ различныя отношенія другъ къ другу и въ различныя положенія относительно ударенія, то и при изученіи звукоизмѣненій необходимо считаться съ тѣми особенностями, которыя обусловливаются вліяніемъ и этихъ факторовъ. Представимъ теперь нѣсколько примѣровъ звукоизмѣненій соотвѣтственно приведеннымъ группамъ:

1) *Примѣры измѣненій въ сочетаніяхъ* **VV**. При существованіи въ языкѣ самостоятельной долготы и краткости гласныхъ, два одинаковыхъ и рядомъ стоящихъ гласныхъ образуютъ одинъ долгій, напр. ст.-слав. **нѣсть** изъ *nĕ-estĭ,—здѣсь два краткихъ *e* стояли рядомъ и дали долгое *e* (ѣ). Если же прежде стояли рядомъ разные гласные, то измѣненія оказываются болѣе разнообразны, примѣры чего въ изобиліи представляетъ напр. греческій языкъ (срв. $\varepsilon+o=ov$, $o+\alpha=\omega$ и т. п.); иногда наблюдается исчезновеніе перваго гласнаго, срв. франц. выраженіе *je n'ayais pas*, гдѣ *e* (въ отрицаніи *ne*) исчезло передъ слѣдующимъ *a*; подобнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ народныхъ русскихъ говорахъ можно услышать произношеніе *нобóрот* вм. „наоборотъ“; и т. п.

2) *Примѣры измѣненій въ сочетаніяхъ* **CV**. Здѣсь можно отмѣтить вліяніе гласныхъ палатальныхъ (*э*, *і*) и губныхъ (*о*, *у*) на предшествующіе согласные: въ первомъ случаѣ, подъ вліяніемъ работы средней части языка, нужной для произнесенія палатальныхъ гласныхъ *e* и *i*, развивается съ теченіемъ времени мягкое произношеніе предшествующихъ согласныхъ, срв. произношеніе въ русскомъ языкѣ такихъ словъ, какъ „сидѣлъ“ (съ мягкими *с* и *д*), и т. п.; измѣненія этого типа носятъ названіе „палатализаціи“ или „осреднеязыченія“ согласныхъ. Во второмъ случаѣ при произношеніи согласнаго органы принимаютъ положеніе, необходимое для слѣдующаго губнаго или лабіальнаго гласнаго, срв. слоги *то*, *ту* и т. п.; такое присоединеніе лабіальнаго уклада къ согласнымъ носитъ названіе „лабіализаціи“ или „огубненія“ согласныхъ.

3) *Примѣры измѣненій въ сочетаніяхъ* **VC**. Подобно сочетаніямъ CV и здѣсь измѣняющимся звукомъ чаще бываетъ предъидущій. Такъ, напр., гласный можетъ нѣсколько видоизмѣняться подъ вліяніемъ слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ, т. е. согласныхъ, произносимыхъ съ участіемъ средней части языка; такъ, если сравнимъ произношеніе словъ „матъ“ и „мать“, то замѣтимъ, что въ первомъ случаѣ гласный *а* имѣетъ характеръ болѣе открытый, тогда какъ во второмъ случаѣ имѣетъ палятальный оттѣнокъ (a^{i})—въ зависимости отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго. Здѣсь же можно сказать объ измѣненіи сочетаній, состоящихъ изъ гласнаго съ носовымъ согласнымъ (VN, гдѣ N=nasalis, т. е. „носовой“); изъ такихъ сочетаній съ теченіемъ времени развиваются носовые гласные, напр. во французскомъ словѣ *onde* „волна“ (произн. õd, гдѣ õ обозначаетъ *о* съ носовымъ оттѣнкомъ), восходящемъ къ латинскому слову „unda“. Самое развитіе носоваго гласнаго произошло вслѣдствіе того, что мягкое небо стало принимать опущенное положеніе ранѣе произнесенія носоваго согласнаго, т. е. еще во время произнесенія предшествующаго гласнаго, который чрезъ это пріобрѣталъ носовой назвукъ при переходѣ къ носовому согласному, а затѣмъ носовой согласный, съ утратой слабаго прижатія языка къ верхнимъ зубамъ, исчезъ и въ результатѣ остался одинъ носовой гласный. Такой же процессъ развитія носовыхъ гласныхъ происходилъ и въ славянскихъ языкахъ, при чемъ въ польскомъ носовые гласные продолжаютъ существовать еще и теперь; такъ, греческому слову *πόντος* (произн. póntos), въ которомъ мы видимъ сочетаніе чистаго гласнаго съ носовымъ согласнымъ, соотвѣтствуетъ старо-славянское слово **пѫть** съ носовымъ гласнымъ õ (ѫ) и польское pąć (гдѣ начертаніе ą обозначаетъ тоже носовой гласный õ).

4) *Примѣры измѣненій въ сочетаніяхъ* **CC**. При сочетаніи двухъ согласныхъ встрѣчаемъ различные случаи аккомодаціи (приспособленія), сводящіеся главнымъ образомъ къ

ассимиляціи (уподобленію) по дѣйствію тѣхъ или другихъ частей аппарата рѣчи, частью же—къ *диссимиляціи* (расподобленію). Приведемъ примѣръ ассимиляціи согласныхъ по *дѣйствію гортани*: какъ мы знаемъ, согласные *б* и *т* неодинаковы по дѣйствію гортани (*б*—согласный звонкій, а *т*—глухой) и когда они должны придти въ соприкосновеніе, получается сочетаніе съ уподобленіемъ перваго согласнаго второму по звонкости или глухости; срв. произношеніе слова „об*т*очить“, гдѣ вм. *бт* произносится и слышится *пт*, т. е. первый согласный уподобился второму, ставши глухимъ, а съ другой стороны—слово „от*б*ыть“, въ произношеніи котораго *тб* смѣняется на *дб*, т. е. первый согласный сталъ звонкимъ въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго. Въ данныхъ примѣрахъ вмѣсто двухъ разныхъ работъ гортани получилась лишь одна, чѣмъ и было достигнуто большее удобство произношенія. Въ примѣръ диссимиляціи согласныхъ можно указать на произношеніе *хто* вм. „кто“; это измѣненіе было вызвано тѣмъ, что произношеніе двухъ взрывныхъ (*к* и *т*) рядомъ требовало большаго напряженія, и смѣна перваго взрывнаго на соотвѣтствующій придувной, представляя уменьшеніе напряженія, вела къ болѣе удобному и легкому произношенію. [1])

Обычное направленіе при ассимиляціи согласныхъ *регрессивное*, т. е. предшествующій согласный уподобляется слѣдующему, но встрѣчается и *прогрессивное*; послѣднее можно видѣть на примѣрѣ „мылся“, гдѣ вм. *ся* произносится обыкновенно *са*; здѣсь предъидущій твердый согласный *л* повліялъ на слѣдующій согласный *с*, обусловивъ его твердость.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ случаевъ, гдѣ дѣйствіе аккомодаціи происходитъ между непосредственно соприкасающимися звуками, есть еще случаи уподобляющаго или расподобляющаго дѣйствія *на разстояніи*, т. е. когда звуки принадлежатъ

[1]) Строго говоря, терминъ «диссимиляція» въ такого рода примѣрахъ не вполнѣ точно выражаетъ сущность явленія, такъ какъ здѣсь измѣненіе перваго согласнаго произошло путемъ не смѣны работъ, а лишь ослабленія ихъ степени.

разнымъ слогамъ. Такъ, напр., имя „Сашенька“ въ просторѣчіи звучитъ обычно *шашинька*, т. е. здѣсь первый согласный уподобился второму на разстояніи; съ другой стороны наблюдается мѣна *л* и *р* для избѣжанія повторенія двухъ *р* въ двухъ слогахъ одного и того же слова, срв. въ просторѣчіи произношеніе колидо́р вм. *коридоръ*, порфильевна вм. Порфирьевна и т. п.

Что касается спонтанеическихъ или самостоятельныхъ измѣненій, то сюда относится напр. нѣкогда происшедшее перерожденіе мягкаго *к* въ *ч* (напр. кричу и т. п.), измѣненіе носовыхъ гласныхъ въ чистые (срв. рус. „пу́ть“ при ст.-сл. пѫть), развитіе рус. *ы* изъ ŭ (ȳ) путемъ устраненія губнаго съуженія; и др. Моменты комбинаціонный и спонтанеическій нерѣдко соединяются вмѣстѣ; такъ, напр., гласный *ы*, измѣнившійся въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ *і* независимо отъ какихъ бы то ни было условій, т. е. спонтанеически, въ русскомъ языкѣ измѣнился въ *і* только въ положеніи послѣ задне-язычныхъ согласныхъ (срв. Кіевъ изъ Кыевъ), т. е. комбинаціонно.

Закончивъ обзоръ физіологическихъ измѣненій, мы должны еще упомянуть объ акустическихъ замѣнахъ, т. е. о тѣхъ звукоизмѣненіяхъ, которыя зависятъ отъ неточнаго воспріятія слухомъ и состоятъ въ замѣнѣ одного звука акустически-сходнымъ другимъ; главнымъ образомъ онѣ встрѣчаются въ просторѣчіи, особенно въ словахъ иностранныхъ, при нерѣдкомъ участіи т. н. „народной этимологіи“ (о которой скажемъ въ морфологическомъ отдѣлѣ нашего курса). Сюда относятся такіе случаи, какъ напр. произношеніе *небель* вм. „мебель“, *Никита* вм. „Микита“ и т. п. [1])

---

[1]) Обстоятельнѣе объ этой категоріи звукоизмѣненій мы говоримъ въ своемъ Общемъ курсѣ русской грамматики (1911)[3] стр. 115—117.

Лекція 5-ая.

Физіологія произношенія языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго сравнительно съ русскимъ.

Мы ознакомились съ физіологіей произношенія съ наиболѣе общей точки зрѣнія, для чего старались сгруппировать главнѣйшія данныя этой дисциплины, исходя изъ наблюденій надъ произношеніемъ роднаго языка. Но кромѣ общаго и въ значительной мѣрѣ абстрактнаго представленія звуковъ рѣчи можетъ быть еще изученіе *эмпирическое*, имѣющее цѣлью представить возможно точное описаніе и характеристику звуковой системы того или другаго языка. Чтобы дать понятіе о такомъ изученіи произношенія, мы разсмотримъ звуковыя системы нѣкоторыхъ иностранныхъ языковъ, именно—французскаго, англійскаго и нѣмецкаго, какъ наиболѣе знакомыхъ; за исходный пунктъ мы будемъ брать звуки русскаго языка, принимая ихъ такимъ образомъ въ качествѣ единицы сравненія; при этомъ мы разсмотримъ послѣдовательно гласные звуки ударяемые и неударяемые и затѣмъ согласные названныхъ языковъ. Предварительно замѣтимъ, что какъ бы сходными ни казались звуки въ разныхъ языкахъ, они представляютъ однако въ каждомъ языкѣ свои особые нюансы, зависящіе отъ особенностей въ соотвѣтствующихъ артикуляціяхъ, напр. языка, губъ и пр., и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ особенностей въ индифферентномъ укладѣ, служа-

щемъ исходною базою для артикуляцій данной звуковой системы. Такъ, система артикуляціонныхъ укладовъ языка во французскомъ произношеніи является болѣе переднею или болѣе подвинутою впередъ сравнительно съ русскимъ языкомъ (срв., напр., во французскомъ произношеніи гласные звуки въ словахъ *quatre*, *nez*, *doute* и т. п., имѣющіе другіе нюансы, именно слегка палятальные, сравнительно съ русскими гласными). Въ свою очередь русскій языкъ не имѣетъ столь глубокихъ задне-язычныхъ артикуляцій, какія встрѣчаются въ англійскомъ; русскій языкъ по системѣ артикуляціонныхъ укладовъ языка занимаетъ въ общемъ среднее положеніе между языками французскимъ и англійскимъ, довольно значительно приближаясь въ этомъ отношеніи къ нѣмецкой звуковой системѣ. Что касается губныхъ артикуляцій, то замѣтимъ, что при выговариваніи губныхъ гласныхъ *о*, *и* наиболѣе энергичное дѣйствіе губъ (лябіализація) наблюдается во французскомъ языкѣ, чѣмъ компенсируется въ этомъ языкѣ не столь глубокое дѣйствіе задней части языка; слѣдующее мѣсто по степени энергичности губной артикуляціи занимаетъ русскій языкъ, далѣе слѣдуетъ нѣмецкій и, наконецъ, англійскій, въ которомъ губы при произнесеніи гласныхъ *о*, *и* находятся почти въ пассивномъ состояніи, слишкомъ недостаточно выдвигаясь впередъ (эта недостаточность лябіализаціи въ англійскомъ языкѣ восполняется отмѣченною выше болѣе глубокой задне-язычной артикуляціей). Различіе произношенія можно указать и въ отношеніи другихъ работъ, напр. гортани: такъ, не всѣ эти языки способны имѣть звонкіе согласные въ концѣ словъ, а только англійскій и французскій, тогда какъ въ русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ конечные согласные въ словахъ, за исключеніемъ т. наз. сонорныхъ согласныхъ, могутъ произноситься только при открытой голосовой щели, т. е. глухо. Переходимъ къ указанію главнѣйшихъ частностей произношенія разсматриваемыхъ языковъ.

I. **Ударяемые гласные.** Обращаясь къ изученію произношенія ударяемыхъ гласныхъ въ этихъ языкахъ, прежде всего замѣтимъ, что въ отличіе отъ русскаго языка названные языки имѣютъ самостоятельные *долгіе* и *краткіе* ударяемые гласные, тогда какъ русскій языкъ знаетъ только одно произношеніе ударяемыхъ гласныхъ, среднее между долгими и краткими и ближе подходящее къ краткимъ гласнымъ этихъ языковъ.

Наиболѣе широкій гласный *a* представляетъ въ изучаемыхъ языкахъ три разновидности: менѣе глубокое a во французскомъ языкѣ (напр. въ словѣ quatre), среднее **A** въ русскомъ (напр. р*а*бъ), болѣе заднее *ɑ* въ англійскомъ (напр. l*a*rge „широкій“, произн. lādž).

Затѣмъ отъ *a* идутъ два ряда звуковъ съ промежуточными нюансами по направленію къ *i* и къ *u*, т. е. рядъ среднеязычныхъ или т. наз. „палятальныхъ“ гласныхъ и рядъ глубокихъ задне-язычныхъ, сопровождаемыхъ губной артикуляціей (лябіализаціей) и потому обычно называемыхъ „губными“. Особенностью палятальныхъ гласныхъ въ разсматриваемыхъ языкахъ по сравненію съ русскимъ является то, что они не смягчаютъ предшествующихъ имъ согласныхъ звуковъ.

Въ палятальномъ ряду ближайшимъ къ a нюансомъ является a^e, представляющій собою самое широкое *э*; такой звукъ среди разсматриваемыхъ языковъ встрѣчается только въ англійскомъ (напр. въ словахъ: h*a*t „шляпа“, произн. ха^{e}t; b*a*d „худой“, произн. ba^{e}d).

Далѣе слѣдуетъ стадія ä или æ, т. е. обыкновенное широкое или открытое *э*; оно встрѣчается во всѣхъ четырехъ языкахъ, напр. франц. tempête „буря“, англ. l*e*t „пускать“, нѣм. H*e*md „рубашка“, рус. б*ѣ*дъ. Въ русскомъ языкѣ такое широкое *э* (ä, æ) встрѣчается только въ положеніи передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ; въ другихъ языкахъ этотъ гласный требуетъ наличности другихъ

условій и, кромѣ того, въ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ онъ является съ краткимъ произношеніемъ, а во французскомъ обычно долгимъ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ языкѣ производитъ впечатлѣніе гласнаго расширяющагося, становящагося къ концу еще болѣе открытымъ.

Гласный звукъ ę или ɛ, т. е. узкое или закрытое э, стоитъ уже довольно близко къ *i* и имѣется также во всѣхъ разсматриваемыхъ языкахъ, напр.: франц. nez „носъ“, англ. hate „ненавидѣть“ (произн. χę̄t), нѣм. beten „молиться“, рус. пѣть. Въ русскомъ языкѣ гласный *э* имѣетъ узкое или закрытое произношеніе, когда за нимъ слѣдуетъ мягкій согласный; во французскомъ языкѣ закрыто произносится обычно конечное *e*, какъ напр. въ словѣ „nez“, при чемъ оно всегда кратко; напротивъ того, въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкѣ соотвѣтствующій звукъ всегда имѣетъ длительный укладъ, т. е. въ нихъ закрытое *e* всегда долго, какъ напр. въ приведенныхъ выше словахъ—нѣм. „beten“, англ. „hate“, при чемъ къ концу оно становится еще болѣе закрытымъ (срв. сказанное раньше, стр. 47 въ сноскѣ, о дифтонгообразномъ произношеніи гласныхъ ę̄ и o̯).

Переходимъ къ *губному ряду* гласныхъ. Здѣсь гласнымъ наиболѣе близкимъ къ *a* будетъ гласный средній между *a* и *o* (обозначимъ черезъ å); эта болѣе открытая разновидность гласнаго *o* встрѣчается въ англійскомъ, напр. въ словѣ all „весь“ (произн. ål съ твердымъ l на концѣ).

Затѣмъ слѣдуетъ $o^{\text{ъ}}$, т. е. *o* склонное къ *a* или, иначе, простое открытое *o*; оно встрѣчается во всѣхъ трехъ языкахъ; срв. франц. compote, англ. dog („собака“), нѣм. Dorf („деревня“). При этомъ во французскомъ языкѣ, въ случаѣ долготы, этотъ гласный производитъ впечатлѣніе расширяющагося; въ англійскомъ и нѣмецкомъ онъ всегда кратокъ. Что касается русскаго *o*, напр. въ словѣ „полъ“, то хотя

онъ и подходитъ къ этимъ звукамъ, но не столь открытъ; на слухъ иностранца (француза, нѣмца или англичанина) онъ будетъ казаться поэтому нѣсколько закрытымъ (производя впечатлѣніе о въ сочетаніи съ предшествующимъ губнымъ согласнымъ); замѣтимъ, что русскій языкъ, въ отличіе отъ изучаемыхъ западно-европейскихъ, знаетъ одно только это „среднее“ *о*.

Закрытое *о*, отмѣчаемое въ научной транскрипціи точкою внизу—о̩, встрѣчается во всѣхъ разсматриваемыхъ языкахъ, кромѣ общерусскаго [1]), вслѣдствіе чего на русскій слухъ это *о* производитъ впечатлѣніе очень закрытаго. Примѣры: франц. chose, англ. hope „надѣяться“ (произн. хо̩р), нѣм. so „такъ“. Въ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ это закрытое *о* имѣетъ всегда долгое произношеніе и притомъ дифтонгообразное, именно—къ концу своего звучанія переходящее въ еще болѣе закрытое.

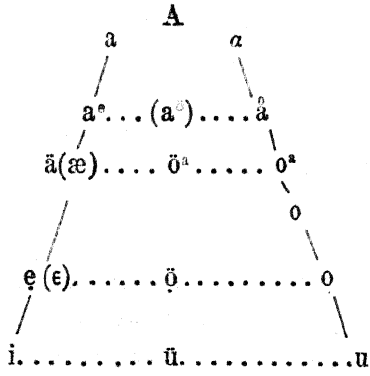
Наконецъ, узкіе гласные *і* и *и* также могутъ быть болѣе открытыми (обычно краткіе) и болѣе закрытыми (обычно долгіе). Болѣе открытое краткое *і* встрѣчается въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напр. англ. hit „ударъ“, нѣм. Tisch „столъ“.

Укажемъ далѣе *смѣшанный* (губно-палятальный) рядъ гласныхъ: ӧ [2] (открытое ӧ), напр. франц. s*oeur*; ӧ̩ (закрытое ӧ), напр. франц. р*еи*; *ӥ*—франц. р*ur*. Этихъ звуковъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ; за то русскій языкъ имѣетъ гласный *ы* (задне-язычное *і*), чуждый западно-европейскимъ языкамъ.

Все сказанное нами о системѣ ударяемыхъ гласныхъ въ языкахъ французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ можно иллюстрировать слѣдующею таблицей:

---

[1]) Впрочемъ оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ особенно въ сѣверно-великорусскихъ.



Въ представленную таблицу мы не помѣстили нѣкоторыхъ звуковъ, свойственныхъ разсматриваемымъ языкамъ и чуждыхъ русскому языку. Сюда относятся, во-первыхъ, носовые гласные, встрѣчающіеся во французскомъ языкѣ (напр. *main* „рука“), и, во-вторыхъ, дифтонги, т. е. соединенія въ одинъ слогъ болѣе широкаго гласнаго съ узкимъ, при чемъ нѣмецкому языку свойственны съуживающіеся дифтонги (напр. *Haus* „домъ“, *mein* „мой“), въ англійскомъ преобладаютъ также съуживающіеся, а во французскомъ расширяющіеся (напр. *trwá*=ore. trois „три“). [1])

II. **Неударяемые гласные.** Въ области неударяемаго вокализма сравниваемые языки представляютъ также нѣкоторыя различія. И здѣсь за исходный пунктъ при опредѣленіи особенностей произношенія мы примемъ систему неударяемаго вокализма въ общерусскомъ языкѣ. Если мы возьмемъ какое-

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ и для русскаго языка дифтонги въ такихъ случаяхъ, какъ «*май*» т. е. подобно нѣм. *Mai*. Однако мы склоняемся къ мнѣнію, что въ русскомъ словѣ, въ отличіе отъ нѣмецкаго, имѣется сочетаніе гласнаго *a* съ согласнымъ *j*, а не дифтонгъ, и въ самомъ дѣлѣ—въ русскомъ словѣ гласный *a* и конечный звукъ являются рѣзче обособленными, чѣмъ въ нѣмецкомъ, гдѣ имѣется болѣе постепенный переходъ отъ *a* къ *i*.

нибудь многосложное русское слово, напр. водовозами, въ которомъ ударяемому слогу предшествуетъ два неударяемыхъ, а также два неударенные слѣдуютъ, то легко замѣтимъ, что сильнѣе, длительнѣе и выше всѣхъ слоговъ произносится ударяемый слогъ (*во́*); изъ неударяемыхъ довольно сильно произносится слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому, остальные же слоги произносятся кратко и слабо; это различіе вѣса слоговъ во взятомъ примѣрѣ можно условно обозначить цифрами: 1—2—3—1—1. Въ иностранныхъ языкахъ формула антропофоническаго строенія словъ представляетъ тѣ или другія особенности. Такъ, во французскомъ языкѣ ударе́ніе всегда стоитъ на послѣднемъ слогѣ, вслѣдствіе чего неударяемые слоги этого языка можно сопоставлять только съ предударною частью русскихъ словъ. Въ нѣмецкомъ и англійскомъ ударе́ніе находится вообще на корневомъ слогѣ и при сопоставленіи съ русскимъ чаще приходится брать слоги заударные, нежели предъударные. [1])

Что касается неударяемаго слога довольно сильнаго, то слогъ съ такимъ вѣсомъ встрѣчается довольно часто во французскомъ языкѣ (напр. *sa*lade, *cé*der и т. п.) и сравнительно рѣдко въ нѣмецкомъ и англійскомъ (если зачислимъ случаи гласныхъ съ побочнымъ ударе́ніемъ въ категорію ударяемыхъ). За то въ этихъ послѣднихъ языкахъ широко развиты слабые неударяемые слоги съ характернымъ для нихъ индифферентнымъ гласнымъ, обозначаемымъ въ научной транскрипціи начертаніемъ ə, напр. нѣм. gábə (орѳ. Gabe „даръ“). Такъ, въ нѣмецкой рѣчи частота этого гласнаго $=11{,}1\%$ при общемъ процентѣ гласныхъ 37,7, тогда какъ во фран-

[1]) Прибавимъ, что въ нѣмецкомъ языкѣ при извѣстныхъ префиксахъ главное ударе́ніе съ корневаго слога переходитъ на префиксъ (т. е. къ началу слова), при чемъ на корнѣ остается побочное ударе́ніе (напр. нѣм. ángekòmmen).

цузской рѣчи такой гласный составляетъ только 2,6% при общемъ процентѣ гласныхъ 42,2. [1])

Слабый индифферентный гласный ə, встрѣчающійся во всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ языкахъ, имѣетъ въ нихъ не одну и ту же артикуляцію и вмѣстѣ съ тѣмъ не одинъ и тотъ же нюансъ. Такъ, нѣмецкое ə напр. въ словахъ „Gabe“ или „Spitze“ можно сопоставить съ конечнымъ неударяемымъ гласнымъ русскаго слова „спицѣ“, гдѣ и предшествующій согласный имѣетъ тоже твердое произношеніе; въ англійскомъ языкѣ слабый гласный ə имѣетъ болѣе задній язычный укладъ при пассивности губъ, во французскомъ же—болѣе передній въ соединеніи съ нѣкоторымъ, хотя и слабымъ, участіемъ губъ, вслѣдствіе чего гласный ə получаетъ здѣсь легкій оттѣнокъ ö (срв. франц. tenir „держать“). Въ русскомъ типичнымъ индифферентнымъ гласнымъ является нѣсколько иной звукъ—ъ (родъ слабаго краткаго ы) послѣ твердыхъ согласныхъ и ь (родъ слабаго краткаго і) послѣ мягкихъ. Описанныя особенности въ характерѣ слабаго индифферентнаго гласнаго въ данныхъ языкахъ зависятъ отъ особенностей исходной фонаціонной базы въ каждомъ изъ нихъ.

Къ сказанному нужно прибавить, что слабый индифферентный гласный въ этихъ языкахъ можетъ въ разговорѣ легко улетучиваться при благопріятныхъ для того условіяхъ, не совпадающихъ однако въ разныхъ языкахъ; срв. франц. al$_{\wedge}$mā′=орѳ. allemand, нѣм. uns$_{\wedge}$re=орѳ. unsere, англ. év$_{\wedge}$ri=орѳ. every „каждый“, рус. п′ър′$_{\wedge}$бæру́=орѳ. переберу.

---

[1]) Статистическія цифры для нѣмецкаго языка беремъ изъ статьи П. Александрова, а для французскаго—В. Петрова (см. Уч. Зап. Каз. Унив. 1911, іюнь-іюль). Въ русскомъ языкѣ аналогичными индифферентными гласными являются ъ и ь (напр. вад$\overset{\frown}{\text{ı}}$во́зъм′і—орѳ. водовозами, п′ътачо́к=пятачекъ), при чемъ оба они вмѣстѣ по употребительности составляютъ, согласно нашимъ вычисленіямъ, 6,6% при общемъ процентѣ гласныхъ—46,4%.

III. Согласные звуки. Разсмотримъ особенности произношенія согласныхъ въ порядкѣ частей аппарата рѣчи.

Говоря о дыхательномъ аппаратѣ, нужно указать, что именно отъ него зависитъ уже разъясненная нами *слоговая ритмика* въ словахъ, своеобразная въ разныхъ языкахъ и обусловливающая ту или другую силу или вѣсъ слоговъ въ разныхъ положеніяхъ относительно ударенія въ словѣ (при этомъ нужно помнить, что сила или слабость произношенія имѣетъ значеніе не только для гласнаго, но также и согласныхъ въ томъ же слогѣ).

Что касается укладовъ гортани, отъ которыхъ зависитъ звонкое и глухое произношеніе, то здѣсь прежде всего отмѣтимъ особенность нѣмецкаго языка сравнительно съ другими и состоящую въ томъ, что въ немъ звонкіе взрывные согласные не имѣютъ той звучности, какую видимъ въ другихъ языкахъ. Эту особенность прекрасно разъяснила экспериментальная фонетика,[1]) показавъ, что при произношеніи какого-нибудь слога, состоящаго изъ звонкаго согласнаго съ гласнымъ (напр. „ба“), въ нѣмецкомъ языкѣ звучаніе гортани при звонкомъ согласномъ болѣе кратковременно, происходя лишь въ моментъ взрыва, тогда какъ въ другихъ сравниваемыхъ языкахъ, подобно русскому, звучаніе гортани занимаетъ значительную часть смычки звонкаго согласнаго. Отсюда въ этихъ послѣднихъ звонкіе согласные весьма рѣзко отличаются отъ соотвѣтствующихъ глухихъ, тогда какъ въ нѣмецкомъ тѣ и другіе не имѣютъ столь рѣзкой разницы, различаясь скорѣе болѣе сильной (при глухихъ) или же болѣе слабой (при звонкихъ) артикуляціей; соотвѣтственно этому звонкіе согласные въ нѣмецкомъ именуются слабыми (lenes), а глухіе сильными (fortes). Далѣе, подчеркнемъ ту особенность французскаго и англійскаго языковъ, что въ нихъ звонкіе согласные могутъ произноситься и на концѣ словъ, тогда какъ въ

[1]) Статья аббата Rousselot въ журналѣ La Parole 1899, стр. 404.

нѣмецкомъ языкѣ, подобно русскому, они замѣняются глухими. Замѣтимъ при этомъ, что глухіе взрывные согласные звуки на концѣ словъ въ нѣмецкомъ языкѣ произносятся съ придыханіемъ (напр. p=p^h), въ отличіе отъ другихъ разсматриваемыхъ языковъ. [1]) Укажемъ, наконецъ, на существованіе въ нѣмецкомъ языкѣ звука густаго придыханія, какъ напр. въ словѣ „*h*aben“. [2]) Все сказанное достаточно выясняетъ, на-сколько должны быть различны особые навыки въ дѣйствіи гортани въ разсматриваемыхъ нами языкахъ.

Относительно укладовъ мягкаго неба, отъ которыхъ зависитъ различіе носовыхъ и чистыхъ (или не-носовыхъ) звуковъ, отмѣтимъ, что въ нѣмецкомъ и англійскомъ, въ отличіе отъ французскаго и русскаго, кромѣ губныхъ и передне-язычныхъ носовыхъ согласныхъ встрѣчаются также носовые согласные задне-язычные (напр. въ нѣм. словѣ Fi*n*ger „палецъ“).

Дѣйствіе нижней челюсти, какъ мы знаемъ, находится въ тѣсномъ соотношеніи съ дѣйствіемъ органовъ произношенія, обусловливая степень ртовой открытости или же съуженности, но въ этомъ направленіи сравнительныхъ наблюденій пока еще недостаточно.

Мы должны теперь остановиться на особенностяхъ системы артикуляціонныхъ укладовъ органовъ произношенія въ разсматриваемыхъ языкахъ. Здѣсь укажемъ на нѣкоторую альвеолярность передне-язычныхъ согласныхъ въ нѣмецкомъ и англійскомъ сравнительно съ французскимъ и русскимъ, а также на то, что ни въ одномъ изъ этихъ языковъ не получилось такого широкаго развитія категоріи мяг-

---

[1]) Такое произношеніе конечныхъ глухихъ взрывныхъ замѣтно также и въ нѣмецкомъ пѣніи, въ ущербъ мелодіи.

[2]) Французское т. наз. «*h* aspirée» обозначаетъ не звукъ, а лишь аттакированное начало гласнаго, напр. въ словѣ «*h*ache» (топоръ), при чемъ въ случаѣ предшествующаго гласнаго это аттакированье и отдѣляетъ одинъ гласный отъ другаго, образуя между ними короткую паузу, напр. «la *h*ache».

кихъ согласныхъ, которая является столь характерною для русскаго языка. Изъ своеобразныхъ артикуляцій заслуживаетъ упоминанія англ. передне-язычный придувной *th*, могущій быть звонкимъ (обозначимъ греческою буквою *ð*) и глухимъ (обозначимъ чрезъ *ϑ*). Для выясненія физіологіи произношенія этого согласнаго за исходный пунктъ примемъ произношеніе русскихъ согласныхъ *з* и *с*. Чтобы произнести эти послѣдніе, мы приближаемъ переднюю часть языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ. Для перехода отъ этихъ русскихъ согласныхъ къ англійскимъ *ð* и *ϑ* нужно конецъ языка спустить до ряда нижнихъ зубовъ и даже слегка на нихъ, при чемъ нѣсколько понизится и нижняя челюсть; въ результатѣ произношенія при такомъ укладѣ получится т. наз. „межзубное“ (интердентальное) произношеніе этихъ звуковъ.

Бросая въ заключеніе общій взглядъ назадъ, нельзя не обратить вниманія на цѣлый рядъ сходствъ въ звуковыхъ системахъ языковъ нѣмецкаго и англійскаго, какъ напр.: мало замѣтное или почти незамѣтное выдвиженіе губъ впередъ при губныхъ гласныхъ, бо́льшая открытость краткихъ среднихъ гласныхъ сравнительно съ соотвѣтствующими долгими, дифтонгообразное съуживающееся произношеніе долгихъ среднихъ гласныхъ, бо́льшая альвеолярность передне-язычныхъ согласныхъ, и нѣк. др. Въ этомъ сходствѣ мы видимъ проявленіе *генетическаго* сродства между звуковыми системами этихъ языковъ. Съ другой стороны можно замѣтить нѣкоторыя сходства въ звуковыхъ системахъ языковъ англійскаго и французскаго, могущія зависѣть отъ привхожденія французской стихіи въ англійскій языкъ послѣ норманскаго завоеванія.

Лекція 6-ая.

О звуковыхъ законахъ.

Звуки рѣчи составляютъ предметъ изученія не только физіологическаго, но и грамматическаго. Часть грамматики, занимающаяся изученіемъ звуковыхъ явленій языка, называется фонетикой (т. е. ученіе о звукахъ). Въ отличіе отъ физіологіи звуковъ, *фонетика* при разсмотрѣніи звуковыхъ явленій обращаетъ вниманіе на грамматическія категоріи, въ которыхъ встрѣчается то или другое явленіе (напр. въ корнѣ, окончаніи и пр.); *физіологія же звуковъ*, служащая подготовкою къ изученію фонетики, занимается изслѣдованіемъ образованія звуковъ рѣчи независимо отъ грамматическихъ категорій. Выяснивъ отношеніе между физіологіей звуковъ и фонетикой, мы обратимся теперь къ общему вопросу о „звуковыхъ законахъ", имѣющему принципіальную важность, ибо каждая наука стремится къ установленію законовъ въ своей области. При своемъ обсужденіи мы будемъ имѣть въ виду какъ сторону физіологическую, такъ и фонетическую.

Со стороны **физіологической** мы должны указать на законъ **постоянства звуковой системы**, состоящій въ томъ, что одни и тѣ же звуки въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ индивидуумъ, принадлежащій къ извѣстному говору и языку, произноситъ одинаково. Это однообразіе основывается

на *привычк*, постепенно слагающейся съ дѣтства при перенятіи произношенія окружающихъ взрослыхъ, чему благопріятствуютъ тонкость слуха и тонкость мышечнаго чувства у дѣтей.

Однако, какъ свидѣтельствуетъ исторія языка, звуки послѣдняго не остаются въ одномъ и томъ же видѣ, но измѣняются во времени, что̀ и составляетъ сущность втораго закона — закона измѣнчивости звуковой системы. Этотъ второй законъ нисколько не противорѣчитъ первому, такъ какъ касается не рѣчи отдѣльныхъ индивидуумовъ, но языка въ его историческомъ развитіи. Самый процессъ звуковаго измѣненія языка, происходящій въ теченіе продолжительныхъ періодовъ времени, представляетъ собою весьма сложное явленіе и зависитъ отъ многихъ факторовъ, изъ которыхъ мы подчеркнемъ здѣсь *смѣну генерацій*, производящую перерывы въ традиціи языка и соединенную съ нѣкоторыми звуковыми новшествами. Возникновеніе этихъ новшествъ можно пояснить до нѣкоторой степени слѣдующимъ образомъ. Дѣти, встрѣчая въ рѣчи взрослыхъ звуки въ различныхъ варіаціяхъ въ зависимости отъ положенія въ словахъ, могутъ, подмѣтивъ тотъ или другой нюансъ, облюбовать его и употреблять предпочтительно передъ другими, при чемъ слегка намѣченный нюансъ можетъ быть и преувеличенъ [1]); если же такой нюансъ гармонируетъ съ остальной звуковой системой языка и удобенъ для произношенія, то, при подражаніи со стороны другихъ индивидуумовъ, онъ легко можетъ постепенно утвердиться и въ цѣломъ говорѣ, особенно среди молодаго поколѣнія. Отсюда и получаются отмѣчаемыя отдѣльными изслѣдователями нѣкоторыя звуковыя различія у старшихъ и младшихъ представителей того или другаго го-

[1]) Срв. какъ ребенокъ, когда ему удалось осилить произношеніе труднаго или понравившагося звука, какъ напр. *р*, нерѣдко начинаетъ его преувеличивать.

вора, при чемъ старшимъ кажется, что молодая генерація модничаетъ. Указаннымъ путемъ и создаются въ ходѣ времени болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ языкахъ, какъ напр. измѣненіе общероманскаго ударяемаго ŏ (изъ древнелатинскаго ударяемаго ŏ въ открытомъ слогѣ) въ итальянское *uo* [1]), измѣненіе мягкаго *к* въ *ч* [2]) и т. п.

Примѣчаніе. Мы разсмотрѣли въ самомъ общемъ видѣ процессъ звуковаго развитія языка. Предложенное разъясненіе имѣетъ принципіальное значеніе и такъ или иначе можетъ быть примѣнено ко всѣмъ вообще сторонамъ культурной жизни общества: вездѣ оказывается съ одной стороны—усвоеніе и сила привычки, а съ другой стороны при смѣнѣ генерацій еще и новое творчество. Въ качествѣ иллюстрирующихъ примѣровъ этого историческаго процесса можно остановиться на эволюціи того или другого рода умственной дѣятельности: одна изъ генерацій, унаслѣдовавъ отъ предшествующей ея достоянія, вырабатываетъ тѣ или другія новыя положенія при соотвѣтствующей затратѣ духовной энергіи, слѣдующая же за нею генерація, получивъ все это готовымъ, въ свою очередь остающійся запасъ нетронутой энергіи можетъ употребить для дальнѣйшаго творчества, и т. д.

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о звуковыхъ законахъ съ **фонетической** стороны и припомнивъ, что здѣсь приходится считаться съ грамматическими категоріями, въ которыхъ является тотъ или другой звукъ, мы должны сказать, что физіологическому принципу постоянства звуковой системы здѣсь соотвѣтствуетъ принципъ постоянства грамматическо-звуковыхъ чередованій. Чередованія звуковъ образуются изъ звуковыхъ варіацій, когда одна и та же знаменательная часть слова (напр. корень, суффиксъ и пр.), находясь въ разныхъ фонетическихъ условіяхъ, полу-

---

[1]) Какъ легко гласный *о* можетъ получать въ своемъ началѣ призвукъ *и* доказываютъ случаи воспріятія ухомъ француза русскаго гласнаго *о* (напр. въ словѣ «полъ») въ видѣ *uo*, т. е. съ легкой дифтонгизаціей.

[2]) Въ этомъ измѣненіи, конечно, игралъ роль и физіологическій моментъ удобства произношенія, такъ какъ перемѣщеніе артикуляціи изъ задней, менѣе подвижной, части языка въ переднюю, болѣе подвижную, представляетъ измѣненіе въ сторону большей легкости.

часть соотвѣтствующія звуковыя варіаціи; эти послѣднія и называются звуковымъ чередованіемъ. Такъ, напр., твердое *т*, находящееся въ какой-нибудь знаменательной части слова, можетъ чередоваться съ мягкимъ *т* (т'), въ зависимости отъ твердости или же мягкости слѣдующаго гласнаго, напр. кáрта || кáрт'э. Ребенокъ, усваивая рѣчь взрослыхъ, усваиваетъ и эти чередованія, при чемъ и здѣсь устойчивость ихъ опирается на силу памяти и привычки.

Но мы уже говорили, что звуки языка съ теченіемъ времени измѣняются. Такъ, напр. *к'*, развившееся изъ твердаго въ положеніи передъ смягчающими гласными, затѣмъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго перерожденія, измѣнилось въ *ч*, благодаря чему и прежнее чередованіе *к* твердаго съ мягкимъ *к* (к || к') превратилось въ чередованіе *к* съ *ч* (к || ч), срв. пеку || печешь, пророкъ || пророчить. Такимъ образомъ, мы должны констатировать еще другой законъ для чередованій звуковъ, именно—законъ измѣненія ихъ, состоящій въ томъ, что звуковое чередованіе измѣняется во времени *въ зависимости отъ измѣненія тѣхъ звуковъ, которые входятъ въ составъ даннаго чередованія.*

Сказанное о грамматическихъ чередованіяхъ нужно дополнить еще тѣмъ замѣчаніемъ, что *устойчивость грамматическихъ чередованій звуковъ въ различныхъ случаяхъ не одинакова* и менѣе устойчивыя чередованія раньше подвергаются дѣйствію т. наз. „аналогіи“. Если мы остановимся на прежнемъ примѣрѣ, то должны замѣтить, что устойчивость чередованія к || ч въ случаѣ пеку || печешь меньшая, чѣмъ въ пророкъ || пророчить. Легко видѣть, что въ первомъ случаѣ съ этимъ чередованіемъ не связано смысловое различіе: формы съ чередованіемъ к || ч принадлежатъ одному и тому же времени одного и того же глагола; потому-то въ народномъ языкѣ здѣсь *ч* легко замѣняется путемъ аналогіи мягкимъ *к* (пеку || пекешь), при чемъ въ такихъ замѣнахъ языкъ слѣдуетъ принципу удобства памяти, т. е. экономіи силъ. Въ

самомъ дѣлѣ, помнить чередованіе пеку || пекешь, аналогичное съ несу || несешь и мн. др., легче, чѣмъ пеку || печешь. Другое дѣло въ случаѣ пророкъ || пророчить: здѣсь съ чередованіемъ к || ч связано уже смысловое различіе, такъ какъ имѣется производство слова, принадлежащаго одной части рѣчи, отъ другой части рѣчи (производство глагола отъ существительнаго), а потому оно болѣе устойчиво. И вообще, чѣмъ меньше смысловое различіе при звуковомъ чередованіи, тѣмъ легче послѣднее измѣняется дѣйствіемъ аналогіи, чередованіе же звуковъ въ соединеніи съ большимъ смысловымъ различіемъ является болѣе устойчивымъ. Конечно, и въ измѣненіи чередованій, происходящемъ подъ вліяніемъ аналогіи, играетъ также важную роль смѣна генерацій. [1])

---

[1]) Для дальнѣйшихъ подробностей о звуковыхъ законахъ срв. нашъ Общій курсъ рус. грам. гл. III (въ 1-омъ и 2-омъ изд.)=гл. IV (въ 3-емъ изд.).

Лекція 7-ая.

Главнѣйшія звуковыя соотвѣтствія въ аріо-европейскихъ языкахъ.

Сравнивая отдѣльные языки, принадлежащіе къ аріо-европейскому (или индо-европейскому) семейству, мы находимъ между ними сходство, объясняемое ихъ происхожденіемъ отъ одного общаго для нихъ предполагаемаго аріо-европейскаго праязыка. Кромѣ аріо-европейскаго семейства языковъ на земномъ шарѣ существуетъ цѣлый рядъ другихъ семействъ, напр. семейство семитскихъ языковъ, турецко-татарскихъ и мн. др. Языки аріо-европейскаго семейства, цѣпь которыхъ тянется отъ Индійскаго океана къ Атлантическому, образуютъ въ Азіи вѣтви—индійскую и иранскую, въ Европѣ греческую, италійскую, кельтскую, германскую, литовскую, славянскую и нѣк. др. [1]) Вслѣдствіе обособленія народностей, смѣны генерацій и ряда другихъ условій, звуковыя различія между названными вѣтвями возрасли со временемъ до того, что стали довольно значительными, но тѣмъ не менѣе сравнительная фонетика этихъ языковъ имѣетъ возможность установить соотношенія или соотвѣтствія между измѣнившимися звуками этихъ языковъ. Знаніе такихъ звуковыхъ соотвѣт-

[1]) Впослѣдствіи мы посвятимъ особую лекцію болѣе подробному обзору этихъ языковъ.

ствій между языками нашего семейства необходимо не только при изученіи науки о языкѣ, но и другихъ сродныхъ дисциплинъ, какъ напр. первобытной исторіи народовъ, принадлежащихъ къ данному семейству, возстановляемой на основаніи родства между культурными словами языковъ этого семейства. [1]) Въ настоящей лекціи мы ознакомимся съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ соотвѣтствій гласныхъ и согласныхъ въ языкахъ-представителяхъ аріо-европейскаго семейства, при чемъ будемъ указывать и на отношеніе ихъ къ предполагаемому праязыку, который возсоздается гипотетически на основаніи сравненія отдѣльныхъ вѣтвей этого семейства.

I. Соотвѣтствія въ области гласныхъ. Гласные звуки въ языкахъ аріо-европейскаго семейства распадаются на простые гласные (краткіе и долгіе) и дифтонги; аналогичныя звуковыя категоріи принимаются и для аріо-европейскаго праязыка. Обратимся сначала къ простымъ *краткимъ* гласнымъ, при чемъ въ своихъ сопоставленіяхъ будемъ исходить изъ русскихъ примѣровъ. [2])

бе*р*у =: греч. *φέρω* (т. е. phérō) =: лат. *fe*ro =: скт. bh*á*rāmi;
-бо*р*ъ (напр. сбо*р*ъ) =: греч. *φόρος* (phóros) =: скт. bh*ă*ras,—существительное, родственное вышеприведенному глаголу;
со*л*ь =: греч. *ἅλς* (т. е. hals) =: лат. *sa*l.

---

[1]) Вполнѣ понятно, что нельзя заключать о родствѣ между словами языковъ даннаго семейства, основываясь лишь на звуковомъ сходствѣ словъ и на этомъ базисѣ строить выводы о ранней культурѣ соотвѣтствующихъ народовъ, какъ это къ сожалѣнію встрѣчаемъ иногда у нѣкоторыхъ смѣлыхъ филологовъ безъ серьезной лингвистической подготовки.

[2]) Знакъ =: будемъ ставить между родственными словами, въ которыхъ наблюдается извѣстное звуковое соотвѣтствіе; предполагаемые звуки праязыка принято отмѣчать звѣздочкой.

На основаніи приведенныхъ и цѣлаго ряда подобныхъ имъ примѣровъ предположили, что въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали три соотвѣтствующихъ кратвихъ средне-широкихъ гласныхъ, именно—*ĕ, *ŏ, *ă.

Примѣчаніе. Попробуемъ въ нѣсколькихъ словахъ разъяснить, на какомъ основаніи сдѣлано такое предположеніе. Мы видимъ на приведенныхъ примѣрахъ, что между тѣмъ какъ греческій представляетъ тріаду средне-широкихъ гласныхъ, русскій языкъ имѣетъ только два гласныхъ, причемъ русское *о* является на мѣстѣ греческихъ какъ ŏ, такъ и ă, а въ санскритѣ встрѣчаемъ только одно *а* во всѣхъ трехъ случаяхъ. Къ принятію для праязыка первоначальнаго разнообразія гласныхъ, аналогичнаго греческому языку, а не однообразія, подобнаго санскриту, побуждаетъ то, что и въ послѣднемъ языкѣ имѣются факты, доказывающіе, что это однообразіе въ немъ вторично и получилось вслѣдствіе позднѣйшаго смѣшенія первоначальныхъ трехъ гласныхъ: такъ, напр., *к* смягчается въ этомъ языкѣ въ (ч) только передъ такимъ *а*, которому соотвѣтствуетъ въ греч. и русскомъ гласный смягчающій—*е*, а это указываетъ на то, что въ этомъ случаѣ санскрит. гласный *а*, развился изъ аналогичнаго палятальнаго гласнаго, т. е. *е* (срв. скт. *pṛthivi*=рус. печать); что касается случаевъ происхожденія санскрит. *а* изъ *ŏ, то это явствуетъ изъ того, что на ряду съ такимъ *а*, стоящимъ противъ греч. ŏ, въ санскритѣ оказывается въ случаѣ замѣнительнаго удлиненія не ā, но ō, которое не могло бы получиться, если бы скт. *а* не восходило къ болѣе раннему ŏ.

Сопоставляя указанные праязыковые гласные съ рефлексами въ отдѣльныхъ языкахъ-представителяхъ, легко видѣть, что греческій и латинскій лучше всего сохранили первоначальное различіе гласныхъ,—въ нихъ различаются всѣ три гласные: ĕ, ŏ, ă; между тѣмъ въ русскомъ языкѣ ŏ и ă совпали въ звукѣ *о*, а въ санскритѣ всѣ три гласные отражаются въ видѣ одного *а*. Если теперь мы бросимъ взглядъ на всѣ языки-представители аріо-европейскаго семейства, то оказывается, что по отношенію къ отраженію въ нихъ первоначальной *краткой тріады средне-широкихъ гласныхъ* (*ĕ, *ŏ, *ă) [1])

[1]) Что касается гласныхъ *i и *ŭ, то мы на нихъ не останавливаемся, въ виду простоты отраженія; замѣтимъ только, что въ старо-славянскомъ они соотвѣтственно отражаются въ видѣ ь и ъ.

они раздѣляются на три отдѣла, состоящіе каждый изъ языковъ географически смежныхъ между собою:

1) *юго-западный* отдѣлъ (вѣтви греческая, италійская и кельтская), въ которомъ различаются всѣ три гласные *ĕ, *ŏ, *ă;

2) *сѣверо-западный* (вѣтви германская, литовская и славянская), въ которомъ оба не-палятальные гласные, т. е. *ŏ и *ă, совпали въ одномъ гласномъ;

3) *юго-восточный* (вѣтви индійская и иранская), въ которомъ всѣ три гласные совпали въ одномъ гласномъ *a*.

Аналогично указанному распредѣленію тріады краткихъ средне-широкихъ гласныхъ распредѣляются и рефлексы соотвѣтствующихъ праязыковыхъ *долгихъ* гласныхъ (*ē, *ō, *ā) [1]), при чемъ въ *юго-западномъ* отдѣлѣ тріада долгихъ гласныхъ сохранилась наиболѣе полнымъ образомъ, въ *сѣверо-западномъ* отдѣлѣ произошло смѣшеніе обоихъ не-палятальныхъ гласныхъ (въ слав. вѣтви въ видѣ *a*), [2]) а въ *юго-восточномъ* всѣ три гласные совпали въ одномъ ā; срв. нижеслѣдующіе примѣры:

*ē: о-д*ъ*-т ь = греч. *τί-θη-μι* (títhēmi) „кладу“ = скт. dá-dhā-mi „кладу“;

*ō: д*а*-т ь = греч. *δί-δω-μι* (dídōmi) „даю“ = скт. dá-dā-mi „даю“;

*ā: с т*а*-т ь = греч. *ἵ-στᾱ-μι* (hístāmi) дорич.—„ставлю“ = скт. tí-ṣṭhā-mi „стою“.

---

[1]) Существованіе этихъ гласныхъ въ аріо-европейскомъ праязыкѣ доказывается въ общемъ посредствомъ пріемовъ уже извѣстныхъ изъ предъидущаго. О рефлексахъ праязыковыхъ *i и *ū мы не говоримъ въ виду простоты отраженія; замѣтимъ только, что *ū отражается въ ст.-слав. и русскомъ въ видѣ ы.

[2]) Въ литовскомъ однако такого смѣшенія не произошло.

Переходя къ дифтонгамъ, сначала замѣтимъ, что въ составъ праязыковыхъ дифтонговъ обычно входили среднеширокіе краткіе ĕ, ŏ, ă въ качествѣ перваго компонента, вторымъ же компонентомъ служили краткіе узкіе гласные *i* и *u*. Что касается отраженія этихъ дифтонговъ въ языкахъ-потомкахъ, то оно въ общемъ находится въ соотвѣтствіи съ характеромъ отраженія первоначальной краткой тріады среднеширокихъ гласныхъ, т. е. рефлексы дифтонговъ группируются по тѣмъ же тремъ областямъ. Такъ, языки *юго-западнаго* отдѣла (къ которымъ принадлежитъ и греческій языкъ), сохранившіе различіе въ тріадѣ простыхъ гласныхъ, сохраняютъ различіе и въ дифтонгахъ; срв. греч. εἶδομαι (eídomai) „кажусь“, οἶδα (oîda) „знаю“, λαιός (laiós) „лѣвый“. Если обратимся къ языкамъ *сѣверо-западнаго* отдѣла, то увидимъ, что тамъ существуетъ только два различія въ дифтонгахъ, при чемъ какъ совпали въ этихъ языкахъ простые гласные *ă и *ŏ въ одномъ гласномъ, такъ совпали между собою и соотвѣтствующіе дифтонги; срв., дифтонги *oi и *ai (въ положеніи передъ согласнымъ) отражаются въ славянской вѣтви одинаково въ видѣ *ъ*, напр. греческимъ словамъ οἶδα и λαιός соотвѣтствуютъ по корню русскія слова в*ѣ*дать и л*ѣ*вый, а дифтонгъ *ei—въ видѣ *и*, срв. греческому глаголу εἶδομαι соотвѣтствуетъ по корню наше в*и*дѣть (вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что первоначальные дифтонги уже измѣнились на славянской почвѣ въ простые гласные). Наконецъ, въ *юго-восточномъ* отдѣлѣ, подобно совпаденію краткой тріады гласныхъ въ одномъ гласномъ (*a*), произошло совпаденіе и соотвѣтствующихъ дифтонговъ, напр. въ санскритѣ всѣ три дифтонга со вторымъ компонентомъ *i* совпали въ одномъ гласномъ *ē*, измѣнившись такимъ образомъ въ монофтонгъ. Изъ изложеннаго видно, что отдѣльныя звуковыя соотвѣтствія въ родственныхъ языкахъ образуютъ довольно гармоническую систему.

Говоря о первоначальныхъ дифтонгахъ, нужно имѣть еще въ виду то, что они отражаются неодинаково въ положеніи передъ гласными и согласными; такъ, въ примѣрѣ „*слово*“ второй компонентъ (именно *и*) первоначальнаго дифтонга, въ зависимости отъ своего положенія передъ гласнымъ, измѣнился въ согласный *v*, а этотъ послѣдній въ слоговомъ отношеніи отдѣлился къ слѣдующему гласному (дифтонгъ распался); въ словѣ же „*слухъ*“ дифтонгъ **ou*, въ зависимости отъ положенія передъ согласнымъ, сохранился отъ распаденія и со временемъ обратился въ простой гласный.

II. Соотвѣтствія для двухъ рядовъ праязыковыхъ задне-язычныхъ согласныхъ. Въ аріо-европейскомъ праязыкѣ существовали кромѣ обычныхъ согласныхъ (напр. *p*, *t*, *b*, *d*, *r*, *l*, *m*, *n*), перешедшихъ и въ отдѣльные языки, еще нѣкоторыя особыя категоріи, изъ которыхъ прежде всего остановимся на двухъ рядахъ задне-язычныхъ согласныхъ (болѣе переднемъ и болѣе глубокомъ), а затѣмъ на звонкихъ придыхательныхъ.

Разсмотримъ соотвѣтствія начальному согласному *c* (s) слова „*сто*“. Въ литовскомъ языкѣ слову „сто“ соотвѣтствуетъ šimtas, въ санскритѣ—çatám. [1]) Такимъ образомъ, русскому передне-язычному придувному *s* отвѣчаютъ въ литовскомъ и санскритѣ также передне-язычные придувные (*š* и *ç*). Въ соотвѣтствующемъ числительномъ языковъ греческаго и латинскаго хотя тоже имѣется согласный язычный, но уже другаго мѣста и способа образованія, именно—задне-язычный взрывной (*k*): греч. *ἑ-κατόν* (hekatón), лат. centum. [2]) Можно привести еще цѣлый рядъ примѣровъ, въ которыхъ русскому,

---

[1]) Санскр. *ç* произносится какъ мягкое *ш*.

[2]) Теперь латинское *c* передъ *e* и *i* принято выговаривать какъ наше *ц*, но въ древне-латинскомъ оно произносилось какъ *к*, произношеніе же въ видѣ *ц* окончательно сформировалось лишь къ VI в. по Р. Х.

литовскому и санскритскому передне-язычному спиранту въ греческомъ и латинскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ задне-язычный взрывной согласный. Для аріо-европейскаго праязыка принимаютъ въ этихъ случаяхъ *k* переднее (т. е. нѣсколько мягкое), артикуляція котораго легко могла перемѣститься въ переднюю часть языка; это праязыковое *k* изображаютъ посредствомъ *k̑ или же *k¹ (о предполагаемомъ еще другомъ *k* скажемъ ниже). Опираясь на установленное соотвѣтствіе попробуемъ перевести фонетически корневую часть слова „дес-ять“ на греческій языкъ: начальному *д* и въ греческомъ отвѣчаетъ *δ*, гласному *е* соотвѣтствуетъ *ε*, а русскому *s* греческое *κ*; такимъ образомъ получается для греческаго корень въ видѣ *δεκ-*, и дѣйствительно—въ греческомъ находимъ соотвѣтствующее числительное *δέκ-α* (въ латинскомъ dec-em, въ санскритѣ dáç-a). И такъ, по отношенію къ разсмотрѣнному звуковому соотвѣтствію аріо-европейскіе языки распадаются на два отдѣла:

1) *восточный* (вѣтви индійская, иранская, славянская и литовская), въ которомъ *k¹=*s* (š, ç); [1])

2) *западный* (вѣтви греческая, италійская, кельтская и германская), въ которой *k¹=*κ* (въ германской вѣтви это *k* измѣнилось далѣе въ *h*, согласно спеціально германскому закону „передвиженія согласныхъ“—т. наз. Lautverschiebung). [2])

Если русское слово „кто“ будемъ сравнивать относи-

---

[1]) Замѣтимъ, что славянское *s* не всегда восходитъ къ *k¹, такъ какъ въ значительной группѣ случаевъ происходитъ изъ праязыковаго *s, напр. въ словѣ «есть»=греч. ἔστί.

[2]) Если *k¹ даетъ въ русскомъ *s*, а въ греческомъ *κ*, то соотвѣтственно этому *g¹ даетъ соотвѣтствующіе звонкіе рефлексы въ тѣхъ же языкахъ, т. е. въ русскомъ *з*, а въ греческомъ γ (g), напр. *з*на-ть=греч. и лат. K. *g*nō-. Какъ видимъ, принципъ гармоническаго отраженія звуковъ наблюдается и здѣсь.

тельно согласнаго *k* съ родственными словами другихъ аріо-европейскихъ языковъ, то увидимъ, что русскому *к* въ восточномъ отдѣлѣ соотвѣтствуетъ также звукъ *k* (напр. скт., древне-персид. и литов. *k*as), тогда какъ языки западнаго отдѣла характеризуются губностью, представляя или заднеязычный согласный съ губнымъ сопровожденіемъ (напр. лат. *qu*od „что"), или же прямо губной согласный (срв. греч. πῶς „какъ"). Для праязыка въ этомъ случаѣ предполагаютъ уже болѣе глубокій задне-язычный согласный, обозначаемый посредствомъ *q (также *q^{w}) или же *k^{2} и отражающійся въ *восточномъ* отдѣлѣ въ видѣ *k*, а въ *западномъ* въ видѣ *qu* (*p*).

III. Рефлексы первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ.

*б*еру=греч. *φ*έρω=лат. *f*ero=скт. *bh*árāmi;
*д*ымъ=греч. *θ*υμός=лат. *f*umus=скт. *dh*ūmás.

Какъ эти примѣры, такъ и рядъ аналогичныхъ имъ, приводятъ къ выводу, что въ языкахъ, образующихъ *сѣверную* полосу въ аріо-европейской семьѣ, именно—въ вѣтвяхъ иранской, славянской, литовской, германской и кельтской, придыхательный элементъ утратился, такъ что первоначальный звонкій придыхательный отражается въ видѣ звонкаго взрывнаго (напр. *bh = b, *dh = d); въ языкахъ же греческомъ, латинскомъ и санскритѣ, составляющихъ *южную* полосу, придыхательность такъ или иначе сохранилась (напр. *bh=греч. *φ* или ph, лат. f изъ ph, скт. bh). Вслѣдствіе утраты придыханія въ языкахъ сѣверной полосы, въ этихъ послѣднихъ (за исключеніемъ германской вѣтви) произошло совпаденіе первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ и непридыхательныхъ, срв. рус. *д*ымъ=скт. dhūmás, рус. *д*омъ=скт. *d*amás. Отсюда видно, что звонкіе согласные

въ русскомъ языкѣ могутъ имѣть двоякое происхожденіе—изъ звонкаго придыхательнаго и непридыхательнаго; при этомъ то или иное происхожденіе обнаруживается изъ сравненія съ южными языками, въ которыхъ та и другая категорія не смѣшиваются.

Бросая взглядъ на все сказанное, видимъ, что языки нашего семейства подраздѣляются различнымъ образомъ на отдѣлы, а именно:

1) по отношенію къ тріадѣ средне-широкихъ гласныхъ—на отдѣлы юго-западный, сѣверо-западный и юго-восточный;

2) по отношенію къ двумъ рядамъ задне-язычныхъ согласныхъ—на отдѣлы западный и восточный;

3) по отношенію къ придыхательнымъ—на отдѣлы сѣверный и южный.

Въ заключеніе укажемъ, что обычное сравненіе языковъ нашего семейства, принятое въ сравнительной грамматикѣ этихъ языковъ, страдаетъ существеннымъ недостаткомъ вслѣдствіе того, что въ качествѣ представителей берутся языки древнѣйшихъ памятниковъ въ каждой вѣтви, напр. въ индійской вѣтви—санскритъ (ок. X в. до Р. Х.), въ литовской—литовскій (XVI в. по Р. Х.) и т. д. Слѣдовательно, въ одну линію ставятся факты разновременные, при чемъ разница иногда доходитъ почти до 30 вѣковъ. Намъ кажется поэтому, что сравнительная грамматика должна была бы не ограничиваться такимъ изученіемъ, но включать въ свой предметъ и сравнительное изученіе историческаго развитія тѣхъ же языковъ до настоящаго времени, обращая при этомъ вниманіе—по-скольку возможно—и на синхронизмъ сопоставляемыхъ явленій. Тогда обнаружится нѣкоторая незаконченность положеній обычной сравнительной грамматики, такъ какъ въ дальнѣйшей жизни языковъ звуки продолжали измѣ-

няться далѣе, давая тѣмъ основаніе для новыхъ группировокъ, при чемъ вѣтви одного и того же отдѣла могли расходиться и разныхъ отдѣловъ приходить въ совпаденія. Такъ, напр., по отношенію къ двумъ рядамъ задне-язычныхъ согласныхъ, въ дальнѣйшемъ развитіи латинскаго языка, именно на почвѣ французскаго языка, на мѣсто лат. *qu* ($*k^2$) получилось во франц. *k* безъ лябіализаціи, т. е. какъ въ восточномъ отдѣлѣ, а на мѣсто лат. *c* ($*k^1$) получились три звука въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій — *s*, *š*, *k*, т. е. и здѣсь (въ случаяхъ *s* и *š*) произошло частичное совпаденіе съ рефлексами восточнаго отдѣла; срв. франц. *kā* (=орѳ. quand) и русскія слова—*к*огда, *к*уда, франц. *sā* (=орѳ. cent) и рус. *с*то. [1])

---

[1]) Болѣе обстоятельное изложеніе сравнительной фонетики для аріоевропейскихъ языковъ читатель найдетъ въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3], гл. XXI, а также въ книгѣ проф. А. Мейе (A. Meillet) подъ заглавіемъ: Введеніе въ сравнительную грамматику индоевропейскихъ языковъ. Переводъ проф. *Д. Кудрявскаго*, просмотрѣнный и и дополненный авторомъ. Юрьевъ (1911).

Лекція 8-ая.

Развитіе дѣтской рѣчи. Замѣчанія о происхожденіи человѣческаго языка.

Говоря о звуковомъ развитіи языка, мы подчеркнули важную роль, которую играетъ въ этомъ процессѣ смѣна генерацій. Послѣднимъ обстоятельствомъ обусловливается и тотъ интересъ, какой представляетъ для лингвистики изслѣдованіе постепеннаго образованія рѣчи у каждой новой генераціи или, другими словами, дѣтской рѣчи, изученіе которой можетъ пролить свѣтъ и на трудный вопросъ о самомъ происхожденіи человѣческаго слова. Въ своемъ разсмотрѣніи развитія дѣтской рѣчи мы не ограничимся поэтому одною внѣшнею или звуковою стороной, но коснемся также и внутренней или смысловой. [1])

Въ развитіи дѣтскаго произношенія можно установить четыре періода: 1) подготовительный періодъ или періодъ рефлекторныхъ криковъ и гуленья, начинающійся со дня

---

[1]) По изученію дѣтской рѣчи въ русской литературѣ можно указать двѣ хорошія работы — проф. Александрова и свящ. Благовѣщенскаго (въ Р. Ф. В. 1883 г. и 1886 г.), давшія матеріалъ и для настоящаго болѣе общаго изложенія вопроса. Въ области другихъ языковъ развитіе дѣтской рѣчи можетъ представлять тѣ или другія особенности; срв. по отношенію къ нѣмецкому языку извѣстное сочиненіе: Preyer W. Die Seele des Kindes. Beobachtungen über die geistige Entwickelung des Menschen in den ersten Lebensjahren (1882).

рожденія и заканчивающійся въ общемъ на второмъ году; 2) періодъ упрощеннаго произношенія слышимыхъ словъ, продолжающійся мѣсяца четыре; 3) періодъ бо́льшаго приближенія къ произношенію окружающихъ, продолжающійся мѣсяцевъ шесть, и, наконецъ, 4) періодъ, когда ребенокъ, уже достаточно овладѣвшій звуками языка, переходитъ къ обычной рѣчи.

I. **Подготовительный періодъ.** Въ началѣ этого періода ребенокъ издаетъ только рефлекторные крики, возбуждаемые въ немъ обычно чувствомъ голода или боли. По закону памяти и эти крики не могутъ не оставлять слѣда, такъ какъ происходящія при нихъ движенія органовъ рѣчи сопровождаются мышечнымъ чувствомъ, съ которымъ постепенно ассоціируются получаемыя одновременно слуховыя ощущенія отъ этихъ криковъ. Во второй половинѣ подготовительнаго періода ребенокъ издаетъ звуки (какъ говорятъ—„гулитъ“) уже независимо отъ болѣзненныхъ импульсовъ, а просто забавляясь или тѣшась самымъ процессомъ производства этихъ звуковъ и подготовляясь такимъ образомъ къ возможности подражанія. Начиная съ слѣдующаго періода, ребенокъ, слушая слова, произносимыя окружающими, старается имъ подражать и сначала, конечно, очень несовершенно. Обратимся теперь къ самому разсмотрѣнію постепеннаго усвоенія ребенкомъ слышимой рѣчи, при чемъ должны замѣтить, что предлагаемый матеріалъ не исчерпываетъ всего разнообразія дѣтской рѣчи, развитіе которой можетъ представлять тѣ или другія индивидуальныя особенности и отклоненія. Въ виду этого и самое распредѣленіе явленій по періодамъ не можетъ считаться категоричнымъ.

II. **Періодъ упрощеннаго произношенія.** Въ началѣ этого періода ребенокъ уже обладаетъ тремя крайними гласными звуками—*a*, *i* и *y*, изъ которыхъ самымъ излюбленнымъ явля-

ется звукъ *a*, замѣняющій собою у ребенка и недостающіе средніе гласные (т. е. *э* и *о*). При этомъ ребенокъ произноситъ лишь односложныя слова, обращая въ таковыя и слышимыя имъ двусложныя, въ которыхъ по-видимому вниманіе его останавливается преимущественно на начальномъ слогѣ, напр. вмѣсто „большой“ ребенокъ произноситъ б а, вмѣсто „стыдно“—т' і. Вслѣдствіе этого одно и то же звукосочетаніе можетъ обозначать у ребенка различныя слова, напр. слогъ м а можетъ обозначать „мама“, „маленькій“ и др. Къ концу разсматриваемаго періода въ говорѣ ребенка начинаютъ уже появляться и двусложныя слова, въ которыхъ однако оба слога, т. е. ударяемый и неударяемый, произносятся почти съ одинаковымъ напряженіемъ или силой.

Въ области согласныхъ ребенокъ въ началѣ втораго періода пользуется губными *п*, *б*, *м*, какъ твердыми, какъ и мягкими, и затѣмъ—мягкими передне-язычными *т'*, *д'*, *н'*. Постоянная мягкость передне-язычныхъ согласныхъ даннаго періода объясняется тѣмъ, что образованіе бугра средне-передней частью языка, требующееся для произнесенія этихъ согласныхъ, стоитъ ближе къ индифферентному укладу и потому легче, чѣмъ приподниманіе кончика языка къ верхнимъ зубамъ и ихъ деснамъ при одновременномъ пониженіи его средней части, какъ это требуется для соотвѣтствующихъ твердыхъ согласныхъ.[1]) Тогда же имѣетъ мѣсто и артикуляція одной средней части языка въ видѣ j. Такимъ образомъ еще во второмъ періодѣ, не смотря на весьма ограниченное число доступныхъ артикуляціонныхъ движеній органовъ произношенія, ребенокъ уже соединяетъ ихъ съ двумя главными укла-

[1]) По-видимому, и въ западно-европейскихъ языкахъ, почти не развившихъ категоріи мягкихъ согласныхъ, передне-язычные согласные на первыхъ порахъ имѣютъ нѣсколько палятальный характеръ; такъ, у Прейера читаемъ, что ребенокъ въ концѣ втораго года произнесенное слово Wasser воспроизвелъ въ видѣ Watja (Die Seele des Kindes, 311).

дами гортани, представляющими расширенную или же съуженную для звучанія голосовую щель (напр. *п* || *б*), а также пользуется и двумя положеніями мягкаго нёба (срв. *п* || *м* *т'* || *н'*). Теперь посмотримъ, какъ ребенокъ съ помощью столь малаго пока запаса звуковъ воспроизводитъ слышимыя слова: вмѣсто всѣхъ чистыхъ (не-носовыхъ) язычныхъ согласныхъ у него на первыхъ порахъ фигурируетъ *т'*, вскорѣ появляется и *д'*, которые и являются основными, заступающими мѣсто прочихъ язычныхъ согласныхъ, вмѣсто-же губно-зубныхъ (ф и в) онъ подставляетъ соотвѣтствующіе взрывные: напр.: „*во*[*ло*]*сы*" = *б*а́ *т'*і, „*вода*" = *б*а *д'*а́, „*жевъ*" = *д'*і *п* „*козелъ*" = *т'*а *д'*а́ j. Что касается звука *j*, то въ началѣ словъ онъ не произносится: „ягода" = *а́* к *д'*а, но „чаю" = т'а́ *j* у: кромѣ того, имъ замѣняется боковой согласный *л*. Звукъ *k* появляется къ концу втораго періода, въ началѣ же этого періода замѣняется звукомъ *т'*—самымъ частымъ и любимымъ въ это время согласнымъ звукомъ ребенка, срв. „стаканъ" = т'а т'а́ н'; новый звукъ *к* заступаетъ собою мѣсто и соотвѣтствующаго звонкаго (*г*). И такъ, къ концу втораго періода ребенокъ изъ двадцати основныхъ согласныхъ (считая при этомъ твердую и мягкую разновидность за одинъ звукъ) владѣетъ уже восемью: п, б, м, т', д', н', j, k. Изъ изложеннаго нами относительно согласныхъ втораго періода можно усмотрѣть, что въ говорѣ ребенка, по крайней мѣрѣ въ области язычныхъ согласныхъ, прежде появляются глухіе, а потомъ соотвѣтствующіе звонкіе (*т'* раньше *д'*, *k* раньше по сравненію съ *г*), т. е. ребенку легче дается произношеніе язычныхъ согласныхъ при открытой голосовой щели, нежели при съуженной. Вообще же второй періодъ дѣтскаго произношенія относительно согласныхъ можно охарактеризовать главнымъ образомъ какъ періодъ взрывныхъ согласныхъ (изъ придувныхъ пока встрѣчается одинъ j).

III. **Періодъ приближенія къ произношенію окружающихъ.** Въ этомъ періодѣ въ области ударяемыхъ гласныхъ ребенокъ овладѣваетъ остающимися. Прежде всего у него появляется гласный *ы* (замѣнявшійся во второмъ періодѣ посредствомъ *і*, напр. „стыдно“ = т'*і*), но только въ положеніи послѣ губныхъ согласныхъ *п*, *б*, *м*. Причина въ томъ, что только губные согласные перешли въ третій періодъ въ двухъ видахъ, т. е. какъ твердые и мягкіе, согласные же передне-язычные извѣстны къ началу этого періода только какъ мягкіе (гласный же *ы* требуетъ твердаго произношенія предшествующихъ согласныхъ). Съ половины третьяго періода появляются уже средніе гласные, во второмъ періодѣ замѣнявшіеся посредствомъ *а*. Сначала усваивается гласный *э*, но онъ встрѣчается только тамъ, гдѣ за нимъ въ говорѣ самого маленькаго слѣдуетъ твердый согласный, напр. „бѣгалъ“ = б'э́къ; если же далѣе слѣдуетъ въ его говорѣ мягкій согласный, то предшествующее *э*, какъ вообще всякое узкое *э*, замѣняется теперь посредствомъ *і*, напр. „надѣну“ = н а д'*і* н'у. Но въ это время гласнаго *о* еще нѣтъ; онъ появляется къ концу періода, какъ и узкое *е*. Такимъ образомъ, при переходѣ въ четвертый періодъ (т. е. къ обычной рѣчи) ребенокъ владѣетъ уже болѣе или менѣе всѣми ударяемыми гласными.

Что касается неударяемыхъ гласныхъ, то, какъ мы видѣли, къ концу втораго періода у ребенка появляются уже двусложныя слова, которыя составлены примѣнительно къ трехгласной звуковой системѣ и въ которыхъ ребенокъ произноситъ съ почти одинаковымъ напряженіемъ слогъ ударяемый и неударяемый, такъ какъ онъ еще не навыкъ регулировать надлежащимъ образомъ силу выдыхательныхъ толчковъ воздуха при произношеніи неодносложныхъ словъ. Различіе неударяемыхъ гласныхъ по степени силы и опредѣленности вырабатываются уже въ третьемъ періодѣ, съ появленіемъ въ его говорѣ трехсложныхъ словъ, естественно распространяясь въ то же время и на двусложныя. Теперь въ его говорѣ послѣударенный

слогъ получаетъ уже слабое произношеніе, особенно послѣ группы глухихъ согласныхъ, напр. „лампа“=ја́мпа, а кромѣ того въ извѣстныхъ слабыхъ неударяемыхъ положеніяхъ появляется ъ (слабое краткое ы) послѣ твердыхъ согласныхъ въ соотвѣтствіи съ ь (слабымъ кратким і) послѣ мягкихъ, напр. „сладкаго“=с'а́т'къвă, „Сашина“=с'а́с'ьвă. Но и теперь ребенокъ все еще нерѣдко обращаетъ слова трехсложныя въ двусложныя (какъ раньше обращалъ въ односложныя), при чемъ эти перемѣны подчиняются опредѣленнымъ законамъ; срв. съ одной стороны „башмачки“=ᴧмат'к'і́, гдѣ совсѣмъ опущенъ наиболѣе слабый неударяемый слогъ, каковымъ является здѣсь начальный, а съ другой стороны „хорошо“=кᴧса́, гдѣ видимъ пропускъ внутренняго слога, благодаря непроизносимости звука *р* для ребенка. По-видимому два къ ряду неударенныхъ слога являются прежде всего послѣ ударенія, напр. „папочка“ = па́път'ка и т. п. (раньше и здѣсь происходилъ пропускъ гласнаго, именно во внутреннемъ слогѣ, при сохраненіи конечнаго, срв. „ягода“=а́кд'а), между тѣмъ какъ передъ удареніемъ еще продолжаются упрощенія, подобныя приведеннымъ. Также къ случаямъ раннихъ трехсложныхъ словъ относятся слова съ однимъ предъудареннымъ и послѣудареннымъ, напр. „коробки“=т'а́д'а́пт'і. Вообще же можно сказать, что къ концу третьяго періода ребенокъ владѣетъ уже не только полной системой ударяемыхъ гласныхъ, но также и системой неударяемыхъ.

Если въ отношеніи согласныхъ звуковъ второй періодъ характеризуется господствомъ взрывныхъ, то третій періодъ— появленіемъ придувныхъ. Такая именно послѣдовательность объясняется тѣмъ, что произношеніе послѣднихъ представляетъ больше трудностей для усвоенія по сравненію съ взрывными: взрывные требуютъ простаго грубаго прижатія органа, тогда какъ для придувныхъ органъ произношенія долженъ держаться приближеннымъ или отчасти касающимся, но не нажатымъ, къ чему очевидно труднѣе пріучиться; потому-то

вначалѣ, какъ мы видѣли, придувные и замѣняются взрывными. [1]) Такимъ образомъ, въ третьемъ періодѣ въ отдѣлѣ губныхъ появляются придувные *в* и *ф*, хотя однако сначала съ губно-губнымъ произношеніемъ (w, *φ*); при этомъ согласный *φ* подставляется по сходству акустическаго впечатлѣнія также на мѣсто задне-язычнаго придувнаго *x*, напр. „худой“=*φ*у д'áj. Въ отдѣлѣ язычныхъ согласныхъ въ этомъ періодѣ прежде всего появляется придувной *с'*, который теперь отвоевываетъ себѣ у *т'* замѣну звука *ш*, какъ тоже передне-язычнаго придувнаго; поэтому, если ребенокъ во второмъ періодѣ слово „Саша“ произносилъ *т'áт'*а, то теперь онъ уже произноситъ *с'á с'*а. Въ предъидущемъ періодѣ важное мѣсто среди язычныхъ согласныхъ занималъ *д'*, замѣщавшій собою всѣ звонкіе передне-язычные не-посовые, т. е. подобно тому какъ *т'* являлся субститутомъ всѣхъ глухихъ передне-язычныхъ; теперь же *j*, какъ придувной, отвоевываетъ себѣ придувные звуки *ж*, *з* и дрожащій *р*, срв. „коробки“=т'а*j*а н т'і вм. прежняго т'а*д'*ант'і (кромѣ того, еще въ предъидущемъ періодѣ звукъ j началъ замѣщать собою *л*; л' появляется къ концу даннаго періода). Во второй половинѣ третьяго періода появляется въ рѣчи ребенка звукъ *з*, т. е. звонкій придувной, выработавшійся, какъ видимъ, значительно позже соотвѣтствующаго глухаго; этотъ вновь появившійся спирантъ съ своей стороны отвоевываетъ у *j* звукъ *ж*, съ которымъ имѣетъ большее акустическое сходство, чѣмъ *j*. Только къ самому концу втораго періода появляются въ произношеніи ребенка твердые передне-язычные согласные *т*,

[1]) Съ этимъ можно сравнить въ области гласныхъ болѣе позднее появленіе среднихъ гласныхъ по сравненію съ крайними. Интересно отмѣтить, что изъ *сонорныхъ* согласныхъ посовые *м* и *н*, ближе подходящіе къ взрывнымъ или смычнымъ, появляются еще во второмъ періодѣ, тогда какъ плавные *р* и *л*, представляющіе больше сходства съ придувными, подобно послѣднимъ появляются значительно позже—только въ концѣ третьяго (*л*) и четвертомъ (*р*) періодѣ.

б, п, а также заднеязычные *г, к*. Такимъ образомъ, къ концу третьяго періода ребенокъ уже владѣетъ почти всѣми согласными звуками, благодаря чему его произношеніе становится значительно приближившимся къ рѣчи окружающихъ; такъ, напр., слово „волосы“ онъ произноситъ теперь уже не б'а т'і, какъ это было во второмъ періодѣ, но wájc'i, и т. п.

IV. Періодъ вступленія въ обычную рѣчь. Уже къ концу предыдущаго періода ребенокъ пользуется почти всѣми звуками роднаго языка; въ данномъ періодѣ ему остается пополнить оставшіеся наиболѣе трудные для усвоенія звуки, каковыми оказываются согласные альвеолярные (*ш, ж, р*) и слитные (*ч, ц*).

Закончивъ послѣдованіе звуковаго развитія дѣтской рѣчи, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію *смысловой* стороны ея. Прежде всего укажемъ, что съ самаго начала своей несовершенной рѣчи, т. е. со втораго періода, ребенокъ пользуется своими словами не какъ простыми отвлеченными словами, но въ смыслѣ предложенія: такъ, если напр. во второмъ періодѣ ребенокъ говоритъ т'у или т'уj (т. е. „стулъ“), то онъ не просто называетъ предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ включаетъ сюда свою мысль или желаніе относительно этого предмета, какъ это доказываютъ мимика и жесты, сопровождающіе данное слово, которое можетъ обозначать напр. „придвинь стулъ“, „посади меня на стулъ“ и т. п.; такой способъ высказыванія зависитъ отъ того, что ребенокъ не привыкъ еще расчленять свою мысль обычнымъ образомъ на частныя представленія въ связи съ соотвѣтствующими типами словесныхъ выраженій. Но мало по малу запасъ словъ ребенка увеличивается и между ними начинаютъ уже встрѣчаться различныя категоріи, что даетъ ему возможность выражать свою мысль двумя и болѣе словами. Такъ напр. уже во второмъ періодѣ ребенокъ говоритъ б а т'уj, м а т'уj („большой стулъ“, „маленькій стулъ“), а затѣмъ и такія фразы, какъ д'а т' м'і т'і

г'а j у и т. п. Полно глубокаго интереса изученіе той послѣдовательности, въ какой происходитъ постепенное расширеніе лексической и грамматической стороны въ дѣтской рѣчи. При этомъ усвоеніе идетъ параллельно съ собственнымъ творчествомъ; такъ ребенокъ, видя новый предметъ, названія котораго онъ еще не знаетъ, отожествляетъ его по ассоціаціи сходства съ другимъ предметомъ, названіе котораго ему извѣстно, и это послѣднее онъ переноситъ и на данный предметъ; напр. видя абажуръ, онъ можетъ сказать „арбузикъ“ или т. п. (это—дѣтское творчество и быть можетъ зачатки поэзіи). Кромѣ того, иногда онъ создаетъ и совершенно новыя слова путемъ звукоподражанія; такъ, ребенокъ слышалъ, какъ работникъ говорилъ лошади „тпру-тпру“, и съ этого времени сталъ называть работника т у п - т у п, т. е. посредствомъ его восклицанія. Въ заключеніе замѣтимъ, что ребенокъ съ помощью словъ усваиваемаго языка изучаетъ міръ, испытывая удовлетвореніе какъ отъ знакомства съ открывающимся передъ нимъ новизною бытія, такъ и отъ успѣховъ собственной рѣчи, дающей ему возможность переживаемыя состоянія выражать въ словѣ. У него создается привычка къ такому выраженію своихъ мыслей посредствомъ словъ, а также къ воспріятію смысла слышимой рѣчи окружающихъ. Такъ ребенокъ мало по малу овладѣваетъ рѣчью, которая является для него спутницей и орудіемъ его мысли и духовнаго развитія, дѣлая его членомъ общества.

Изученіе развитія дѣтской рѣчи можетъ способствовать уясненію лежащаго далеко за предѣлами исторіи процесса **возникновенія и постепеннаго формированія человѣческаго языка**, который также долженъ былъ проходить въ своемъ развитіи младенческую стадію. Но формированіе первобытнаго языка вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ то существенное отличіе отъ развитія дѣтской рѣчи, что создатели первобытнаго языка должны были сами вырабатывать звуки и ихъ

примѣненіе въ качествѣ символовъ, тогда какъ ребенокъ имѣетъ въ рѣчи окружающихъ уже готовые образцы, которымъ онъ подражаетъ и примѣнительно къ которымъ проявляетъ свое личное творчество. При такихъ условіяхъ ребенокъ довольно быстро переходитъ ко всей звуковой сложности современной рѣчи, между тѣмъ какъ въ человѣчествѣ завоеваніе словеснаго языка совершалось крайне медленно, какъ объ этомъ можно судить не только à priori, но и по медленности языковой эволюціи въ историческое время.

Попытаемся набросать картину возникновенія и перваго развитія въ человѣчествѣ словеснаго языка, пользуясь при этомъ и извѣстными намъ данными о дѣтской рѣчи. Необходимо предположить, что первые зародыши человѣческаго языка лежали уже въ тѣхъ инстинктивныхъ крикахъ, подобныхъ начальнымъ крикамъ ребенка, которые вызывались различнаго рода аффектами. Слѣдуетъ думать, что эти крики не были тожественны при разныхъ аффектахъ, сочетаясь при этомъ съ неодинаковыми мимикою, жестами и позами. Но эти проявленія аффектовъ еще не могутъ считаться собственно языкомъ, такъ какъ они носятъ характеръ инстинктивныхъ реакцій на тѣ или другіе импульсы. Они могутъ быть названы рѣчью лишь съ тѣхъ поръ, когда воспроизводятся сознательно для передачи другому лицу, чтобы заставить его раздѣлить ощущенія, испытанныя говорящимъ. Эти начатки языка, закрѣпляясь чрезъ повтореніе въ памяти говорящихъ и слушающихъ, превращались такимъ образомъ въ артикуляціонно-слуховые символы соотвѣтствующихъ явленій и предметовъ. Вполнѣ понятно, что такой процессъ былъ возможенъ только на почвѣ общественности, такъ какъ въ этомъ именно случаѣ могла представляться необходимость обращенія къ другимъ; стремленіе же при этомъ быть понятымъ служило могучимъ факторомъ языковаго прогресса. Кромѣ того, весьма видную роль въ развитіи языка играла смѣна генерацій, гдѣ каждая новая генерація усваивала всю при-

митивную культуру предшествующей генераціи вмѣстѣ съ ея примитивнымъ языкомъ, прибавляя къ этому результаты личнаго творчества. Звуковой матеріалъ первобытнаго языка кромѣ восклицаній, состоялъ еще изъ различныхъ звукоподражаній, область которыхъ особенно была способна къ расширенію. Необходимымъ дополненіемъ этого скуднаго языка, какъ мы уже упоминали, являлись жесты, которые позволяли нагляднѣе передать свою мысль и которые, по мѣрѣ прогресса звуковой рѣчи, все болѣе и болѣе отступали на задній планъ. Что касается самой мысли, выражавшейся звуками, то она въ первыя времена была на столько не сложна, что даже представленія предмета и дѣйствія смѣшивались въ ней въ одно неопредѣленное цѣлое; такимъ образомъ, подобно ребенку въ начальномъ періодѣ рѣчи, первобытный человѣкъ выражалъ такое представленіе однимъ словомъ, равно примѣняя его какъ къ предмету, такъ и дѣйствію его, оттѣняя вѣроятно то или другое значеніе соотвѣтствующими жестами. Постепенно мысль человѣка пріобрѣтала большую отчетливость и наконецъ стала расчленяться на представленіе субъекта дѣйствія и самаго дѣйствія, вызывая появленіе новыхъ языковыхъ способовъ выраженія такой уже расчлененной мысли. Съ теченіемъ времени естественно происходило дальнѣйшее усложненіе и расчлененіе мысли, которое шло рука объ руку съ соотвѣтствующимъ развитіемъ языковыхъ символовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ привычка проецировать всѣ свои представленія и мысли посредствомъ артикуляціонно-слуховыхъ символовъ создала мало по малу особый центръ въ человѣческомъ мозгу, предрасположеніе къ которому по наслѣдственности передается каждой слѣдующей генераціи отъ предшествующей.

Лекція 9-ая.

Психофизіологія рѣчи.

Отъ изученія внѣшней или звуковой стороны рѣчи мы переходимъ къ изученію внутренней стороны или къ психологіи рѣчи, т. е. ко второму отдѣлу общаго языковѣдѣнія. Но психическая или духовная сторона рѣчи нѣкоторымъ образомъ тѣсно связана съ нервно-физіологическими процессами, почему мы должны будемъ освѣщать относящіеся сюда вопросы съ этой психо-физіологической точки зрѣнія. Хотя основною формой нашей рѣчи является предложеніе, однако мы поведемъ психофизіологическій анализъ рѣчи начавъ со словъ, чтобы остаться вѣрными принципу научнаго изслѣдованія—переходить отъ болѣе простаго къ болѣе сложному. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и отдѣльное слово съ точки зрѣнія психофизіологической, какъ увидимъ, не есть нѣчто простое, а значительно сложное, представляющее цѣлую систему ассоціацій, предложеніе же въ свою очередь имѣетъ еще болѣе сложный составъ.

И такъ, что же такое слово съ точки зрѣнія психофизіологической? Мы уже знаемъ, что слово есть звуковой символъ представленія или понятія, который проявляется произношеніемъ у говорящаго и слышаніемъ какъ у говорящаго такъ и у слушающаго. Перейдемъ теперь къ болѣе частному разсмотрѣнію намѣченнаго ассоціативнаго аггрегата слова.

Когда мы произносимъ какой-нибудь звукъ, то при этомъ происходитъ *сокращеніе мышечныхъ группъ* аппарата рѣчи, требующихся для произнесенія этого звука. Эта совокупность мышечныхъ сокращеній происходитъ подъ вліяніемъ *импульсовъ*, идущихъ изъ соотвѣтствующихъ группъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга черезъ посредство нервовъ, начинающихся въ головномъ мозгу и оканчивающихся въ этихъ мышцахъ. Самая работа органовъ произношенія сопровождается *мышечнымъ чувствомъ* [1]). Такимъ образомъ произношеніе звука представляетъ ассоціацію (сочетаніе) импульсовъ, идущихъ отъ соотвѣтствующихъ группъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга, вызывающую сокращеніе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ говорильнаго аппарата, которое въ свою очередь возбуждаетъ въ головномъ мозгу соотвѣтствующую ассоціацію мышечныхъ ощущеній. Это — сторона звукопроизводства или артикуляціонная. Движеніями органовъ произношенія приводится въ колебаніе воздухъ; колебанія воздуха возбуждаютъ слуховой нервъ, и мы получаемъ ассоціацію *слуховыхъ ощущеній* отъ нашего собственнаго произношенія. Эта слуховая ассоціація, составляющая сторону звукоощущенія, вступаетъ въ связь съ ощущеніемъ мышечнымъ, полученнымъ отъ того же произношенія. [2]) Но

---

[1]) Чтобы составить себѣ наглядное представленіе о мускульномъ (мышечномъ) чувствѣ, попробуйте произнести какой-нибудь непривычный для васъ звукъ, напр. произнесите *к* глуше, нежели вы обыкновенно произносите: вы тотчасъ замѣтите особое ощущеніе въ задней части языка, именно — напряженность въ ней. Это мышечное ощущеніе мы получаемъ собственно (черезъ посредство нервовъ) въ головномъ мозгу, но оно локализируется или переносится въ нашемъ сознаніи на мѣсто, послужившее источникомъ или причиною этого ощущенія.

[2]) Замѣтимъ, что связь между импульсами для произношенія и соотвѣтствующими мышечными ощущеніями носитъ характеръ *необходимости*: мышечныя ощущенія являются необходимыми спутниками движеній органовъ произношенія. Связь же между мышечными ощущеніями и слуховыми представляетъ *опытную* ассоціацію, вырабатывающуюся благодаря тому, что

наше произношеніе могутъ слышать и другія лица; разница при этомъ заключается въ томъ, что у *говорящаго* сочетается сторона звукопроизводства съ слышимой, между тѣмъ какъ у *слушающаго* принимаетъ участіе только послѣдняя.

Когда мы произносимъ слово, изъ головнаго мозга идетъ рядъ импульсовъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ послѣдовательное сокращеніе соотвѣтствующихъ мышечныхъ группъ, сопровождающееся рядомъ мышечныхъ сокращеній, съ которымъ ассоціируется рядъ слуховыхъ ощущеній или слуховой образъ цѣлаго слова.

Но весь этотъ звуковой комплексъ еще не можетъ быть названъ словомъ въ его настоящемъ смыслѣ; словомъ становится онъ лишь тогда, когда сверхъ того ассоціируется съ соотвѣтствующимъ *значеніемъ*, какъ бы составляющимъ его внутреннюю сторону. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ говорятъ слово на языкѣ совершенно для насъ неизвѣстномъ, то мы не можемъ понять этого слова, такъ какъ оно является въ такомъ случаѣ для нашего ума только рядомъ звуковъ, безъ значенія. Что касается самого значенія слова, то оно, какъ и звуковое выраженіе его, представляетъ собою также сложный аггрегатъ ассоціацій, слагающійся изъ множества элементарныхъ ощущеній, получаемыхъ нами посредствомъ нашихъ чувствъ отъ міра объективнаго [1]); кромѣ того, слова могутъ быть символами и состояній нашего внутренняго міра, на которыя путемъ аналогіи нерѣдко переносятся названія

говорящій слышитъ свое собственное произношеніе. Что касается мышечныхъ ощущеній, сопровождающихъ мышечныя работы при произношеніи, то благодаря привычкѣ (а таковая начинается еще съ дѣтства) говорящіе уже почти не сознаютъ этихъ своихъ ощущеній (равно какъ импульсовъ), а только слуховыя.

[1]) Вопросъ о соотношеніи между объективною реальностью и субъективнымъ представленіемъ относится уже къ области философіи (именно— къ теоріи познанія), почему здѣсь мы и оставляемъ его безъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

съ явленій міра объективнаго. Такимъ образомъ слова, будучи знаками или символами предметовъ и явленій, какъ бы замѣщаютъ эти послѣднія, при чемъ называемый предметъ или явленіе можетъ во время рѣчи быть на лицо, а можетъ и отсутствовать, воспроизводясь воспоминаніемъ и воображеніемъ. Далѣе, слова въ нашемъ языкѣ могутъ имѣть не только *конкретное* значеніе, относясь къ тому или другому реальному предмету, явленію или состоянію, но также и *абстрактное*, служа для выраженія общаго или роднаго понятія, которое включаетъ въ себя всѣ конкретныя представленія того же рода; напр „этотъ человѣкъ“—конкретное представленіе, а „человѣкъ вообще“—понятіе. Замѣтимъ при этомъ, что абстракція можетъ идти еще далѣе, обобщая и самыя абстрактныя понятія, пользуясь однако для этого уже новымъ символомъ; напр. „бѣдный человѣкъ“—первая степень абстракціи для выраженія общаго понятія, а „бѣдность“—вторая степень абстракціи для выраженія опредмеченнаго качества.

Говоря объ ассоціативной системѣ слова, нужно еще отмѣтить, что указанные элементы во время рѣчи находятся въ состояніи движенія, идущаго отъ понятія къ слову или обратно—отъ слова къ понятію, при отсутствіи же рѣчи весь ассоціативный комплексъ слова не исчезаетъ, но остается въ состояніи ассоціативной связанности, хранясь, какъ образно выражаются нѣмецкіе психологи—„въ темномъ пространствѣ безсознательнаго“ (in dem dunkeln Raume des unbewussten). Нервно-психическій процессъ движенія отъ понятія къ слову, и наоборотъ, естественно требуетъ для себя нѣкотораго времени, а также нѣкоторой траты энергіи, какъ это ясно обнаруживаютъ наблюденія надъ лицами нервно-переутомленными (сильно переутомленному человѣку бываетъ трудно перевести свои мысли въ слова, равно какъ и слѣдить за содержаніемъ слушаемаго).

Въ предшествующемъ мы имѣли въ виду рѣчь произносимую и слышимую; съ развитіемъ письменности къ этому прибавились еще *письмо* и *чтеніе*; въ первомъ изъ нихъ имѣютъ мѣсто двигательные импульсы къ правой рукѣ, а во второмъ— оптическія воспріятія буквъ, какъ символовъ звуковъ, передающіяся затѣмъ рѣчевымъ центрамъ. Такимъ образомъ устанавливаются новыя ассоціаціи для письма-чтенія, которыя присоединяются къ естественному ассоціативному аггрегату устной рѣчи: разница между грамотнымъ и безграмотнымъ— присутствіе или же отсутствіе цѣлой группы ассоціацій.

Все вышесказанное будетъ для насъ еще яснѣе, если мы представимъ себѣ, что всѣ разсмотрѣнные элементы имѣютъ какъ бы свои особые уголки въ мозгу и что всѣ они связаны между собою. На самомъ дѣлѣ такое предположеніе, какъ сейчасъ увидимъ, не только не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но и подтверждается научными наблюденіями, начало которымъ положилъ французскій хирургъ Брока своимъ знаменитымъ открытіемъ. Въ 1861 году этотъ ученый имѣлъ больнаго, который все понималъ, но самъ не могъ говорить: послѣ его смерти вскрытіе обнаружило у него поврежденіе одного изъ участковъ большаго мозга, именно въ области третьей лобной извилины лѣваго полушарія: это дало поводъ Брока предположить, что именно съ этимъ участкомъ мозга и связанъ общій двигательный центръ рѣчи, какъ это подтвердилось затѣмъ цѣлымъ рядомъ наблюденій. Въ послѣдующее время были открыты подобнымъ путемъ другіе центры, поврежденіе которыхъ обусловливаетъ уже иныя разстройства въ рѣчи, или же и въ письмѣ. Изслѣдованіе такого рода заболѣваній рѣчи очень важно и для лингвиста: оно обнаруживаетъ, какъ въ ассоціативномъ аггрегатѣ слова могутъ выпадать нѣкоторые элементы, а это не только доказываетъ сложность ассоціативнаго аггрегата слова и вообще рѣчи (между тѣмъ какъ для непосредственнаго чувства процессъ рѣчи сознается нами какъ простой), но и помогаетъ

разобраться въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ слагается наша рѣчь.

Перейдемъ теперь къ вопросу о рѣчевыхъ локализаціяхъ въ головномъ мозгу. Главную часть этого послѣдняго составляетъ большой мозгъ, принимающій участіе въ умственной и рѣчевой дѣятельности и представляющій два полушарія (правое и лѣвое), которыя раздѣлены между собою глубокой бороздою, доходящею внизу до связующаго оба полушарія т. наз. „мозолистаго тѣла“; по внѣшнему виду большой мозгъ представляетъ изъ себя снаружи сѣрую кору, гдѣ заложены чувствительныя и двигательныя клѣтки (при чемъ тѣ и другія занимаютъ особыя области), а внутри—бѣлую массу, состоящую изъ проводниковъ. Поверхность коры большаго мозга изрѣзана бороздами, изъ которыхъ болѣе глубокія разграничиваютъ части или доли большаго мозга одну отъ другой (такъ, Сильвіева борозда отдѣляетъ переднюю или лобную часть отъ височной, а центральная или Роландова борозда—лобную часть отъ теменной), менѣе же глубокія борозды дѣлятъ доли на т. наз. извилины, представляющія собою возвышенія въ формѣ валиковъ (напр. въ лобной части такимъ образомъ получаются три извилины—верхняя, средняя и нижняя или первая, вторая и третья). Выше мы упомянули о томъ, что двигательныя (моторныя) и чувствительныя (сенсорныя) клѣтки коры большаго мозга занимаютъ особыя области; теперь же мы укажемъ точнѣе мѣстоположеніе тѣхъ двигательныхъ и чувствительныхъ центровъ, которые имѣютъ отношеніе къ рѣчи устной и письменной. Главный двигательный центръ рѣчи, какъ мы уже знаемъ, находится въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія; этотъ центръ завѣдуетъ комплексами мышечныхъ работъ, необходимыхъ для произнесенія словъ, при чемъ самыя мышечныя работы возбуждаются болѣе частными центрами, заложенными по обѣимъ сторонамъ центральной борозды и соединенными съ главнымъ двигательнымъ центромъ рѣчи; эти частные двигательные центры

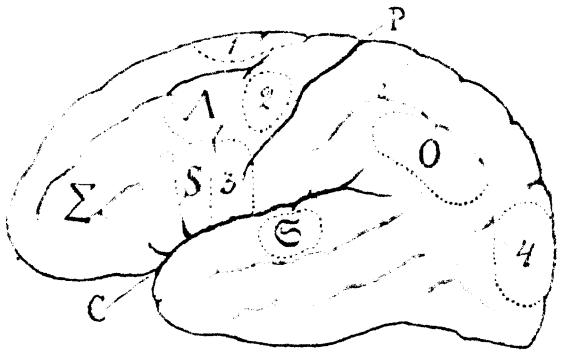
расположены здѣсь въ такой послѣдовательности: вверху—центры дыхательныхъ мышцъ грудной клѣтки (служащіе для фонаціонной дѣятельности), ниже—руки (центры жестовъ), еще ниже—центры мышцъ лица и языка (т. е. мимическіе и артикуляціонные). [1]) Далѣе, центръ слышимой рѣчи помѣщается въ первой или верхней височной извилинѣ среди общаго центра слуха. Что касается письменной рѣчи, то оптическій центръ буквенныхъ представленій словъ находится во второй теменной извилинѣ, а двигательный центръ письма рядомъ съ общимъ двигательнымъ центромъ правой руки, т. е. во второй лобной извилинѣ лѣваго полушарія. [2]) Наконецъ, центръ понятій и вообще высшей интеллектуальной дѣятельности ума, находящійся въ связи со всѣми предшествующими центрами, какъ нѣкоторые полагаютъ, находится въ лобныхъ доляхъ. Все вышесказанное о размѣщеніи рѣчевыхъ центровъ можно видѣть на слѣдующемъ изображеніи лѣваго полушарія большаго мозга: [3])

---

[1]) Что касается мышечныхъ рѣчевыхъ ощущеній, то полагаютъ, что они локализуются близко къ области соотвѣтствующихъ двигательныхъ импульсовъ, съ которыми они тѣснѣйшимъ образомъ сочетаются.

[2]) Намъ кажется возможнымъ объяснить слѣдующимъ образомъ нахожденіе рѣчеваго центра въ *лѣвомъ* полушаріи. Какъ извѣстно, кромѣ звуковой рѣчи человѣкъ пользуется при передачѣ своей мысли другому еще и жестами, которые первоначально, при крайней скудости звуковаго языка, имѣли широкое примѣненіе. Такъ какъ для жестикуляціи обычно служила и тогда, какъ и теперь, правая рука, получающая импульсы изъ лѣваго полушарія большаго мозга, то въ послѣднемъ и развивался центръ жестовой рѣчи, а это въ свою очередь дало толчокъ тому, что въ томъ же полушаріи (т. е. лѣвомъ) сталъ локализоваться и центръ словесной рѣчи, почему въ патологическихъ случаяхъ потери рѣчи или афазіи и наблюдается поврежденіе извѣстнаго участка въ корѣ лѣваго полушарія большаго мозга (у лѣвшей же, привыкшихъ дѣйствовать лѣвой рукой, въ случаяхъ афазіи оказывается поврежденіе уже соотвѣтствующаго участка коры въ правомъ полушаріи большаго мозга).

[3]) Нужно оговориться, что всѣ иллюстраціи такого рода являются лишь приблизительными, такъ какъ дѣйствительное размѣщеніе локализа-



C = Сильвіева борозда.
P = Роландова или центральная борозда.
S = Общій двигательный центръ рѣчи или центръ Брока.
1 = Центръ дыхательныхъ мышцъ; 2 = центръ правой руки; 3 = центры мышечныхъ сокращеній лица и языка.
Ɛ = Центръ слуховыхъ образовъ словъ.
O = Оптическій центръ буквенныхъ представленій словъ.
4 = Общій зрительный центръ.
Λ = Двигательный центръ письма.
Σ = Область высшихъ интеллектуальныхъ процессовъ.

Не слѣдуетъ однако думать, что всѣ эти центры уже существуютъ въ мозгу человѣка съ самаго момента его рожденія; напротивъ того, образованіе этихъ центровъ совершается лишь постепенно, по мѣрѣ развитія рѣчи и ея пониманія у ребенка. Въ этомъ процессѣ можно различать три послѣдовательныхъ этапа, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ намѣченнымъ нами выше періодамъ дѣтской рѣчи. Первый этапъ соотвѣтствуетъ періоду рефлекторныхъ криковъ, въ происхожденіи которыхъ участвуетъ не кора большаго мозга, а продолговатый мозгъ и нѣкоторыя другія прилегающія части основанія мозга. Второй этапъ соотвѣтствуетъ періоду

ціи несравненно сложнѣе и еще не вполнѣ обслѣдовано. Что касается самой сущности отношенія между физіологическимъ моментомъ и чисто психическимъ или духовнымъ, то, подобно природѣ этого послѣдняго момента, сущность эта представляетъ пока для науки непроницаемую тайну.

вленаго поражения слышимой рѣчи, когда формируются частные артикуляціонные центры въ соотвѣтствующей двигательной зонѣ коры большаго мозга, а въ височной долѣ начинаютъ локализироваться слуховые образы звуковъ. Третій этапъ отвѣчаетъ тѣмъ періодамъ развитія рѣчи, когда ребенокъ уже соединяетъ со словами значеніе; тогда-то формируется и общій двигательный центръ рѣчи въ третьей лобной извилинѣ лѣваго полушарія, при чемъ обозначаемый словами міръ понятій, по-видимому, локализуется въ переднихъ отдѣлахъ лобныхъ долей. Что касается письма и чтенія, то соотвѣтствующіе центры формируются въ мозгу ребенка значительно позже, въ первые годы ученія. Вообще нужно замѣтить, что всякая часто проявляющаяся дѣятельность какъ физическая, такъ и умственная, объединяя опредѣленныя группы центровъ и развивая ассоціаціонныя связи между ними, тѣмъ самымъ создаетъ почву для соотвѣтствующихъ навыковъ, что благопріятствуетъ успѣшности и быстротѣ творчества. Само собою понятно, что позднѣйшія формаціи, не обладая такой стойкостью, какъ болѣе раннія, при дегрессіи умственно-мозговой дѣятельности распадаются первыми.

Остановимся теперь на тѣхъ разстройствахъ рѣчи и письма, о которыхъ мы упомянули выше и съ которыми не мѣшаетъ ближе познакомиться для лучшаго пониманія нервно-психическихъ процессовъ нормальной рѣчи. Вообще говоря, рѣчевыя разрушенія въ области коры большаго мозга могутъ поражать какъ сенсорные центры—слуховой или же оптическій, такъ и двигательные—центръ Брока, частные артикуляціонные центры и центръ письма, касаясь и ассоціаціонныхъ путей. Соотвѣтственно разрушенію того или другаго изъ этихъ центровъ могутъ получаться слѣдующія разстройства: поврежденіе слуховаго центра рѣчи влечетъ за собою потерю пониманія слышимой рѣчи (т. наз. „словесная глухота"—surditas verbalis), а поврежденіе оптическаго рѣчеваго центра сопровождается утратой пониманія написанныхъ или

напечатанныхъ словъ („словесная слѣпота"—cecitas verbalis; далѣе, пораженіе центра Брока вызываетъ невозможность произносить искомыя слова (т. наз. двигательная афазія). [1]) а разрушеніе тѣхъ или другихъ артикуляціонныхъ центровъ сопровождается частными разстройствами произношенія (напр. въ области артикуляцій губъ, языка и т. п.) и, наконецъ, поврежденіе двигательныхъ центровъ письма лишаетъ возможности передать свою мысль письменно („аграфія"). [2]) Нельзя не упомянуть въ заключеніе, что наблюденіе случаевъ двигательной афазіи безъ пораженія извилины Брока, а также случаевъ пораженія этой извилины безъ афазіи, равно какъ и то, что реальные клиническіе факты рѣчевыхъ разстройствъ, обычно имѣющихъ смѣшанный характеръ, сложнѣе приведенныхъ схемъ,—все это вызываетъ въ послѣдніе годы попытки къ пересмотру и новымъ истолкованіямъ вопроса о рѣчевыхъ разстройствахъ. [3])

---

[1]) Афазія—слово греческое и значитъ «потеря рѣчи».

[2]) Аграфія — греч. существ. отъ глагола γράφω (gráphō) «пишу» съ приставкой ἀ и значитъ «потеря письма».

[3]) См. статью Н. Е. Осокина «Къ патологіи разстройствъ рѣчи (афазія)», въ Казан. Медиц. Журн. 1910 г. № 5—6; срв. также мою статью (autoreferat) объ одномъ изслѣдованномъ мною случаѣ афазіи, помѣщенную въ Врачѣ 1900 г., № 32, стр. 984.

Лекція 10-я.

Морфологическій анализъ словъ въ психологическомъ освѣщеніи.

Мы уже знаемъ, что слова нашей рѣчи представляютъ значеніе или понятіе, ассоціированное по смежности съ соотвѣтствующимъ звуковымъ комплексомъ, произносимымъ и также слышимымъ. При этомъ съ отдѣльными звуками слова не связывается никакого значенія, но такой звуковой рядъ слова можетъ представлять части со значеніемъ—части слова знаменательныя или морфологическія. Въ этомъ отношеніи каждое слово распадается прежде всего на двѣ знаменательныя части—*основу* и *окончаніе*, напр. вод-а, переплетчик-омъ; въ свою очередь основа можетъ быть или простою, какъ видимъ въ первомъ примѣрѣ, или же состоять изъ болѣе частныхъ морфологическихъ элементовъ, каковы—*корень*, *префиксъ* (передъ корнемъ) и *суффиксъ* (послѣ корня); такъ, во второмъ примѣрѣ основа переплетчик- состоитъ изъ слѣдующихъ частей: корень *плет-* указываетъ на нѣкоторое дѣйствіе, префиксъ *пере-* служитъ для выраженія направленія въ дѣйствіи, суффиксъ *-чик-* указываетъ на лицо, занимающееся даннымъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, подобно цѣлому слову, и каждая изъ его знаменательныхъ частей представляетъ извѣстное значеніе или оттѣнокъ значенія, ассоціированный по смежности съ комплексомъ звуковъ произносимыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слышимыхъ.

Примѣчаніе. И такъ, въ нашемъ умѣ имѣются ассоціаціи обозначаемаго представленія (напр. того или другаго предмета, дѣйствія и т. п.) и обозначающаго (т. е. соотвѣтствующаго словеснаго символа). Представленія эти, существующія въ нашемъ умѣ въ тѣсной ассоціаціи между собою, никогда не смѣшиваются по функціи; причины такого рѣшительнаго разграниченія слѣдующія: 1) въ то время какъ обозначаемое представленіе слагается изъ массы разнообразныхъ ощущеній, обозначающее его слово неизмѣнно состоитъ изъ идей произносительно-слуховыхъ; 2) привычка къ такому проецированію обозначаемыхъ представленій посредствомъ слова начинается съ ранняго дѣтства и легко достигаетъ прочности инстинкта; 3) такъ какъ въ человѣческомъ мозгу выработалась даже, какъ мы видѣли, особая локализація для произносительно-слуховыхъ символовъ, то такимъ образомъ даже физически становится невозможнымъ смѣшиваніе по функціи указанныхъ двухъ рядовъ представленій, т. е. представленія изъ міра воспринимаемой дѣйствительности и произносительно-слуховаго представленія являющагося лишь символомъ перваго.

Вообще, каждое слово (за исключеніемъ простѣйшихъ частицъ) состоитъ изъ морфологическихъ частей, изъ которыхъ каждая, подобно цѣлому слову, представляетъ двѣ стороны—смысловую и звуковую. Носителемъ главнаго значенія въ словѣ является *основа*, которая всегда соединяется съ *окончаніями* и по своему смыслу существенно отличается отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, основа соотвѣтствуетъ представленіямъ реальнаго міра, образуя—такъ сказать—матеріальную часть или собственное значеніе словъ, окончанія же составляютъ чисто формальную часть словъ и служатъ показателями отношеній, устанавливаемыхъ нашею мыслью между собственными значеніями словъ при образованіи предложеній, играя такимъ образомъ синтаксическую роль. [1]) Къ сказанному нужно прибавить, что *сложныя основы* способны имѣть двоякое значеніе—реальное и генетическое. Такъ, когда я

[1]) Здѣсь вопросы лингвистики соприкасаются съ областью философіи, которая старается разобраться въ томъ, что въ нашемъ умѣ получается отъ реальнаго міра и что привносится самимъ умомъ; лингвистика, разъясняя происхожденіе и развитіе формальныхъ элементовъ рѣчи, тѣмъ самымъ косвенно можетъ оказать большую помощь философіи для болѣе глубокаго разъясненія даннаго вопроса.

при словѣ „переплетчикъ“ непосредственно представляю себѣ самый предметъ, то это—реальная сторона значенія; когда же я вникаю въ морфологическій составъ основы въ словѣ (пере-, плет-, чик-). т. е. изъ какихъ знаменательныхъ элементовъ она образовалась, это—генетическая сторона значенія. Въ нашей рѣчи реальная сторона играетъ наиболѣе существенную роль и потому слова съ сложной основой въ живой рѣчи обычно чувствуются какъ бы простыми символами соотвѣтствующихъ вещей. Что касается словъ съ простою основою, уже не разлагающеюся на болѣе частные морфологическіе элементы, то естественно, что ей присуще лишь одно реальное значеніе, такъ какъ вникать въ морфологическій составъ основы уже не приходится.

Во вступительныхъ замѣчаніяхъ къ нашему курсу мы указывали, что всестороннее ознакомленіе съ живою рѣчью, какъ естественнымъ явленіемъ, составляетъ первѣйшую задачу при изученіи науки о языкѣ. Поэтому, устанавливая тѣ или другія категоріи мы должны представлять доказательства дѣйствительнаго ихъ существованія. Постараемся теперь показать, что морфологическія или знаменательныя части словъ не суть фикціи, а дѣйствительно существуютъ въ умѣ говорящихъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ слѣдующіе факты: 1) когда мы образуемъ *новыя слова*, то составляемъ ихъ изъ морфологическихъ элементовъ, уже существующихъ въ языкѣ; срв. хотя бы появившееся въ послѣднее время новое слово „никчемный“ (напр. „надломленные, *никчемные* люди“, Р. Сл. 1912, № 191, въ статьѣ „Отливъ“); 2) когда заимствуются *иностранныя слова*, то они часто принимаютъ префиксы, суффиксы и окончанія, свойственныя словамъ природнымъ; срв. отъ нѣмецкаго gruppieren заимствованное русское слово „группир*овать*“ съ русскимъ суффиксомъ *-овать*; [1]) 3) слова, употреблявшіяся прежде

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ природное слово распространяется иностраннымъ суффиксомъ; срв. слово служб-*истъ*, произведенное отъ основы

съ однѣми морфологическими частями, съ теченіемъ времени по аналогіи принимаютъ иногда другія, напр. вмѣсто „холятъ“ чаще говорятъ „ходютъ“, или „держутъ“ вмѣсто „держатъ“ и т. д. Такія подстановки въ словахъ одной морфологической части вмѣсто другой могутъ происходить лишь при условіи дѣйствительнаго существованія этихъ частей въ нашемъ умѣ.

Самый путь образованія морфологическихъ частей словъ въ нашемъ умѣ можетъ быть представленъ въ психологическомъ освѣщеніи слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что мы имѣемъ цѣлый рядъ такихъ формъ, какъ: сад-а || сад-у || сад-омъ и проч. Эти слова имѣютъ общую основу *сад-*, съ которою связывается собственное значеніе слова и которая, благодаря сходству, выдѣляется въ этихъ формахъ. Не трудно понять, что здѣсь происходитъ двойная ассоціація — по сходству смысловому и звуковому: съ одной стороны одно и тоже представленіе сада соединяется съ разными падежными оттѣнками, а рядомъ съ этимъ сходный процессъ происходитъ и въ области звуковой, именно одинъ и тотъ же звуковой комплексъ основы соединяется съ разными окончаніями. Указанный процессъ выдѣленія основы въ словѣ можно представить формулою въ слѣдующемъ видѣ: [1])

$$\begin{array}{c|c} A+B & \alpha+\beta \\ | & | \\ A+C & \alpha+\gamma \\ | & | \\ A+D & \alpha+\delta \end{array}$$

слова «служба» съ помощью суф. -истъ (см. «Маленькій фельетонъ» въ Рѣчи, 1912, № 161: «показали себя хорошими и даже ревностными службистами»); «мозол-*ижъ*» — уничтожаетъ мозоли съ корнемъ (рекламное объявленіе въ газетѣ).

[1]) Воспользуемся большими латинскими буквами для обозначенія звуковой стороны, а греческими — смысловой (при этомъ значеніе основы обозначимъ черезъ α, а несходные оттѣнки падежныхъ окончаній — черезъ β, γ, δ); знакъ + будетъ служить для обозначенія ассоціаціи по смежности, а простая черта для обозначенія ассоціаціи по сходству.

Кромѣ того, можетъ происходить ассоціація и по сходству окончаній; срв. напр. форму *сад-а* по сравненію съ тою же формою другихъ аналогичныхъ словъ: сад-а || вид-а || спор-а и т. д. Хотя эти слова обозначаютъ различные предметы, но у нихъ есть и нѣчто сходное, а именно: всѣ они ассоціируются по сходству падежнаго оттѣнка значенія и соотвѣтствующаго звуковаго обозначенія, т. е. и здѣсь происходитъ двойной процессъ—ассоціаціи смысловой и звуковой. Подобнымъ образомъ происходитъ разложеніе и глагольныхъ формъ на основу и окончаніе. равно какъ и разложеніе сложной основы на корень, префиксъ и суффиксъ. [1]) И такъ, съ психологической точки зрѣнія процессъ образованія грамматическихъ формъ въ нашемъ умѣ сводится къ ассоціаціи по смежности и сходству. При этомъ ассоціируемыя по сходству слова могутъ представлять различныя степени этого сходства, что ведетъ къ образованію категорій склоненія, спряженія и вообще словообразованія съ ихъ болѣе частными группами или типами. Въ своемъ родномъ языкѣ мы съ дѣтства привыкаемъ

---

[1]) Психологическій процессъ разложенія сложной основы, подобно процессу разложенія слова на основу и окончаніе, сводится также къ ассоціаціи сходства среди различія, напр.:

под + свѣч + ник — у
|
на + груд + ник — ом.

Здѣсь обѣ основы (подсвѣчник- и нагрудник-) различны по корню и префиксу, но сходны по суффиксу (-ник-), который такимъ образомъ и выдѣляется, какъ особая морфологическая часть. Замѣтимъ, что однородный процессъ имѣетъ мѣсто и въ области синтаксиса; срв. сложныя предложенія: «*когда* я читаю, онъ играетъ» || «*когда* я пишу, ты гуляешь»; они имѣютъ сходныя смысловые и словесные формальные элементы, благодаря каковымъ въ нашемъ умѣ и образуются типы предложеній. Вообще надо сказать, что процессъ ассоціаціи по сходству и смежности настолько существенъ и постояненъ въ нашей умственной жизни, что должно считать его необходимымъ условіемъ мышленія и полагать, что наша мысль, начиная отъ простѣйшихъ своихъ элементовъ и доходя до наиболѣе сложныхъ комбинацій, работаетъ путемъ нахожденія сходствъ и различій между явленіями.

къ типамъ словоизмѣненія, соотвѣтственно которымъ и образуемъ отъ данныхъ словъ требуемыя формы; стало быть, мы не запоминаемъ всѣ формы отъ каждаго слова въ отдѣльности, но сами ихъ производимъ по аналогіи къ усвоеннымъ соотвѣтствующимъ типамъ.

Въ заключеніе укажемъ на то, что слова нашей рѣчи, разлагаясь на морфологическія части, вмѣстѣ съ тѣмъ группируются въ тѣ наиболѣе крупныя морфологическія категоріи, которыя извѣстны подъ названіемъ **частей рѣчи**. Эти послѣднія могутъ быть представлены въ слѣдующей послѣдовательной группировкѣ. Прежде всего онѣ группируются въ два наиболѣе крупныхъ отдѣла: 1) слова, служащія для обозначенія умственныхъ представленій и 2) слова эмоціональныя. Затѣмъ слова, обозначающія умственныя представленія, распадаются въ свою очередь на а) слова съ собственнымъ значеніемъ и б) слова безъ собственнаго значенія или формальныя; при этомъ слова съ собственнымъ значеніемъ раздѣляются на слова самостоятельныя и подчиненныя; словами самостоятельными являются существительныя, личныя мѣстоименія и глаголы, къ отдѣлу же подчиненныхъ мы отнесемъ прилагательныя (также причастія), мѣстоименія опредѣлительно-указательныя и нарѣчія (также дѣепричастія). Что касается формальныхъ словъ, то къ нимъ относятся предлоги, союзы и частички (какъ напр. „ли“ и т. п.). Къ словамъ эмоціональнымъ относятся междометія [1]).

---

[1]) Для дальнѣйшаго ознакомленія съ деталями по предмету настоящей и слѣдующей главы см. наши Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3]—гл. XVI и XVII, а также нашъ Общій курсъ русской грамматики (1913)[4] гл. VII.

Лекція 11-ая.

Основные факторы морфологическаго развитія языка. Замѣчанія по семазіологіи.

Мы разсмотрѣли психологическую сторону рѣчи съ точки зрѣнія *статической*, т. е. съ точки зрѣнія даннаго одновременнаго состоянія ума, а теперь перейдемъ къ психологическому изученію нашей рѣчи съ точки зрѣнія *динамической* или *исторической*. Прежде всего замѣтимъ, что слова претерпѣваютъ въ ходѣ времени измѣненія какъ въ отношеніи смысловомъ, такъ и звуковомъ; оба эти момента—какъ увидимъ —играютъ роль при морфологическомъ преобразованіи языка, основными же процессами морфологической жизни языка являются слѣдующіе: 1) опро́щеніе, 2) переразложеніе, 3) аналогія и народная этимологія, 4) дифференціація.

1) **Опро́щеніемъ** называется процессъ, который состоитъ въ томъ, что слова съ сложной основой уже не чувствуются въ своемъ морфологическомъ составѣ, а становятся простыми символами представленій, хотя иногда, какъ мы уже упоминали (см. стр. 114), могутъ сознаваться и въ своей сложности, когда вниманіе почему-либо устремляется на морфологическій составъ слова. [1]) Однако есть цѣлый рядъ словъ, которыя

---

[1]) Такъ, бываютъ случаи, когда такое морфологическое разложеніе слова вызывается необходимостью, напр. когда намъ приходится слышать новое слово, смыслъ котораго не вполнѣ ясенъ, а также когда сами образуемъ новое слово.

уже на столько поверглись опрощенію, что не смотря на сложность своего морфологическаго состава уже не поддаются легко разложенію, а представляются для чутья говорящихъ какъ простыя, напр. „воздухъ“, „забыть“, „востокъ“, „западъ“, „вмѣстѣ“ и т. д. [1]) Наконецъ опрощеніе можетъ стать полнымъ, когда къ нему присоединились значительныя фонетическія перемѣны, которыя лишаютъ насъ возможности непосредственно сознавать морфологическій составъ слова, а также и родство этого слова съ другими словами; срв. напр. слова „*конецъ*“ и „*начало*“: здѣсь первоначально были родственные корни **kŏn-* и **kĕn-* (съ чередующимися въ нихъ ŏ и ĕ), изъ которыхъ второй на славянской почвѣ, вслѣдствіе смягченія *k* въ *č*, измѣнился въ *čen-* и затѣмъ *en* дало въ положеніи передъ слѣдующимъ согласнымъ носовой гласный ẽ, а послѣдній на русской почвѣ измѣнился въ *a*, такъ что второй корень видоизмѣнился въ *ča-*; такимъ образомъ мы видимъ, что слова „*нач*ало“ и „*кон*ецъ“, первоначально родственныя по корню, теперь настолько разошлись между собою по звукамъ (и по значенію), что ихъ родство уже нельзя замѣтить непосредственнымъ чутьемъ. И такъ слова, въ умѣ индивидуумовъ прежняго времени сознававшіяся въ своемъ морфологическомъ составѣ, въ умѣ индивидуумовъ позднѣйшаго времени могутъ уже не разлагаться, т. е. стать простыми, утрачивая свое генетическое значеніе въ пользу реальнаго. Въ этомъ процессѣ мы видимъ проявленіе принципа экономіи и удобства въ мыслительно-рѣчевой дѣятельности; и въ самомъ дѣлѣ, если бы при каждомъ словѣ всплывало въ нашемъ умѣ кромѣ реальнаго также и генетическое значеніе, то это служило бы страшнымъ тормазомъ мысли. Такъ какъ для говорящаго всегда важнѣе реальная

[1]) Этимъ путемъ въ языкѣ нараждается слой новыхъ корней, образовавшихся изъ прежнихъ въ сочетаніи съ префиксами и суффиксами; эти новые корни чувствуемые въ живой рѣчи какъ простые, становятся теперь способными къ распространенію новыми суффиксами и префиксами (срв. забывчивый, *пере*забыть и т. п.).

сторона въ значеніи словъ, то явленіе опрощенія имѣетъ характеръ необходимаго языковаго процесса, который совершался и въ болѣе раннія времена и который въ той или другой мѣрѣ свойственъ всѣмъ языкамъ; напр., въ нѣмецкомъ сюда можно отнести такія слова, какъ Vor-rat „запасъ“, Ver-fassung „государственный строй, конституція“, mit-unter „иногда“, zu-rück „назадъ“ и т. д. [1])

2) **Переразложеніемъ** называется такое явленіе, когда слова, извѣстнымъ образомъ разлагавшіяся въ умѣ индивидуумовъ прежняго времени, затѣмъ разлагаются по другому вслѣдствіе перемѣщенія морфологической границы. Примѣромъ могутъ служить такія формы склоненія въ русскомъ языкѣ, какъ: „рыб-ахъ“, „рыб-амъ“, „рыб ами“. Первоначально гласный звукъ *а* въ этихъ случаяхъ принадлежалъ основѣ или темѣ слова, составляя т. наз. тематическій гласный, присоединявшійся къ корню для образованія основы; съ теченіемъ же времени онъ отошелъ къ окончаніямъ и такимъ образомъ произошло сокращеніе основы въ пользу окончаній. [2]) Причина этого переразложенія заключается прежде всего въ томъ, что тематическій гласный, характеризовавшій извѣстный типъ склоненія и повторявшійся передъ окончаніями, употреблялся

---

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы сами образуемъ основу словъ генетически, т. е. изъ соотвѣтствующихъ морфологическихъ частей, а также когда присоединяемъ къ основѣ тѣ или другія флексійныя окончанія, то этотъ процессъ представляетъ собою проявленіе нѣкотораго *творчества* или *продукціи*; въ случаѣ же опрощенія и при произнесеніи такихъ словъ, которыя не разлагаются на основу и окончаніе (напр. нѣкоторыя нарѣчія и частицы, срв. «теперь» и т. п.), то такія основы или же слова мы *воспроизводимъ по памяти* отъ перваго звука до послѣдняго, и подобное воспроизведеніе цѣлой основы или слова по памяти представляетъ собою уже явленіе *репродукціи*.

[2]) Что дѣйствительно окончаніями стали чувствоваться *-ахъ*, *-амъ* и т. п., доказывается тѣмъ, что въ этомъ именно видѣ они распространились на другія склоненія; срв. соврем. формы отъ сущ. «рабъ»—«раб-*амъ*», «раб-*ами*», «раб-*ахъ*» при болѣе первичныхъ ст.-славянскихъ рлъ-омъ, рлъ-ы, рлъ-ѣхъ.

вмѣстѣ съ послѣдними чаще, чѣмъ самыя слова, а потому и сталъ чувствоваться принадлежностью окончаній. Кромѣ того, указанному сокращенію основъ благопріятствовали фонетическія перемѣны, благодаря которымъ тематическій гласный измѣнился въ нѣкоторыхъ падежахъ (сов. рыбу, гдѣ окончаніе *-у* развилось изъ первоначальнаго *-ă-m*) и потому утратилъ свое значеніе какъ тематическаго гласнаго. Процессомъ переразложенія объясняются далѣе нѣкоторыя особенности просторѣчія, какъ напр. произношеніе „*о*вторникъ“ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, такія слова, какъ „во вторникъ“ и напр. „в огонь“ представляютъ въ произношеніи полное совпаденіе по начальному слогу (*во-*), а эта одинаковость въ предложныхъ выраженіяхъ повела во многихъ народныхъ говорахъ къ одинаковости и безпредложныхъ оборотовъ, а именно: въ обоихъ случаяхъ на мѣсто предлоговъ „во“ и „въ“ была принята лишь одна разновидность „въ“, а гласный *о* въ одномъ изъ выраженій отошелъ отъ предлога къ самому слову. Этотъ процессъ можно иллюстрировать слѣдующей пропорціей:

$$во\text{гонь} : во\text{вторникъ} = \text{огонь} : x,$$

откуда x=„овторникъ“. Здѣсь мы видимъ, какъ тѣ неправильности, которыя нерѣдко встрѣчаются въ народной рѣчи, для лингвиста представляютъ интересъ, какъ проявленіе общихъ языковыхъ процессовъ. [1])

---

[1]) Говоря о переразложеніи, нужно указать на случаи переходнаго состоянія, когда отдѣлившіеся звуки не вполнѣ примкнули къ смежной морфологической части и потому производятъ впечатлѣніе вставныхъ. Наглядный примѣръ этого встрѣчаемъ во французскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ: parle-*t*-il? parle-*t*-elle? parle-*t*-on? Исторія французскаго языка показываетъ, что *t* въ этихъ выраженіяхъ сохранилось въ качествѣ пережитка отъ прежняго признака 3-го лица един. числа глагольной формы; но исчезнувши въ прочихъ случаяхъ и сохранившись лишь въ выраженіяхъ подобныхъ приведеннымъ, оно кажется уже какъ бы вставнымъ и соотвѣтственно этому впечатлѣнію отдѣляется черточками. Срв. также въ русскомъ

3) **Аналогія и народная этимологія.** Мы уже не разъ упоминали о явленіяхъ, объясняемыхъ аналогіей; такъ, если вмѣсто „ход*ятъ*“ произносятъ „ход*ютъ*“, то это — по аналогіи къ глаголамъ 1-го спряженія, т. е. по аналогіи къ такимъ формамъ, какъ „кол*ютъ*“. Процессъ аналогіи заключается въ томъ, что значеніе, ассоціированное съ двумя звуковыми комплексами, изъ которыхъ тѣснѣе связано съ однимъ, [1]) вызываетъ этотъ послѣдній также и вмѣсто втораго (срв. ход*ютъ*). Аналогія можетъ дѣйствовать не только въ области окончаній, но и въ основѣ; если мы остановимся на одномъ изъ прежнихъ примѣровъ, именно на спряженіи наст. времени глагола „пеку“, то такія формы народныхъ великорусскихъ говоровъ, какъ „пе*к*ешь“, „пе*к*етъ“, представляютъ распространеніе по аналогіи вида основы *пек-*, свойственнаго 1-му лицу ед. ч. и 3-му мн. ч., на формы прочихъ лицъ того же времени, вытѣснивъ въ нихъ разновидность основы *печ-* (при этомъ въ этихъ формахъ *к* является уже не твердымъ, а мягкимъ, т. е. аналогично спряженію глаголовъ типа *несу—несешь*). Если народныя формы „пекешь“ и проч. чужды литературному языку, то это объясняется тѣмъ, что въ народномъ языкѣ, вслѣдствіе отсутствія или скуднаго примѣненія письменности, нѣтъ столь сильной устойчивости въ формахъ, какъ въ литературномъ языкѣ, который, будучи связанъ письменностью, менѣе поддается перемѣнамъ по сравненію съ народнымъ языкомъ. Въ качествѣ примѣра дѣйствія аналогіи въ другихъ языкахъ приведемъ франц. форму 1 мн. наст. *ai*mons вм. **a*mons, получившую *ai* по аналогіи къ ед. ч. Дѣло въ томъ,

---

языкѣ звукъ *к* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица послѣ предлоговъ (напр. къ *н*ему и т. п.), производящій впечатлѣніе вставнаго и обязанный также фактору переразложенія (см. нашъ Общій курсъ русской грамматики, 1913[4], стр. 148).

[1]) На болѣе тѣсную связь значенія съ однимъ изъ звуковыхъ комплексовъ вліяетъ, между прочимъ, большая частота употребленія послѣдняго, а также большая его выразительность.

что латинское ă въ открытыхъ слогахъ въ исторіи французскаго языка при удареніи измѣнилось въ *ai*, а въ положеніи передъ удареніемъ сохранилось, срв. лат. hăbeo = франц. (j')*ai*, hăbémus = (nous) *a*vons. Соотвѣтственно этому закону латинскій глаголъ ămo во французскомъ отражается въ видѣ *ai*me, а 1 мн. ămámus отражалось въ старомъ французскомъ въ видѣ *a*mons, но затѣмъ по аналогіи къ ед. ч. и 3 мн. возникло *ai*mons, т. е. гласный *ai* распространился и на 1-ое (а также 2-ое) лицо мн. ч. Не слѣдуетъ однако думать, что при дѣйствіи аналогіи происходитъ звуковое измѣненіе; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ замѣщеніемъ или субституціей одной морфемной разновидности другою. Вообще говоря, факторъ аналогіи въ широкомъ смыслѣ неотлучно сопровождаетъ нашу рѣчь, въ которой мы постоянно производимъ отъ словъ требующіяся формы по образцу соотвѣтствующихъ привычныхъ типовъ. [1])

Обратимся теперь къ процессу, который носитъ названіе „народной этимологіи“. Подъ этимъ процессомъ разумѣются такія перемѣны въ словахъ, которыя состоятъ въ морфологическомъ осмысленіи непонятныхъ словъ, чаще иностранныхъ, а иногда и природныхъ, значеніе которыхъ затемнилось. Нужно замѣтить, что къ народной этимологіи относятъ довольно различные процессы, и, чтобы не смѣшивать ихъ между собою, постараемся указать различіе между ними; процессы эти слѣдующіе: 1) акустическая замѣна или субституція звуковъ, 2) морфологизація и 3) сема-

[1]) Этотъ факторъ начинаетъ дѣйствовать уже съ дѣтства, по мѣрѣ знакомства ребенка съ рѣчью: знакомясь со словами въ тѣхъ или другихъ формахъ, ребенокъ по аналогіи создаетъ и самъ такія же формы для другихъ словъ: зная, напр., формы т'ас'і = «часы», вáјс'і = «волосы» и др., ребенокъ по аналогіи къ нимъ уже самъ будетъ образовывать тѣ же формы отъ другихъ словъ; но понятно, что при этомъ между новообразованіями у него будутъ встрѣчаться и ошибочныя, напр. отъ слова кас' = «глазъ» по аналогіи съ предшествующими онъ легко можетъ сказать кас'і, еще не зная, что отъ слова «глазъ» множественное число оканчивается на -á.

зіологизація. *Акустическая замѣна звуковъ* состоитъ въ томъ, что въ мало понятомъ словѣ (каковы напр. нѣкоторыя собственныя имена) путемъ ослышки одинъ звукъ замѣняется сходнымъ другимъ, ошибочно же заслышанное слово можетъ затѣмъ при недостаточности образованія утвердиться въ рѣчи индивидуума, а затѣмъ распространиться и въ цѣломъ говорѣ (срв. произношеніе „*М*икита“ вм. „*Н*икита“ и т. п.). Вторая категорія изучаемыхъ звуковыхъ замѣнъ — *морфологизація* —уже сложнѣе первой; она усложнена присоединеніемъ къ акустическому моменту морфологическаго, благодаря чему слово нѣсколько осмысливается морфологически; срв. напр. народное произношеніе „*не*крутъ“, „*не*бель“ (гдѣ начальные, ничего не значущіе, слоги *ре* и *ме* замѣнены знаменательнымъ слогомъ, именно отрицаніемъ *не*), „дифтер*икъ*“ (незнакомый суф. *-итъ* замѣненъ природнымъ *-икъ*) и т. п. Третья группа —*семазіологизація* или осмысленіе—представляетъ дальнѣйшее усложненіе, состоящее въ попыткѣ понять и истолковать собственное значеніе не вполнѣ яснаго слова на основаніи той корневой морфемы, которая въ немъ подставляется; срв. напр. народное *гулъваръ* вм. „бульваръ“ (вслѣдствіе отнесенія слова къ корню глагола „гулять“), *лежанка* вм. „дилижансъ“, *механикъ* понимается въ смыслѣ „мѣховщикъ“ (т. е. =„*мѣх*аникъ“) и т. п. Такого рода толкованія, разрастаясь, даютъ начало легендамъ, миѳамъ. Этимъ же путемъ возникли нѣкоторые заговоры, поговорки, примѣты (напр.: „*вино* видѣть во снѣ—быть об*вин*еннымъ“, и т. п.). Какъ видимъ, зародыши нѣкоторыхъ литературныхъ жанровъ заложены въ природѣ нашей рѣчи и ея словъ. Собственно народную этимологію составляютъ 2-ая и въ особенности 3-ья категоріи, первая же представляетъ простую акустическую замѣну звуковъ. [1]) Не мало интересныхъ случаевъ для 2-ой и

[1]) Къ сказанному нужно прибавить, что изслѣдователи нерѣдко злоупотребляютъ объясненіемъ посредствомъ народной этимологіи, произвольно приписывая словамъ то или другое народное толкованіе, не справляясь съ

3-ей категоріи представляютъ собою нерѣдкія у насъ, начавшіяся еще изстари, передѣлки иностранныхъ фамилій на русскій ладъ, отчасти даже сознательныя. Приведемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ примѣровъ: [1])

Калашъ (венгер. фамилія) измѣнилось въ Калашевъ, а затѣмъ Калачовъ или Колачовъ;
Батугердъ (венг.)→Батуринъ;
Му-ханъ (тат.)→Мухановъ;
Би-бекъ (тат.)→Бибиковъ;
Хераско (молдав.)→Херасковъ;
Чичери (итал.)→Чичеринъ;
Ѳома (англ.); отсюда *Ѳоминъ сынъ*→Ѳоминсынъ, Фаминцынъ;
Бурнесъ (англ.)→Бурнесовъ, Бурнашовъ;
Гамильтонъ (англ.)→Гамантовъ, Гаматовъ, Хомутовъ;
Остенекъ (нѣм.)→Востоковъ;
Косъ-фонъ-Даленъ (нѣм.)→Козодавлевъ;
Паленкампфъ (нѣм.)→Поганковъ;
Голлидей (англ.)→Голодай (названіе острова въ Петербургѣ);

4) **Дифференціація.** Процессъ дифференціаціи состоитъ въ томъ, что разновидности той или другой морфологической

дѣйствительнымъ народнымъ чутьемъ. Напр., утверждаютъ, что народное произношеніе «карасинъ» явилось вмѣсто «керосинъ» не фонетическимъ путемъ, а подъ вліяніемъ слова «карась», хотя эти два слова столь далеки одно отъ другаго по значенію. Или уменьшительное имя «Лиза» (Елизавета) объясняютъ какъ результатъ сближенія со словомъ «лизать»; а между тѣмъ авторъ такой догадки самъ усумнился бы въ ней, если бы обратилъ вниманіе на существованіе того же слова въ иностранныхъ языкахъ (срв. напр. французское Lise), хотя соблазнительнаго слова «лизать» въ нихъ и не имѣется.

[1]) Приводимые здѣсь примѣры выбраны нами изъ книги: Карновичъ Е. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими (1886).

части не вытѣсняются дѣйствіемъ аналогіи, но сохраняются, получая различіе или дифференцируясь по оттѣнку значенія. Это происходитъ благодаря тому, что съ духовнымъ развитіемъ человѣка возникаютъ и новые оттѣнки мысли, для которыхъ говорящіе ищутъ особое обозначеніе,—и въ этомъ случаѣ разновидности морфемъ могутъ оказаться полезными, такъ какъ одинъ оттѣнокъ можетъ утвердиться за одной разновидностью, другой же за другою. Возьмемъ для примѣра формы „бѣ́гомъ“ (Твор. ед. отъ существительнаго „бѣгъ“) и „бѣго́мъ“ (нарѣчіе): здѣсь ударенность и неударенность окончанія послужила для различенія или дифференціаціи между существительнымъ и нарѣчіемъ. Срв. далѣе различіе въ примѣненіи окончаній *-а* и *-у* въ Р. ед. существительныхъ муж. рода (напр. „цвѣтъ снѣга“ || „много снѣгу“), а также и нѣкоторыхъ другихъ окончаній. Явленія дифференціаціи встрѣчаются, разумѣется, и въ другихъ языкахъ; укажемъ напр. на англійскій языкъ, гдѣ одно и то же слово часто является и существительнымъ, и глаголомъ, при чемъ, если оно сложно съ префиксомъ, то оказывается разница по ударенію этихъ двухъ частей рѣчи, напр. contést („спорить“) || cóntest („споръ“); такимъ образомъ, удареніе послужило здѣсь средствомъ дифференціаціи. [1])

Постараемся теперь освѣтить взаимное соотношеніе разсмотрѣнныхъ морфологическихъ процессовъ въ жизни словъ, а также показать роль ихъ въ умственно-рѣчевой дѣятельности. Прежде всего замѣтимъ, что всѣ они касаются морфо-

[1]) Въ нѣмецкомъ языкѣ, съ его постояннымъ корневымъ удареніемъ, дифференціація посредствомъ этого послѣдняго встрѣчается рѣдко, встрѣчаясь лишь въ глаголахъ сложныхъ съ извѣстными префиксами, срв. ü'bersetzen «переправлять» || übersétzen «переводить съ какого-либо языка»; но съ другой стороны въ этомъ языкѣ нашла широкое примѣненіе въ существительныхъ дифференціація по грамматическому роду, чему благопріятствовало то обстоятельство, что одно и то же окончаніе встрѣчается нерѣдко въ разныхъ родахъ; срв.: *die* Steuer «подать» || *das* Steuer «руль» и т. п.

логическаго состава словъ и связанныхъ съ нимъ значеній. Такъ, процессъ *опрощенія* представляетъ перевѣсъ реальнаго значенія словъ надъ морфологическимъ; *переразложеніе* производитъ простую перегруппировку въ области морфологическаго состава, не касаясь смысла словъ; *аналогія* нивеллируетъ морфологическія разновидности съ однимъ смысловымъ значеніемъ; *дифференціація*, напротивъ того, приспособляетъ подобныя морфологическія разновидности къ новымъ смысловымъ различіямъ; наконецъ, *народная этимологія* придаетъ чуждому слову знакомый морфологическій составъ и значеніе. Всѣ эти процессы, взаимно приспособляя языковыя средства и значенія въ направленіи удобства памяти и легкости мысли, являются такимъ образомъ мощными факторами прогресса умственно-рѣчевой дѣятельности.

Примѣчаніе. Интересно отмѣтить, что однородные процессы проявляются и въ сферѣ письма, такъ какъ это послѣднее такъ же обслуживаетъ наше мышленіе, какъ и рѣчь, хотя и пользуется для того иными средствами. Примѣромъ *опрощенія* въ письмѣ могутъ служить современныя слитныя написанія выраженій, раньше имѣвшихъ раздѣльное обозначеніе соотвѣтственно морфологическому составу (срв. старыя написанія: съ переди, въ прочемъ, съ лишкомъ, съ легка — Магаз. общенол. знаній 1795 г.); случаи *переразложенія* встрѣчаемъ весьма нерѣдко въ малограмотныхъ написаніяхъ, напр.: «къвартира» и т. п.; *аналогія* широко примѣняется въ орѳографіи, гдѣ она болѣе извѣстна подъ именемъ принципа морфологическаго (срв. передачу конечныхъ звонкихъ согласныхъ и неударяемыхъ гласныхъ въ русскомъ письмѣ); принципъ *дифференціаціи*, тоже довольно нерѣдкій, представляетъ извѣстныя отличія въ написаніи одинаковыхъ словъ, но съ разнымъ значеніемъ, напр. мiръ ‖ мiръ, что ‖ чтò и т. п.; наконецъ, случаи *народной этимологіи* нужно видѣть тамъ, гдѣ чуждое слово при передачѣ его письмомъ истолковывается соотвѣтственно природному (напр., если написаніе заимствованнаго изъ французскаго языка слова «палисадникъ» съ однимъ *с* оправдывается ссылкою на слово «садъ»).

Въ заключеніе настоящей лекціи мы позволимъ себѣ остановиться особо на **семазіологической** сторонѣ нашихъ словъ, пока еще мало изученной. Прежде всего надо сказать, что наши представленія и понятія, обозначаемыя соотвѣтствую-

щими словами, не есть нѣчто вполнѣ постоянное и устойчивое, напротивъ—они постоянно развиваются и видоизмѣняются, при чемъ у каждаго индивидуума имѣютъ свою исторію, такъ что чѣмъ болѣе сходны условія духовной жизни индивидуумовъ, тѣмъ и понятія у нихъ являются болѣе сходными. Далѣе, одно и то же понятіе, вступая въ сочетаніе съ разными другими, нерѣдко рисуется въ нашемъ умѣ нѣсколько иначе; срв. напр. слово „читаетъ“ въ выраженіяхъ: „дьяконъ *читаетъ* въ церкви евангеліе“ || „профессоръ *читаетъ* свою лекцію передъ аудиторіей“ || „артистъ *читаетъ* стихотвореніе на вечерѣ“ и т. д.; во всѣхъ этихъ случаяхъ представленіе чтенія, хотя и обозначено однимъ и тѣмъ же словомъ, выступаетъ въ нашемъ умѣ въ иныхъ образахъ соотвѣтственно объективнымъ особенностямъ этого дѣйствія, которыя оно принимаетъ, будучи приписываемо тому или иному предмету. Эта неустойчивость значенія словъ въ умѣ каждаго индивидуума благопріятствуетъ болѣе крупнымъ перемѣнамъ значенія словъ въ исторіи языка. Эти перемѣны обусловливаются вліяніемъ *ассоціацій смежности* и *сходства*. Когда мы представляемъ себѣ какой-нибудь предметъ (дѣйствіе и т. п.), то это представленіе предмета ассоціируется *по смежности* со всею обстановкою, благодаря чему его названіе можетъ распространяться на другія смежныя представленія; такъ, напр., слово „ѣда“ является названіемъ дѣйствія, а также и того, что мы ѣдимъ; словомъ „жалоба“ называется не только извѣстное дѣйствіе, но также и та бумага, которая содержитъ эту жалобу; и т. п. Съ другой стороны, перемѣны въ значеніи словъ могутъ зависѣть отъ ассоціаціи *сходства*; такъ, мы говоримъ „ясный умъ“, хотя слово „ясный“ первоначально примѣнялось къ свѣтовымъ представленіямъ, напр. ко дню или т. п., но, найдя сходство ума съ этими послѣдними, мы говоримъ: „ясный умъ“; видя массу пущенныхъ стрѣлъ, можемъ сказать, „туча стрѣлъ“; мы говоримъ: „вода бѣжитъ“, т. е. теченіе воды намъ напоминаетъ движеніе животныхъ, и

мы переносимъ это названіе на воду; и т. п. Но надо замѣтить, что во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ не значеніе слова измѣняется, а только слово получаетъ новое значеніе. Оцѣнивая этотъ процессъ, можемъ сказать, что онъ слѣдуетъ *принципу экономіи*, такъ какъ языкъ создаетъ названія для новыхъ понятій на основаніи прежняго языковаго матеріала, при участіи ассоціацій сходства и смежности, при чемъ иногда присоединяетъ къ прежнимъ корнямъ соотвѣтствующіе суффиксы и префиксы, срв.: *под*свѣч*ник*ъ, *под*окон*ник*ъ, *на*груд*ник*ъ, и т. д.

Лекція 12-ая.

Введеніе въ синтаксическое изученіе языка.

Морфологія, т. е. часть грамматики, изучающая какъ крупныя категоріи словъ, именуемыя частями рѣчи, такъ и всѣ частныя подраздѣленія послѣднихъ, находится въ самой тѣсной связи съ синтаксисомъ; морфологія представляетъ, такъ сказать, инвентарь отдѣльныхъ категорій словъ и ихъ формъ, а синтаксисъ показываетъ, какъ этими словами и формами пользуются для превращенія ихъ въ члены высказываемыхъ предложеній. Элементарное изученіе синтаксиса обычно сводится къ одной *формальной* сторонѣ, т. е. къ разсмотрѣнію отношеній между членами предложенія въ связи съ способомъ выраженія послѣднихъ посредствомъ частей рѣчи, а затѣмъ къ указанію типовъ сочетанія предложеній; но научное изученіе не можетъ ограничиваться лишь констатированіемъ формальныхъ соотношеній, оно стремится освѣтить синтаксисъ еще съ другихъ сторонъ, а именно—со стороны *психологическихъ* процессовъ, происходящихъ въ умѣ при формированіи предложеній, а также со стороны той *логической* дѣятельности нашего ума, которая такъ или иначе направляетъ все наше мышленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣчевую дѣятельность. Не касаясь пока формальной стороны синтаксиса, какъ болѣе извѣстной, мы обратимся къ двумъ другимъ, начавъ свое изложеніе съ разсмотрѣнія л о г и ч е с к а г о момента, какъ фактора, направляющаго формированіе предложеній. До

сихъ поръ однако этотъ моментъ остается въ наукѣ спорнымъ пунктомъ, а потому мы должны развить свое мнѣніе по этому вопросу съ необходимою подробностью. Напомнимъ, что старая, философская, грамматика при анализѣ синтаксическихъ явленій приноравливалась къ тѣмъ нормамъ, какія установились въ логикѣ въ отношеніи сужденій; но около половины минувшаго столѣтія нѣмецкій мыслитель-лингвистъ Штейнталь подвергъ разрушительной критикѣ этотъ способъ трактованія синтаксическихъ явленій, показавъ, что грамматика занимаетъ совершенно независимое отъ логики положеніе. Намъ кажется однако, что современные лингвисты, совершенно правильно отдѣляя вслѣдъ за Штейналемъ грамматику отъ „*науки* логики", упускаютъ изъ виду тотъ *естественно-логическій* моментъ мысли, которымъ необходимо направляется процессъ рѣчи. Иному читателю можетъ показаться, что этимъ утвержденіемъ мы возвращаемся къ той же старой, логической грамматикѣ, которую сами же отрицаемъ. Но въ этомъ случаѣ будетъ недоразумѣніе: подъ логическимъ моментомъ мы разумѣемъ здѣсь не науку логики, а естественную логику ума, которую строго должно отличать отъ первой. Постараемся показать на примѣрѣ, что—съ одной стороны—дѣйствительно категоріи научной логики не совпадаютъ съ категоріями синтаксическими и что—съ другой стороны—эти послѣднія направляются естественно-логическою дѣятельностью ума. *Наука логики* признаетъ только два члена въ сужденіи —субъектъ (подлежащее) и предикатъ (сказуемое), которые не всегда совпадаютъ съ одноименными грамматическими членами предложенія; такъ, для научной логики въ сужденіи „сильный вѣтеръ порывисто дуетъ" имѣются только два члена: субъектъ—„сильный вѣтеръ" и предикатъ—„порывисто дуетъ" (=есть порывисто дующій, со связкою „есть"); для грамматики же здѣсь четыре члена предложенія: кромѣ главныхъ членовъ „вѣтеръ" и „дуетъ" (при этомъ грамматика не замѣщаетъ послѣднюю форму черезъ „есть дующій") она нахо-

дитъ здѣсь еще второстепенные члены—„сильный“ и „порывисто“, относящіеся къ первымъ и отвѣчающіе на вопросы „какой?“ и „какъ?“ Всѣ подобнаго рода направляющіе вопросы (для главныхъ и второстепенныхъ членовъ предложенія), которые расчленяютъ нашу мысль на части, стоящія другъ къ другу въ опредѣленномъ отношеніи, и слѣдуя которымъ мы образуемъ предложенія, и составляютъ *естественно-логическій моментъ* высказываемыхъ нами предложеній.[1]) Конечно, на каждый изъ такихъ вопросовъ мы можемъ отвѣчать самымъ разнообразнымъ образомъ, примѣняя различныя части рѣчи; но лишь опредѣленныя части рѣчи и притомъ въ опредѣленныхъ формахъ будутъ при этомъ извѣстными *синтаксическими* категоріями, именно тѣми или другими *членами предложенія*, при чемъ самыя флексійныя окончанія этихъ формъ именно и являются носителями тѣхъ синтаксическихъ функцій, которыя принимаютъ слова въ предложеніи. Такъ, наиболѣе типичными примѣненіями морфологическихъ категорій для выраженія членовъ предложенія являются: для подлежащаго—Именит. падежъ предметной части рѣчи, для сказуемаго—глаголъ въ личной формѣ, для дополненія—косвенные падежи предметной части рѣчи, для опредѣленія — имя прилагательное, для обстоятельства—нарѣчіе.

Намъ осталось еще взглянуть на синтаксическіе вопросы съ *психологической* точки зрѣнія. Постараемся разъяснить

---

[1]) Намъ кажется, что развиваемая нами точка зрѣнія сближается съ мнѣніемъ Вундта, который на упреки, что его опредѣленіе предложенія («предложеніе есть выраженное средствами языка произвольное расчлененіе совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическое отношеніе другъ къ другу») снова смѣшиваетъ грамматику съ логикою, отвѣтилъ (нѣсколько неопредѣленно), что здѣсь подъ логическими отношеніями слѣдуетъ разумѣть нѣчто иное, чѣмъ въ логикѣ (см. его соч. «Die Sprache» II² 244 сн., 245). Мы думаемъ, что если бы Вундтъ захотѣлъ придать бо́льшую опредѣленность своему отвѣту, то послѣдній еще болѣе приблизился бы къ нашему пониманію вопроса. См. еще нашъ Общій курсъ русской грамматики (1913)⁴ стр. 287.

теперь, что̀ представляетъ собою существованіе въ предложеніи двухъ основныхъ членовъ (подлежащаго и сказуемаго) съ точки зрѣнія психологической. Когда мы получаемъ воспріятія изъ окружающаго міра, то при этомъ нерѣдко одинъ и тотъ же предметъ наблюдается въ разныхъ видахъ движенія или состоянія (напр. *лошадь* идетъ, *лошадь* ѣстъ и т. д.), а съ другой стороны одно и то же дѣйствіе или состояніе можетъ принадлежать разнымъ предметамъ (напр. лошадь *идетъ*, человѣкъ *идетъ* и т. п.). Въ томъ и другомъ случаѣ представленія частію сходны, частію же различны, и въ этомъ-то частичномъ сходствѣ и различіи или сходствѣ среди различія и заключался толчокъ къ разложенію при посредствѣ рѣчи цѣлостнаго впечатлѣнія на два члена—подлежащее и сказуемое. Такое разложеніе можетъ получать то или другое направленіе, соотвѣтственно тому, на какомъ признакѣ предмета остановилось наше вниманіе. [1]) Все сказанное относится къ процессу образованія мысли-предложенія у *говорящаго*; нужно однако замѣтить, что процессъ высказыванія предложеній въ дѣйствительности болѣе сложенъ, такъ какъ включаетъ въ себя расчлененіе лишь какъ первую стадію мысли, за которою слѣдуетъ сочетаніе элементовъ, какъ послѣдующая стадія, которая уже и получаетъ выраженіе посредствомъ предложенія. [2]) Что касается *слушающаго*, то оче-

---

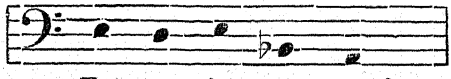
[1]) Это разложеніе намъ кажется теперь очень простымъ вслѣдствіе привычки къ нему съ-дѣтства; но естественно человѣчеству потребовался длинный и трудный путь умственной работы, прежде чѣмъ дойти до сознанія формальныхъ категорій дѣятеля и производимаго имъ дѣйствія и въ такой уже формѣ апперципировать впечатлѣнія и вообще мыслить.

[2]) Въ этой сложности процесса и можно видѣть причину разногласія двухъ такихъ видныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, какъ Вундтъ и Пауль, изъ которыхъ первый, какъ мы уже указывали, видитъ въ предложеніи актъ разложенія цѣлостнаго впечатлѣнія, а второй—напротивъ того—актъ соединенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ представленій («предложеніе—говоритъ H. Paul въ своихъ Prinzipien der Sprachgeschichte, 1909⁴, стр. 121—есть языковое выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго произошло со-

видно, что процессъ воспріятія предложенія, высказаннаго другимъ лицомъ, будетъ уже обратнымъ, т. е. не расчлененіемъ цѣлостной мысли, а образованіемъ таковой по отдѣльнымъ ея элементамъ, выраженнымъ членами высказаннаго предложенія.

Слѣдуя нѣмецкому ученому Габеленцу, нѣкоторые лингвисты, трактуя о предложеніи, выдвигаютъ на видное мѣсто ученіе о т. наз. „психологическихъ“ сказуемомъ и подлежащемъ. Уже самое названіе показываетъ, что при этомъ психологіи навязываются чуждыя ей категоріи, заимствованныя изъ синтаксиса, но получившія другой смыслъ. И въ самомъ дѣлѣ, согласно этому ученію, каждый членъ грамматическаго предложенія, если на немъ сосредоточено главное вниманіе, является психологическимъ сказуемымъ; напр. въ выраженіи „*домъ* горитъ!“ подчеркнутое слово „домъ“ будетъ психологическимъ сказуемымъ, а въ выраженіи „домъ *горитъ*!“ психологическимъ сказуемымъ является уже слово „горитъ“, на которомъ сосредоточивается вниманіе. Ясно, что здѣсь не болѣе, какъ неудачная замѣна прежняго ученія о логическомъ удареніи, которое можетъ приходиться на любомъ членѣ предложенія, модифицируя соотвѣтствующимъ образомъ смыслъ этого предложенія. Прибавимъ, что съ перемѣною мѣста логическаго ударенія видоизмѣняется и расположеніе интонаціи въ предложеніи, какъ сейчасъ покажемъ. Въ качествѣ примѣра возьмемъ вопросительную фразу „ты куда пошелъ?“ произнесенную нѣсколько разъ, но съ перестановкою словъ и перемѣною мѣста логическаго ударенія:

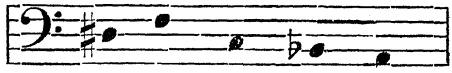
№ 1



Ты *ку-да* по-шелъ?

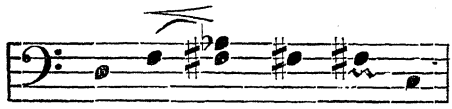
четаніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій, и средство вызывать въ душѣ слушающаго то же сочетаніе тѣхъ же представленій»), между тѣмъ какъ оба эти момента привходятъ въ образованіе предложеній.

№ 2



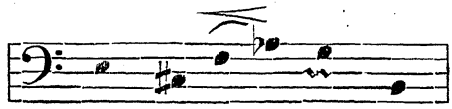
Ку - да ты по - шелъ?

№ 3



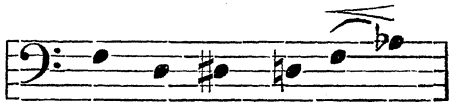
По - шелъ ты ку - да?

№ 4



Ты *по - шелъ* ку - да?

№ 5

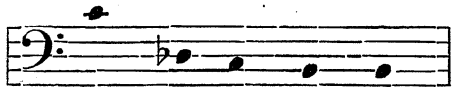


Ты ку - да *по - шелъ*?

Какъ мы видимъ, то слово, на которое падаетъ логическое удареніе или—точнѣе—ударенный слогъ этого слова произносится на наиболѣе высокомъ тонѣ въ предложеніи, прочія же слова группируются около него, такъ или иначе приспособляясь къ его высотѣ. Въ томъ случаѣ, когда логическое удареніе приходилось на сказуемомъ, то ударенный слогъ послѣдняго произносился съ нѣкоторымъ повышающимся glissando (въ предѣлахъ отъ полутона до полутора тоновъ) въ соединеніи съ crescendo, при чемъ увеличеніе экспрессіи сопровождалось расширеніемъ предѣловъ glissando. Нужно однако замѣтить, что приведенные нотные образцы далеко не исчерпываютъ варіацій произношенія, [1]) число которыхъ непомѣрно возра-

[1]) Срв. между прочимъ варіаціи тѣхъ же выраженій въ моемъ сочиненіи «Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ» (1884) въ приложенной къ книгѣ нотной таблицѣ; часть этихъ варіацій повторена въ моихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3] стр. 202—203.

стаетъ съ присоединеніемъ разнообразныхъ эмоціональныхъ оттѣнковъ; срв. для примѣра ту же фразу, произнесенную съ гнѣвомъ:



Ты ку - да по - шелъ?

Прибавимъ, что изученіе движенія тона въ разныхъ типахъ предложеній можетъ установить особую классификацію послѣднихъ по ихъ тоническому характеру на ряду и въ связи съ грамматическими типами предложеній и такимъ образомъ представить, такъ сказать, музыкальную характеристику синтаксиса даннаго языка. [1]) Нѣкоторые лингвисты интонацію, паузы въ рѣчи и т. п. несправедливо считаютъ „не-грамматическимъ“ элементомъ рѣчи; очевидно, это является пережиткомъ прежнихъ лингвистическихъ воззрѣній на языкъ, когда имѣлась въ виду письменная его передача, а не живое произношеніе въ полной конкретности.

Послѣ сдѣланныхъ нами общихъ предварительныхъ указаній по синтаксису остановимся на классификаціи предложеній или установленіи ихъ типовъ. Предложенія прежде всего подраздѣляются на *простыя* и *сложныя*. Предложенія простыя по различію въ характерѣ высказываемаго можно сгруппировать въ три типа: 1) предложенія, изображающія фактъ, напр. „лошадь идетъ“, 2) предложенія классифицирующія (т. е. зачисляющія предметъ въ ту или другую родовую категорію), напр. „лошадь — животное“ и 3) предложенія, обозначающія качество предметовъ, напр. „лошадь пуглива“.

---

[1]) Эту именно задачу мы отчасти и имѣли въ виду при изложеніи синтаксиса русскаго языка въ своемъ Общемъ курсѣ русской грамматики (1913)[4].

Легко замѣтить, что эти три основные типа предложеній внѣшнимъ образомъ сводятся къ различному составу сказуемаго, т. е. въ первомъ типѣ сказуемымъ служитъ одинъ глаголъ, тогда какъ во второмъ и третьемъ типѣ сказуемое состоитъ изъ глагола „быть“ (въ извѣстномъ случаѣ опускаемаго) съ существительнымъ или прилагательнымъ. Во второмъ типѣ отмѣтимъ два частныхъ случая: а) „лошадь—животное“; здѣсь „лошадь“ — подлежащее, „животное“ — сказуемое, при чемъ видовое понятіе „лошадь“ зачисляется въ родовое, именно въ классъ животныхъ; б) „это—лошадь“; здѣсь слово „лошадь“ уже является сказуемымъ, служащимъ для обозначенія соотвѣтствующимъ названіемъ указываемаго предмета. Второй случай представляетъ бо́льшую конкретность по сравненію съ первымъ, и онъ болѣе частъ въ дѣтской рѣчи, тогда какъ зачисленіе представленій въ родовыя понятія въ рѣчи дѣтей встрѣчаются гораздо рѣже, и притомъ посредствомъ такихъ существительныхъ, которыя близки по смыслу къ прилагательнымъ, напр. „няня—*дура*“ и т. п. Заглавія книгъ и статей представляютъ изъ себя сказуемое съ опущеннымъ указательнымъ словомъ.

Мы ознакомились съ тремя основными типами предложеній, которые зависятъ отъ характера признаковъ, приписываемыхъ субъекту. Но кромѣ этой *объективной* стороны, соотвѣтствующей міру представляемой мыслью дѣйствительности, можетъ быть при каждомъ изъ трехъ типовъ еще моментъ *субъективный*, въ зависимости отъ того, представляетъ ли высказываемое чистую мысль (прямую, или же вопросную), мысль, усложненную чувствованіями, или же желаніемъ и волей. Такимъ образомъ, каждый изъ трехъ типовъ предложеній можетъ являться въ трехъ видахъ; такъ, предложенія „я читаю“ или „читаешь-ли ты?“ обозначаютъ двѣ варіаціи чистой мысли, соотвѣтствующей совершающемуся въ дѣйствительности дѣйствію; предложеніе же „ну, и читаешь же!“ предполагаетъ уже участіе эмоціональнаго момента; въ пред-

ложеніи „почиталъ бы я!“ мысль представляется желаемой, а въ предложеніи „читай!“—требуемою. И такъ, у насъ получается подраздѣленіе каждаго изъ трехъ основныхъ типовъ предложеній на виды: 1) *повѣствовательный*, 2) *восклицательный* и 3) *желательный* и *повелительный*. Всѣ эти виды отличаются между собою отчасти наклоненіями въ глаголѣ-сказуемомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ—прибавляемыми частицами и, наконецъ,—различнымъ движеніемъ интонаціи.

Что касается повѣствовательнаго вида, то въ немъ мы или указываемъ на дѣйствительное явленіе или признакъ (*утвердительныя* предложенія), или же на отсутствіе его (*отрицательныя* предложенія). [1]) Кромѣ прямой повѣствовательной формы можетъ быть еще *вопросительная*, когда неизвѣстенъ тотъ или другой членъ мысли. Вопросительною формою предполагается *отвѣтная*, въ которой обыкновенно не говорятъ полнымъ предложеніемъ, а высказываютъ только то слово, о которомъ спрашиваютъ. [2])

Восклицательный видъ предложеній обыкновенно содержитъ восклицательную частицу (напр. ахъ! о! и т. п.) или вообще слово, могущее выполнять подобную функцію (напр. какой, какъ), а кромѣ того имѣетъ свое характерное движеніе тона.

Что касается типовъ желательнаго („поигралъ бы я!“) и повелительнаго („играй“), то грамматическая разница между ними, кромѣ различія наклоненій, еще та, что сослагательное наклоненіе при выраженіи имъ желанія можетъ

---

[1]) Высказываемое можетъ имѣть характеръ неувѣренности и тогда въ русскомъ языкѣ присоединяется частица «будто» или «будто-бы», напр. «я будто видѣлъ его», «будто-бы онъ пріѣхалъ»; въ другихъ языкахъ, напр. нѣмецкомъ, въ этихъ случаяхъ пользуются особымъ наклоненіемъ—сослагательнымъ.

[2]) Въ школахъ очень часто учителя съ особымъ педантизмомъ на длинный вопросъ требуютъ соотвѣтственно полнаго отвѣта; конечно, это имѣетъ извѣстное значеніе въ обученіи, но при излишнемъ педантизмѣ будетъ способствовать тому, что учащіеся будутъ отвыкать отъ естественнаго чутья рѣчи.

относиться въ соотвѣтствующей формѣ и къ самому говорящему, тогда какъ повелительное наклоненіе не имѣетъ перваго лица, и если говорящій обращаетъ требованіе къ себѣ, какъ напр. въ случаѣ самоубѣжденія, то выражаетъ его во второмъ лицѣ. Кромѣ того, приказаніе, какъ извѣстно, можетъ выражаться еще неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напр. „молчать!“, но здѣсь очевидно сокращеніе болѣе полнаго предложенія, напр. „ты долженъ молчать“ или т. п.; такія же выраженія въ другихъ языкахъ (срв. съ тѣмъ же значеніемъ нѣм. „still-schweigen!“) также обязаны сокращенію.

Кромѣ двучленнаго типа простѣйшихъ предложеній, въ языкахъ нашего семейства встрѣчаются еще одночленныя; сюда относятся въ особенности т. наз. *безличныя* или *безсубъектныя*, напр. „морозитъ“. Относительно происхожденія такихъ предложеній мнѣнія расходятся: одни склонны видѣть здѣсь первичную форму предложеній, тогда какъ другіе, наоборотъ, продуктъ сокращенія. Мы склоняемся ко второй точкѣ зрѣнія, въ пользу которой и приведемъ доказательства. Такія безличныя предложенія (относящіяся къ явленіямъ природы), какъ „морозитъ“ возникли на почвѣ предложеній, состоявшихъ изъ однокоренныхъ существительнаго-подлежащаго и глагола-сказуемаго, т. е. „морозъ морозитъ“ и т. п. Если же глаголъ-сказуемое былъ другаго корня и при этомъ легко сочетался съ разнообразными подлежащими, то—понятно—опущенія подлежащаго въ этомъ случаѣ уже не могло произойти, срв. выраженіе „дождь идетъ“ и т. п. Что это такъ, видно изъ другихъ языковъ нашего семейства, гдѣ для даннаго выраженія имѣются однокоренныя существительное и глаголъ и гдѣ находимъ поэтому уже безличныя выраженія (срв. лат. pluvia || pluit, франц. la pluie || il pleut, нѣм. der Regen || es regnet), при чемъ хотя во французскомъ и находимъ кажущееся подлежащее-мѣстоименіе, но оно уже понизилось въ своей знаменательности, ставши формальнымъ элементомъ. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на наличность однокоренныхъ суще-

ствительнаго и глагола, употребляемъ двучленныя предложенія, напр. „громъ гремитъ“, но въ этихъ случаяхъ возможенъ и пропускъ подлежащаго. [1])

Нужно замѣтить, что въ рядѣ опредѣленныхъ случаевъ возможенъ и пропускъ сказуемаго при сохраненіи подлежащаго, главнымъ образомъ въ восклицательныхъ предложеніяхъ; срв.

Зима!... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь.

Пушкинъ Евгеній Онѣгинъ.

Вообще нужно сказать, что въ рѣчи замѣчаются нерѣдкія случаи опущенія словъ и, если съ пропускомъ этихъ словъ, смыслъ остается вполнѣ понятнымъ, то эта краткая форма легко удерживается въ языкѣ; въ этомъ проявляется уже знакомый намъ принципъ экономіи въ сферѣ умственно-рѣчевой дѣятельности.

До сихъ поръ мы говорили о простыхъ *нераспространенныхъ* предложеніяхъ; но такъ какъ наша мысль можетъ быть настолько сложной, что могутъ требоваться слова для распространенія подлежащаго и сказуемаго, то это вызываетъ въ нашей рѣчи *распространеніе* простаго предложенія **второстепенными членами**; срв. вышеприведенное предложеніе „*сильный* вѣтеръ *порывисто* дуетъ“: здѣсь къ подлежащему „вѣтеръ“ относится **опредѣленіе** „сильный“, а къ сказуемому „дуетъ“ опредѣленіе (т. наз. **обстоятельственное слово**) въ видѣ нарѣчія—„порывисто“. Что касается **дополненія**, то оно служитъ для обозначенія новаго предмета, напр. „братъ читаетъ *книгу*“; дополненія иногда приближаются по смыслу къ нарѣчію и тогда становятся обстоятельственными словами, указывая на мѣсто, время и способъ дѣйствія.

---

[1]) Въ турецко-татарскихъ языкахъ такого сокращенія двучленныхъ предложеній еще не выработалось.

Примѣчаніе. Замѣтимъ кстати, что способъ распространенія предложеній имѣетъ значеніе для характера *стиля*. Стиль прозаическій нуждается въ точномъ и опредѣленномъ названіи предмета и его существенныхъ свойствъ, тогда какъ стиль художественный нуждается такъ сказать въ красочномъ указаніи признаковъ. Соотвѣтственно этому въ художественномъ стилѣ, для живописности и образности представленій, получаютъ большое значеніе прилагательныя, присоединяющіяся къ существительному, и нарѣчія, относящіяся къ глаголу (въ роли прилагательныхъ могутъ выступать также причастія, а въ роли нарѣчій — дѣепричастія).[1]) При этомъ, конечно, необходимо, чтобы выбранныя прилагательныя и нарѣчія способствовали образности представленія, а для этого краски должны быть наложены не только вѣрныя и соотвѣтствующія дѣйствительности, но и ярко напоминающія предметъ,—все это и придаетъ въ художественномъ произведеніи картинность предмету.[2])

Наша мысль, смотря по степени своего усложненія, можетъ получать въ рѣчи распространеніе не только посредствомъ второстепенныхъ членовъ предложенія, но также и посредствомъ другихъ предложеній, благодаря чему получа-

---

[1]) Съ представленнымъ здѣсь воззрѣніемъ, которое впервые было высказано мною въ брошюрѣ «Психологія поэтическаго творчества» (Казань, 1900), я нахожу нѣкоторое сходство ученія В. Вундта о *замкнутыхъ* и *открытыхъ структурахъ*: первыя (т. е. замкнутыя структуры), по его ученію, какъ бы необходимо раскрываютъ самую совокупность представленія, вторыя же—продуктъ вольной ассоціаціи; преобладаніе вторыхъ производитъ поэтическій слогъ. Однако я не нашелъ у Вундта достаточно обстоятельнаго опредѣленія и разграниченія тѣхъ и другихъ, да это едва ли и возможно, такъ какъ та и другая сторона умственной дѣятельности обычно сочетаются вмѣстѣ въ нашей рѣчи, лишь съ преобладаніемъ того или другаго момента.

[2]) Срв. напр. картину Крыма въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи гр. А. К. Толстаго (красочныя опредѣленія мы отмѣчаемъ курсивомъ):

Клонитъ къ лѣни полденъ *жгучій*,
Замеръ въ листьяхъ каждый звукъ,
Въ розѣ *пышной* и *пахучей*,
Нѣжась, спитъ *блестящій* жукъ,
А изъ камней вытекая,
Однозвученъ и *гремучъ*,
Говоритъ *не умолкая*
И поетъ нагорный ключъ.

ются такъ называемыя *сложныя* предложенія. Эти предложенія могутъ представлять сочетанія какъ равноправныхъ предложеній, такъ и неравноправныхъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ одно изъ предложеній является основнымъ (главное предложеніе), а другія—зависимыми (придаточныя предложенія). [1]) Кромѣ того можно указать промежуточный типъ, въ которомъ главное предложеніе и придаточное взаимно обусловливаютъ другъ друга; сюда относятся сложныя предложенія условныя и уступительныя. Изучая придаточныя предложенія, необходимо разсматривать ихъ со стороны ихъ собственнаго значенія въ связи съ способомъ формальнаго присоединенія къ главному предложенію (посредствомъ мѣстоименій и мѣстоименныхъ нарѣчій, напр. *который*, *гдѣ*, *чѣмъ* и проч., и союзовъ, напр. *что*, *когда*, *чтобы* и др., равно какъ и иными способами, включая сюда интонацію). [2]) Что касается т. наз. „сокращенныхъ“ придаточныхъ предложеній, т. е. типовъ причастныхъ и дѣепричастныхъ, то они въ дѣйствительности не представляютъ сокращенія какихъ-либо полныхъ придаточныхъ предложеній, а имѣютъ особое отъ нихъ самостоятельное происхожденіе и являются лишь параллельными къ нимъ оборотами. [3])

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣкоторую связь разныхъ типовъ предложеній съ жанрами словесныхъ произведеній. Если ближе всмотрѣться въ послѣдніе, то не трудно замѣтить,

---

[1]) Первый типъ связи предложеній въ лингвистическихъ трудахъ обычно носитъ названіе «*сочиненія*» (parataxis), а второй — «*подчиненія*» (hypotaxis).

[2]) Нѣкоторые изъ такихъ предложеній, какъ видно изъ исторіи языка, возникли изъ первоначальныхъ независимыхъ предложеній; срв. у Котошихина: «а *кто* будетъ судья возметъ посулъ... *и* о такихъ судьяхъ о наказаніи подлинно писано».

[3]) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ типами придаточныхъ предложеній, особенно со стороны смысловыхъ различій, мы отсылаемъ читателя къ нашему Общему курсу русской грамматики (1913)[4].

что разные жанры характеризуются преобладаніемъ опредѣленныхъ типовъ предложеній, напр.: въ разсказѣ преобладаютъ повѣствовательныя предложенія, въ діалогахъ—вопросительныя и отвѣтныя, въ одахъ—повѣствовательныя въ сочетаніи съ восклицательными, въ молитвахъ и гимнахъ—повѣствовательныя въ соединеніи съ желательными и просительно-повелительными и т. д. Статистическое изученіе этого вопроса съ подсчетомъ въ разныхъ жанрахъ типовъ предложеній, а также подлежащихъ и обращеній, сказуемыхъ въ разныхъ наклоненіяхъ и проч., привело бы къ болѣе точнымъ заключеніямъ. Во всякомъ случаѣ мы снова встрѣчаемся съ вопросомъ о тѣсной связи между формами рѣчи и генезисомъ словесно-литературныхъ типовъ.

Лекція 13-ая.

Психо-физіологическое изученіе индивидуальныхъ явленій рѣчи.

До сихъ поръ мы разсматривали языкъ какъ общее явленіе, свойственное цѣлому народу или діалектической его группѣ; можно однако изучать языкъ и съ другой стороны, именно—со стороны индивидуальныхъ явленій въ рѣчевой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Важность такого изученія слѣдуетъ уже изъ того, что языкъ реально существуетъ лишь у каждаго отдѣльнаго индивидуума и только благодаря общенію между людьми и взаимному ихъ пониманію онъ пріобрѣтаетъ характеръ соціальный. А такъ какъ природа элементовъ опредѣляетъ природу аггрегата, то изученіе явленій индивидуальной рѣчи должно углублять пониманіе природы языка, какъ явленія общенароднаго. Къ такому именно изслѣдованію индивидуальныхъ особенностей рѣчи мы и приступаемъ теперь, при чемъ уже не будемъ останавливаться на грамматическомъ составѣ и историческомъ развитіи языка, а займемся простымъ наблюденіемъ того, какъ послѣдній проявляется въ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, начиная съ-дѣтства и кончая рѣчью взрослаго человѣка; здѣсь мы въ особенности обратимъ вниманіе на разнообразныя рѣчевыя уклоненія отъ нормы, обнаруживающія отдѣльные элементы въ ассоціативномъ аггрегатѣ рѣчи, вся сложность котораго иначе ускользаетъ отъ вниманія изслѣдователя. Легко видѣть, что и самый способъ изученія явленій языка съ этой стороны уже отступаетъ отъ

обычнаго лингвистическаго (историко-сравнительнаго) метода и приближается къ методу естественныхъ наукъ.

Какъ мы знаемъ, зарожденіе языка у каждаго индивидуума происходитъ постепенно съ-дѣтства, благодаря слушанію и подражанію рѣчи окружающихъ. Мы уже указывали тѣ этапы, которымъ слѣдуетъ вообще развитіе рѣчи ребенка какъ въ области звуковой, такъ и лексическо-грамматической, а потому мы не будемъ останавливаться на этомъ процессѣ и перейдемъ прямо къ тому состоянію языка, которое мы наблюдаемъ у взрослаго человѣка.[1]) Въ нашемъ умѣ съ достиженіемъ этого возраста уже имѣется богатый запасъ реальныхъ представленій, а также рядъ соотвѣтствующихъ словесныхъ обозначеній, которыя такъ тѣсно слиты съ реальными представленіями, что намъ кажется, будто мы не прилагаемъ никакого труда для передачи своей мысли словами, а слушая чужую рѣчь такъ же легко понимаемъ ее, какъ если бы это была наша собственная. Все это указываетъ на то, что весь сложный процессъ умственно-рѣчевой дѣятельности, ставшій благодаря упражненію и привычкѣ безсознательно-автоматическимъ, чувствуется уже чѣмъ-то простымъ, неразложимымъ. Однако не всегда эта цѣлостность мыслительно-языковой дѣятельности сохраняется у говорящихъ, нерѣдко тѣсная связь между ея элементами порывается, чѣмъ и подтверждается наличность таковыхъ Это нарушеніе цѣлостности рѣчеваго аггрегата наблюдается обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда мы бываемъ выведены изъ состоянія нормальнаго равновѣсія какими-либо факторами, или ослабляющими мозговую энергію (таковы напр. усталость, недостаточный сонъ, угаръ, опьяненіе и т. п.), или сосредоточивающими ее на какой-нибудь

[1]) Въ одной изъ предшествующихъ лекцій мы отмѣтили въ русской литературѣ двѣ статьи о дѣтской рѣчи, представляющія наблюденія надъ опредѣленными индивидуумами; теперь къ этому можно прибавить еще статью французскаго изслѣдователя—O. Bloch Notes sur le language d'un enfant (см. Mém. de la Soc. de lingu. de Paris, 1912, XVIII—1, 37—59).

одной эмоціональной идеѣ, стоящей въ сторонѣ отъ предмета рѣчи (таковы разнаго рода эмоціи, напр. испугъ, неожиданная радость, спѣшность и др.), а также факторами патологическими (каковы—мозговыя кровоизліянія и опухоли, лихорадочное состояніе, порокъ заиканія, идіотизмъ, съумасшествіе и пр.) и, наконецъ, какими-либо иными моментами (срв. рѣчь во снѣ и съ-просонья или т. п.). Конечно, всѣ эти случаи, разсматриваемые по вышеприведеннымъ отдѣльнымъ категоріямъ, могутъ дать обширный матеріалъ для изслѣдованія, важнаго какъ въ естественно-научномъ отношеніи, такъ и лингвистическомъ; но вслѣдствіе новизны предмета и малой пока его разработанности, мы принуждены ограничиться лишь немногими вопросами изъ этой области, а именно касающимися главнымъ образомъ уклоненій въ рѣчи нормальнаго человѣка подъ вліяніемъ повседневныхъ случайностей. Сюда мы отнесемъ разнаго рода рѣчевыя ошибки, при чемъ подраздѣлимъ ихъ на нѣсколько категорій, соотвѣтственно рѣчи произносимой, письменной и слышимой, при чемъ постараемся вести свое изложеніе восходя отъ простѣйшихъ элементовъ слова, каковы напр. звуки, къ болѣе сложнымъ комбинаціямъ, а въ заключеніе остановимся еще на случаяхъ ошибочнаго припоминанія словъ, а также на недостаткахъ рѣчи, происходящихъ уже отъ патологическихъ причинъ.

А. Ошибки въ рѣчи произносимой.

Прежде всего мы займемся разсмотрѣніемъ чисто звуковыхъ обмолвокъ въ рѣчи нормальнаго человѣка, имѣющихъ своей общей причиной нѣкоторую непараллельность между мозговой дѣятельностью и произношеніемъ.

1) Сначала отмѣтимъ обмолвки, состоящія въ неправильной постановкѣ одного звука вмѣсто другаго, при чемъ звукъ или можетъ быть перенесенъ изъ послѣдующаго слова или слога въ предъидущій, или наоборотъ—изъ предшествую-

шаго въ послѣдующій. Это происходитъ отъ того, что мозговые импульсы звуковъ въ ихъ послѣдовательности могутъ идти быстрѣе, чѣмъ осуществленіе ихъ въ соотвѣтствующихъ мышечно-произносительныхъ работахъ, или же, наоборотъ, почему-либо могутъ задерживаться. Примѣромъ этого рода субституцій могутъ служить слѣдующія обмолвки: а) вмѣсто „*ш*капъ стоитъ“ сказалось (въ торопливой рѣчи) *с*капъ *с*тоитъ, гдѣ начальный согласный перваго слова замѣнился начальнымъ согласнымъ втораго, благодаря тому, что произносительное вниманіе къ моменту произнесенія перваго слова уже устремилось на слѣдующее, а начальные ихъ звуки были родственны по артикуляціи; подобнымъ образомъ вм. „*ж*иръ сняла“ произнеслось *с*ыръ *с*няла (тоже регрессивная ассимиляція); вм. „поэзія“ сказалось п*о*з*е*з*и*я, т. е. согласный въ ударенномъ слогѣ произнесся, благодаря присутствію этого звука въ слѣдующемъ слогѣ; б) вмѣсто „почётный членъ“— п*о*ч*ё*тный ч*л*ё*н*ъ, гдѣ ударенный гласный перваго слова былъ повторенъ и во второмъ, вслѣдствіе того, что произносительное вниманіе дольше задержалось на первомъ словѣ; тоже прогрессивную ассимиляцію, именно начальныхъ согласныхъ, имѣемъ въ обмолвкѣ *л*ѣса *л*остутъ вм. „*л*ѣса *р*остутъ“.

2) Встрѣчаются далѣе обмолвки-пропуски, являющіяся, какъ и въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ произносительныхъ ошибокъ, результатомъ забѣганія мысли впередъ; эти обмолвки происходятъ или въ двухъ слогахъ одного слова, или въ двухъ смежныхъ словахъ, содержащихъ какой-нибудь общій звукъ, при чемъ происходитъ пропускъ всѣхъ промежуточныхъ звуковъ, благодаря тому, что съ произнесеніемъ этого общаго звука въ первомъ словѣ совпадаетъ произносительный импульсъ того же звука во второмъ словѣ, которое затѣмъ уже и договаривается, начиная съ этого звука. Примѣрами обмолвокъ этого рода могутъ служить слѣдующія выраженія: вмѣсто „водоворотъ“ сказалось в*о*д*о*р*о*т*ъ*, вм.

„значéніе имѣетъ“ — з н а ч é е т ъ. Сюда же можно отнести обмолвку с л ы к ъ вм. выраженія „*слогъ* или *звукъ*“, гдѣ начало перваго слова слилось съ концомъ послѣдняго, а всѣ промежуточные звуки были опущены; можно думать, что такому сліянію словъ способствовали односложность того и другаго и одинаковый конечный звукъ.

3) Весьма часто встрѣчаются такія обмолвки, когда въ двухъ сосѣднихъ словахъ звуки переставливаются, при чемъ эта перестановка касается звуковъ или слоговъ, взаимно соотвѣтствующихъ по своему положенію въ томъ и другомъ словѣ (т. е. или начальныхъ, или конечныхъ); такимъ образомъ, при этомъ, не смотря на обмолвки, сохраняется полностью вся звуковая наличность произносимыхъ словъ. Примѣры: „*г*олова *б*олитъ“ → б о л о в а г о л и т ъ, „*з*елена *в*ина“ → в е л е н а з и н а, „*к*ашу *м*асломъ“ → м а ш у к а с л о м ъ, „*к*ашу *кл*адетъ“ → к л а ш у к а д е т ъ, „*м*а́зью для *н*о́са“ → н о з ь ю д л я м а с а, „*т*опить *к*аминъ“ → к о п и т ь т а м и н ъ, „*кл*асть въ *кр*ужку“ → к р а с т ь в ъ к л у ж к у, „*пих vo*mica“ → v o x p i t m i c a, „*мѣ*ста *мало*“ → м а с т а м ѣ л а, „*ч*ерни́ла и *п*ерó“ → п е р н и л а и ч е р о“, „*лѣнъ* и *овёсъ*“ → л ё с ъ и о в ё н ъ и т. д. Иногда такія перестановки встрѣчаются и въ одномъ и томъ же словѣ, напр. (въ торопливой рѣчи) „*рели*гіозный“ → л е р и гіозный, „*мело*декламировалъ“ → д е м е л о к л а м и р о в а л ъ; сюда же относится недоконченная обмолвка „скороговорка“ → с к о в о р о...; въ примѣрѣ „об*мол*виться“ → о б л о м в и т ь с я въ одномъ и томъ же слогѣ переставились крайніе согласные.

4) Наконецъ, существуетъ еще родъ звуковыхъ обмолвокъ, состоящихъ въ томъ, что при произношеніи слова лишь начало его оказывается вѣрнымъ, конецъ же договаривается безсознательно отъ другаго слова, начинающагося тѣми же звуками и имѣющимъ такой же ритмъ по ударенію. Это происходитъ по большей части отъ того, что другое слово является также привычнымъ для произношенія при данной обстановкѣ. Въ примѣръ можно привести выраженіе „положи себѣ

*р*и́с у“ (между тѣмъ какъ нужно было сказать „*р*ы́бы“), или „унесите *т*етра́дки (вм. „*т*аре́лки“) въ кухню“. [1])

Разсмотрѣнные случаи обмолвокъ позволяютъ сдѣлать нѣкоторые выводы относительно мозговаго механизма произношенія, какъ напр.:

1) Прежде всего замѣтимъ, что всѣ разсмотрѣнныя обмолвки по-видимому свидѣтельствуютъ о томъ, что произношеніе словъ предполагаетъ прежде всего общій произносительный импульсъ для отдѣльныхъ словъ или группы ихъ, который какъ бы уже содержитъ потенціально весь комплексъ требующихся звуковъ и который затѣмъ даетъ движеніе соотвѣтствующимъ частнымъ звуковымъ импульсамъ; рядъ этихъ послѣднихъ и нарушается такъ или иначе при обмолвкахъ, которыя происходятъ или путемъ субституціи, или пропуска, или же перестановки, а также договариванія по привычкѣ.

2) Ошибочныя субституціи одного звука другимъ свидѣтельствуютъ о томъ, что звуковыя представленія словъ хотя и образуютъ привычные звуковые аггрегаты, но эти послѣдніе не являются чѣмъ-то вполнѣ цѣлостнымъ и неразложимымъ, а состоятъ изъ ряда представленій отдѣльныхъ звуковыхъ единицъ; нарушеніе этого ряда обмолвкою легко замѣчается, кромѣ слуха, еще и благодаря получающейся отъ субституціи нѣкоторой неловкости въ мышечномъ чувствѣ;

3) Ошибочныя замѣны одного звука другимъ, частично съ нимъ сходнымъ по мышечнымъ работамъ, указываютъ на то, что произносительные импульсы отдѣльныхъ звуковъ состоятъ въ свою очередь изъ простѣйшихъ импульсовъ, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ произносительнымъ мышечнымъ работамъ; [2])

---

[1]) Здѣсь привходитъ и морфологическій моментъ, такъ какъ ошибочно подставленныя слова употреблены правильно въ той именно формѣ, какая имъ свойственна.

[2]) Изученіе подобныхъ частичныхъ сходствъ смѣняемыхъ и смѣняющихъ звуковъ можетъ давать подтвержденія правильности принимаемой

4) Обмолвки, представляющія замѣну или перестановку слоговъ, указываютъ на слоговое дробленіе произносительныхъ представленій цѣлаго слова, хотя быть можетъ это дѣленіе и не совпадаетъ съ обычно принятымъ; кромѣ того, эти обмолвки, при которыхъ, не смотря на перестановку, число слоговъ и ихъ порядокъ относительно ударенія остается неизмѣннымъ, указываютъ на существованіе момента слоговой ритмичности въ общемъ произносительномъ импульсѣ слова или же группы словъ.

5) Наконецъ, послѣдній видъ обмолвокъ, когда слово ошибочно договаривается по привычкѣ, указываетъ на то, что упомянутый общій импульсъ слова нерѣдко бываетъ лишь приблизительнымъ и быстро смѣняется слѣдующимъ, при чемъ правильно начавшійся рядъ звуковъ, ускользнувъ изъ-подъ его контроля и договариваясь механически подъ вліяніемъ частныхъ звуковыхъ импульсовъ, легко можетъ (напр. въ случаѣ излишней торопливости или другихъ неблагопріятныхъ условій) перейти въ другой рядъ. Можно думать, что подобное механическое договариваніе существуетъ и въ правильно заканчиваемыхъ словахъ (гдѣ оно уже ускользаетъ отъ прямого наблюденія), свидѣтельствуя въ такомъ случаѣ объ экономическомъ моментѣ въ организаціи произносительно-мозговой дѣятельности.

Обращаясь къ обмолвкамъ, касающимся **морфологическихъ** частей словъ, мы должны сказать, что всѣ онѣ представляютъ случаи, аналогичные фонетическимъ обмолвкамъ, т. е. мы встрѣчаемъ здѣсь также случаи субституціи, пропусковъ, перестановки и механическаго договариванія, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ далѣе примѣровъ.

1) Субституція морфемъ: „войн*ой* и мир*омъ*“ → в о й н о й и м и р о й;

анатомо-физіолотической классификаціи звуковъ, опирающейся на частичныя сходства звуковыхъ артикуляцій (напр. категоріи рто-раскрывателей, рто-смыкателей, придувныхъ рто-смыкателей и проч.).

2) Пропускъ звуковъ между двумя сходными морфемами: „Максимилiа́нъ Ива́нычъ“ → М а к с и м и л i а́ н ы ч ъ.

3) Перестановка морфологическихъ частей—

а) корней или основъ: „*ор*-у́ть *ляг*-у́шки“ → л я г-у́ т ъ о р-у́ ш к и; „съ *дыр*-ами на *локт*-яхъ“ → съ л о к т-я м и на д ы р-а х ъ; „*билет*-ы въ *концертъ*“ → к о н ц е р т-ы в ъ б и л е т ъ (Гончаровъ); „на *ног*-ахъ *ногт*-и“ (обстричь) → н а н о г т-я х ъ н о г-и; „*кочев*-ья *племен*-а́“ → п л е м е н н ы я к о ч е в а. [1])

б) предлоговъ - префиксовъ: „*на* роя́лѣ *по*игра́ть“ → п о р о я л ѣ н а и г р а т ь; „*не* нагля́дятся“ → н а н е г л я д я т с я;

в) суффиксовъ: „цвѣт-*бкъ* полев-*ой*“ → ц в ѣ т о́ й п о л е в о́ к ъ;

г) окончаній: „безъ ус-*овъ*, безъ бород-*ы*“ → безъ у с-ы, безъ б о р о д-о в ъ; „пройтись хочу“ → п р о й т и х о ч у с ь; [2])

4) Автоматическое договариваніе вслѣдствіе большей привычности къ употребленію одного выраженія сравнительно съ другимъ, сходнымъ по начальной или начальнымъ морфемамъ, напр.

а) при одинаковости префиксовъ: „*раз*-рѣзательный ножикъ“ → р а з л и в а т е л ь н а я л о ж к а; вм. „*вы*спался“ сказалось „*вы*здоровѣлъ“, а при поправкѣ—„*вы*бросилъ“ (все это большія обмолвки);

б) при одинаковости префикса и начала корня: „*под*-*куп*и́ла“ → п о д к у з м и́ л а.

Кромѣ того, мы встрѣтили также нѣкоторыя обмолвки морфологическаго типа, въ которыхъ одна морфологическая часть замѣнена другою разновидностью, безъ какого-либо вліянія со стороны сосѣднихъ словъ, срв.: н а ж и в *я т с я* вм. „нажив-*утся*“, л и ц о *й* вм. „лиц-*омъ*“.

---

[1]) Въ послѣднемъ примѣрѣ перестановившаяся основа *племен-* получила второе *н*, благодаря переходу въ категорію прилагательнаго.

[2]) Въ этомъ примѣрѣ окончаніе -*съ* перемѣщено къ другому слову, не имѣвшему вовсе соотвѣтствующаго окончанія, другими словами—перемѣщеніе произошло на мѣсто нуля.

Разсмотрѣнныя нами морфологическія обмолвки указываютъ, что въ нашемъ умѣ дѣйствительно существуютъ категоріи морфемъ, представляющихъ собою такія же подвижные элементы, какъ и отдѣльные звуки. При этомъ нѣкоторыя изъ обмолвокъ свидѣтельствуютъ еще о томъ, что эти морфологическіе элементы образуютъ въ нашемъ умѣ группы или системы словоизмѣненія и словообразованія; такъ, въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ („лиц-*ой*“) мы видимъ замѣну окончанія Тв. ед. муж рода окончаніемъ *того же* падежа ж. р., а въ другомъ примѣрѣ („*племенныя* кочева“) переходъ существительнаго въ категорію прилагательнаго обусловилъ собою даже совершенно правильную модификацію суффиксальнаго слога.

Что касается обмолвокъ, относящихся къ **цѣлымъ словамъ**, то и здѣсь мы встрѣчаемъ уже отмѣченные типы, а кромѣ того наблюдаемъ еще особый специфическій видъ обмолвокъ, въ основѣ которыхъ лежитъ семазіологическій момент. Примѣрами обмолвокъ, аналогичныхъ съ разсмотрѣнными раньше типами, могутъ служить слѣдующіе: вм. „*не могла* сказать, потому что *забыла*“ было произнесено — не могла забыть (пропускъ въ соединеніи съ правильной морфологической субституціей); вм. „Черное *озеро*“ сказалось—„Черное море“ (механическое договариваніе вслѣдствіе привычки къ извѣстному географическому названію); вм. „Марій“ сказалось „Марій *и Суллá*“ со сказуемымъ въ ед. ч., вм. „чаю“ произнеслось „чаю-кофе“. Обмолвка въ послѣднемъ примѣрѣ произошла вслѣдствіе того, что слово „чаю“ сказалось по привычкѣ, а „кофе“ явилось поправкою къ нему. Замѣтимъ, что обмолвки по привычкѣ очень часто наблюдаются въ сочетаніяхъ личныхъ именъ съ отчествомъ, причемъ общность имени при разныхъ отчествахъ вызываетъ ошибочное присоединеніе привычнаго отчества. Что касается случая субституціи словъ, то укажемъ на обмолвки, когда извѣстное выраженіе уже сказалось, но затѣмъ мысль была

отвлечена въ сторону, и послѣ этого говорящій снова повторяетъ то же выраженіе вмѣсто дальнѣйшаго, напр. вм. „третье“ снова произносится „второе“. Встрѣчаются и перестановки словъ, обычно въ именахъ и отчествахъ, напр. „Алексѣй Васильичъ“ вм. „Василій Алексѣичъ“, особенно въ случаяхъ большей привычки къ такому порядку, или если непосредственно передъ тѣмъ приходилось употреблять эти слова въ таковомъ порядкѣ; что касается ошибочной перестановки цѣльныхъ словъ, безъ всякой морфологической перемѣны въ нихъ, то обычно говорящій для исправленія неправильнаго порядка словъ видоизмѣняетъ самое строеніе фразы.

Мы переходимъ теперь къ тому специфическому виду словесныхъ обмолвокъ, который состоитъ въ томъ, что вмѣсто одного слова говорится другое, но принадлежащее къ той же смысловой категоріи, какъ и первое. Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ обмолвокъ: вм. „*Собачій* переулокъ“ сказалось „*Кошачій* переулокъ“ (тоже существующій); вм. „пойду въ *кинематографъ*“ сказалось „пойду въ *граммофонъ*“; вм. „давича“—„вчера“, вм. „рано“—„поздно“, вм. „вчера“—„завтра“, вм. „десять дней“—„десять лѣтъ“, вм. „труднѣе“—„легче“. Всматриваясь въ приведенныя обмолвки, можно замѣтить, что ошибочно подставленныя слова не вполнѣ случайно выбраны, а находятся въ нѣкоторой семазіологической связи съ требовавшимися; напр. въ первомъ выраженіи слова „кошачій“ и „собачій“ сходны между собою, такъ какъ оба произведены отъ названій животныхъ; во второмъ случаѣ оба замѣнившіяся слова касаются области развлеченій, при чемъ самыя названія, какъ иностранныя и сравнительно новыя, еще не достаточно прочно срослись съ своимъ реальнымъ значеніемъ; изъ остальныхъ примѣровъ въ первомъ произошло смѣшеніе словъ, относящихся къ прошедшему времени, а въ трехъ слѣдующихъ подстановка временныхъ и притомъ обычно контрастныхъ выраженій и — наконецъ — въ послѣднемъ подстановка вмѣсто одного качественнаго слова другаго съ

нимъ контрастнаго. Все это указываетъ на то, что въ нашемъ умѣ помимо грамматическихъ категорій существуютъ разнообразныя реально-смысловыя категоріи, въ которыя группируются отдѣльныя представленія въ силу нѣкоторыхъ сходныхъ или же контрастныхъ чертъ. Необходимо предположить, что передъ высказываніемъ фразы мы имѣемъ въ умѣ общее семазіологическое представленіе, въ которомъ при извѣстныхъ условіяхъ не всѣ части одинаково отчетливо выступаютъ, но нѣкоторыя имѣютъ только приблизительный характеръ, намѣчающій лишь ту смысловую группу, къ которой должно относиться данное частное представленіе. При торопливости, разсѣянности, головной боли и т. п. можетъ случиться то, что выборъ надлежащаго выраженія не будетъ сдѣланъ, а потому скажется какое-либо другое слово, но изъ этой же смысловой категоріи, или столь же употребительное, или еще болѣе привычное для говорящаго.

Иногда ошибочная подстановка слова происходитъ вслѣдствіе того, что при высказываніи одной фразы въ умѣ проходитъ уже другая мысль, при чемъ какой-нибудь предметъ ея (принадлежащій къ одной семазіологической категоріи съ тѣмъ словомъ, которое должно было произнестись, или же быть можетъ и не имѣющій къ ней отношенія) называется вмѣсто требуемаго слова; срв. вм. „говядина съ яйцами“ сказалось „говядина съ молокомъ“, потому что мысль высказывающаго къ концу фразы уже была занята представленіемъ о молокѣ. Такого рода случаи невольнаго выраженія словомъ представленій, не подлежавшихъ высказыванію, приводятъ къ тому выводу, что наши мысли настолько тѣсно связаны съ рѣчевой стороной, что разъ только зародилась въ нашемъ умѣ новая мысль и если при этомъ, такъ сказать, шлюзы нашей рѣчи уже открыты, то и данная мысль стремится вылиться въ словахъ, а это доказываетъ, что наши семазіологическія идеи содержатъ въ себѣ динамическо-волевой моментъ, состоящій въ тенденціи къ обнаруженію ихъ въ словѣ, въ чемъ

каждый можетъ убѣдиться путемъ самонаблюденія. Особенно наглядно выступаетъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, будучи заняты своими мыслями или наблюденіями, безсознательно высказываемъ отдѣльныя слова, которыя входятъ въ невыраженныя фразы и соотвѣтствуютъ тому, что̀ поразило главнымъ образомъ наше вниманіе. При этомъ такія одиночныя слова высказываются именно въ той формѣ, въ которой они были бы употреблены въ соотвѣтствующей фразѣ, напр.: „упала!“ (т. е. дѣвочка упала), „здо̀рово!“ (=здо̀рово ударилъ), „пароходъ!“ (напр. пароходъ показался), и т. п. Приведенные примѣры полувыраженныхъ словами мысленныхъ актовъ наглядно доказываютъ, на-сколько сильна тенденція нашей мысли укладываться въ привычные рѣчевые типы. Даже и въ томъ случаѣ, когда наша мысль совсѣмъ не обнаруживается произносимыми словами, слѣдуетъ допустить, что и теченіе такой мысли съ ея семазіологическими представленіями происходитъ въ связи съ безмолвной рѣчью, хотя бы въ видѣ нѣкоторыхъ намековъ на словесныя представленія. Въ виду сказаннаго, намъ кажется невозможнымъ говорить о „чистомъ“ мышленіи человѣка, совершенно отрѣшенномъ отъ словесныхъ символовъ, такъ какъ подобное мышленіе мы не только не встрѣчаемъ, но и не можемъ даже допустить.

Примѣчаніе. Разсматривая обмолвки, мы ограничились лишь простѣйшими типами; въ дѣйствительности въ рѣчи каждаго индивидуума встрѣчается не мало иныхъ обмолвокъ, представляющихъ сложныя комбинаціи изъ нѣсколькихъ типовъ. Къ числу такихъ обмолвокъ мы относимъ случаи *контаминаціи* изъ двухъ синонимичныхъ словъ, представленіе которыхъ одновременно возникаетъ въ умѣ въ качествѣ эквивалентныхъ символовъ для обозначенія одного семазіологическаго представленія; результатомъ этого и является иногда не предпочтеніе одного выраженія другому, а *смѣшеніе* обоихъ такимъ образомъ, что къ началу одного присоединяется конецъ другаго; срв.: *просто*+*прямо*→*прóмо*; *надо*+*нужно*→*нáжно*; *нужно*+*надо*→*нýдо*; на лодкахъ + на лодкѣ →на лодка; и т. д. Изъ другихъ комбинированныхъ типовъ обмолвокъ укажемъ на случаи: «три часа днемъ»→три дня ночью; «была головная боль»→болѣла головная боль; и т. п.

Въ заключеніе позволимъ себѣ замѣтить, что изученіе обмолвокъ имѣетъ значеніе не только какъ одно изъ средствъ уяснить умственно-мозговую работу при рѣчи, но оно проливаетъ свѣтъ и на рядъ фонетическихъ явленій въ исторіи языковъ, гдѣ мы также встрѣчаемъ явленія прогрессивной и регрессивной ассимиляціи, пропусковъ, перестановокъ и механическаго договариванія, которые при извѣстныхъ условіяхъ (напр. большее удобство произношенія, звучность и т. п.) путемъ повторенія и подражанія легко перешли въ общее употребленіе. [1])

Б. Ошибки въ рѣчи письменной.

Ошибки рѣчи письменной или т. наз. „описки“ представляютъ значительную аналогію съ видами обмолвокъ. Это происходитъ отъ того, что процессъ письма со стороны психофизіологической весьма сходенъ съ процессомъ рѣчи, такъ какъ оба они обслуживаютъ мыслительно-словесную дѣятельность черезъ посредство своихъ нервно-мышечныхъ путей. Разница между обоими процессами, помимо особыхъ нервномышечныхъ путей для осуществленія каждаго изъ нихъ, заключается въ томъ, что процессъ произносимой рѣчи является первичнымъ и кромѣ того связанъ съ слуховымъ центромъ (съ слуховыми звукоощущеніями слышимой рѣчи), тогда какъ дѣятельность письма, формируясь при соучастіи произносительнаго центра, является уже вторичнымъ процессомъ и находится въ связи съ центромъ оптическимъ (съ буквенными представленіями). Такимъ образомъ, процессъ письма съ одной стороны восходитъ къ мыслительно-рѣчевой дѣятельности,

---

[1]) Вопросъ объ аналогичности между извѣстными типами обмолвокъ и языковыми явленіями разсматривался мною въ статьѣ «Изученіе малограмотныхъ написаній» (Фил. Зап. 1881 г., № 3, и отд. отт.); см. еще Steinthal Ueber die Assimilation und Attraction psychologisch beleuchtet (Z. f. Völkerpsychologie I, 1860, 93—179), а также мое Введеніе въ изуч. рус. вокализма (Р. Ф. В. 1882, № 1, стр. 103, въ отд. отт. стр. 18), гдѣ явленіе ассимиляціи я разсматриваю съ точки зрѣнія психо-физіологической.

а съ другой—связанъ съ специфическимъ нервно-мышечнымъ механизмомъ правой руки; отсюда и самыя описки представляютъ два вида: описки *рѣчевыя*, зависящія отъ свойствъ обозначаемыхъ письмомъ звуковъ (а также звукосочетаній и словъ), и чисто *графическія*, зависящія исключительно отъ природы буквенныхъ изображеній. Изслѣдуя разнообразныя описки, мы видимъ, что эти послѣднія располагаются совершенно по тѣмъ же типамъ, какъ и обмолвки, благодаря чему мы, не повторяя уже нашихъ прежнихъ разсужденій, сдѣланныхъ на основаніи обмолвокъ, ограничимся здѣсь простою группировкою описокъ по знакомымъ намъ типамъ, но съ различеніемъ при этомъ описокъ рѣчевыхъ отъ графическихъ.

1) Ассимиляціонная **субституція** буквъ, слоговъ, морфемъ въ направленіи прогрессивномъ, или же регрессивномъ; примѣры: извѣстно → извѣзтно, объ о*п*ытѣ→объ о*б*ытѣ, вс*ю*ду→вс*у*ду, *к*нигу → *г*нигу, *т*рудомъ → *д*рудомъ, отсу*т*ствіе слѣ*д*ствія → отсу*д*ствіе слѣдствія; живыхъ созданій → живы*й* созданій, два вѣрныхъ примѣра → два вѣрныхъ примѣро*въ*, по звукамъ похожими→по звук*ами* похожими; подобный→подо*д*ный и т. д. Всматриваясь въ приведенные примѣры *буквенныхъ* субституцій, можно подмѣтить, что такая подстановка буквъ происходитъ по отношенію къ тѣмъ звукамъ, которые такъ или иначе родственны между собою по произносительно-слуховымъ элементамъ, а это подтверждаетъ, что передача словъ при посредствѣ письма, хотя и представляетъ особую психо-физіологическую дѣятельность, но все-таки не порываетъ связи съ областью произношенія. [1]) Сравнивая далѣе приве-

[1]) Особенно наглядно проявляется эта связь въ тѣхъ опискахъ, когда замѣна произошла безъ вліянія со стороны сосѣднихъ буквъ, а просто написалась другая буква, обозначающая звукъ родственной категоріи; срв. напр. написанія: *з*итель вм. *ж*итель, лись вм. ли*ш*ь, *г*озяйство вм. *х*озяйство и т. д. (подобныя субституціи могутъ имѣть и чисто графическій характеръ, когда на-мѣсто одной буквы пишется другая, частично сходная уже по графическимъ элементамъ съ первою, независимо отъ сосѣднихъ буквъ, напр. написаніе *д*очка вм. *б*очка и т. п.).

денные примѣры *морфологической* субституціи въ описках — мы замѣчаемъ разницу не только по направленію ассимиляціи, но и по характеру ея: въ первомъ случаѣ — „*живый* созданій“ — произошло чисто внѣшнее уподобленіе по окончанію (съ нарушеніемъ грамматическаго согласованія), а во второмъ — „два вѣрныхъ примѣров“ — грамматическое, такъ какъ существительное написалось съ окончаніемъ другаго падежа, тоже возможнымъ при данной формѣ предшествующаго прилагательнаго. Что касается послѣдняго примѣра, т. е. „*пододный*“, представляющаго случай *графической* субституціи, то онъ вызванъ частичнымъ сходствомъ рукописныхъ начертаній *б* и *д*, при чемъ присутствіе буквы *д* въ началѣ слога обусловило написаніе ея же въ концѣ того же слога.

2) **Пропускъ** буквъ, слоговъ, морфемъ и словъ: перепробовать→препробовать, работать→работь, *тѣхъ* мелкихъ→телк..., той же квартиры→той квартиры; гулять→улять, мозгу→мозу, своеобразно→своебразно, *бабочка*→бочка, и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ требуютъ нѣкотораго разъясненія примѣры чисто графическихъ пропусковъ. Такъ, въ примѣрѣ „*улять*“ (вм. *гулять*) мы видимъ пропускъ перваго элемента буквы *у*, какъ тожественнаго съ предшествующею буквою *г*; сюда же относятся описки *л* вм. *м*, *ц* вм. *щ* и т. п.

3) **Перестановка**: перепробовалъ→перепробовалъ, веретено→ветерено; стоялъ→столя...

4) **Механическое дописываніе**; сюда можно отнести кромѣ написаній *й* вм. *и*, *щ* вм. *ц* и т. п., также нерѣдкія ошибки въ письмѣ, состоящія въ машинальной подстановкѣ къ имени привычныхъ отчествъ и фамилій вм. требовавшихся, или при наступленіи новаго года обозначеніе цифрами предшествующаго.

Бросая общій взглядъ на приведенные примѣры разнообразныхъ описокъ и отмѣчая еще разъ аналогичность ихъ съ обмолвками, мы въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что меха-

низмъ письма формируется въ нашемъ мозгу въ общемъ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и механизмъ устной рѣчи, и что, слѣдовательно, общія заключенія о структурѣ мыслительно-рѣчеваго механизма, къ которымъ мы пришли въ предшествующемъ отдѣлѣ, распространяются и на область мыслительно-письменной дѣятельности. Такъ, напр., наше предположеніе о динамико-волевомъ моментѣ семазіологическихъ представленій, т. е. о тенденціи ихъ во время рѣчи переходить въ слова, подтверждается и въ области письма, когда въ моментъ писанія мы, подъ вліяніемъ сторонней мысли, вмѣсто требуемаго слова по ошибкѣ пишемъ другое, взятое уже изъ этой мысли. Однако, указывая на большое сходство между обмолвками и описками, нельзя игнорировать и той разницы между ними, которая обусловливается различіемъ въ мышечныхъ аппаратахъ устной рѣчи и письменной, состоящимъ въ меньшей подвижности втораго по сравненію съ первымъ. Благодаря этому, среди ошибокъ нѣкоторыя болѣе свойственны рѣчи, а другія—письму; напр. перестановки, являясь весьма обычными для произношенія, встрѣчаются очень рѣдко среди описокъ, а случаи пропусковъ и особенно повтореній (срв. теплоломъ и т. п.) болѣе характерны для письма. [1])

Примѣчаніе. Аналогичныя съ обмолвками и описками явленія мы можемъ наблюдать и въ другихъ сферахъ нашей психо-моторной дѣятельности; такъ, и здѣсь нерѣдки случаи субституціи дѣйствій (срв. когда разливающій чай, дополнивъ чайникъ, вмѣсто послѣдующаго разливанія

---

[1]) Что касается условій, при которыхъ проявляются тѣ или другія обмолвки и описки, то этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія важный, почти не разработанъ. Можно все-таки упомянуть, что ускоренное движеніе идей благопріятствуетъ пропускамъ и прогрессивной ассимиляціи, а замедленное—повтореніямъ и регрессивной ассимиляціи. Благодаря этому особенности ошибокъ нерѣдко группируются соотвѣтственно индивидуальности и темпераменту; такъ, напр., описки въ ученической тетради Петра В. свидѣтельствуютъ объ его стремительной натурѣ, такъ какъ состоятъ преимущественно изъ пропусковъ.

вторично ставитъ его на самоваръ, какъ бы послѣ заварки), пропусковъ (срв. когда забываютъ надѣть какую-нибудь часть одежды), перестановокъ (срв. N, вытерши кисточку бумажкой, выбросилъ кисточку и спряталъ бумажку), повтореній (срв. случаи, когда по ошибкѣ дважды здороваются или прощаются), столь обычные случаи механическаго заканчиванія дѣйствій. Все это доказываетъ, что всѣ проявленія нашей моторно-волевой дѣятельности покоятся на нѣкоторыхъ общихъ психо-физіологическихъ началахъ.

Что касается важности изученія описокъ, то, помимо уже указаннаго значенія ихъ для выясненія психо-физіологическаго механизма письменной рѣчи, изученіе это имѣетъ значеніе также и при изслѣдованіи письменныхъ памятниковъ прошлаго, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются подобные разсмотрѣннымъ типы описокъ; будучи же знакомъ съ ними, изслѣдователь не впадетъ такъ легко въ ошибку, именно не припишетъ простой опискѣ фонетическаго значенія, какъ это иногда случается; наконецъ, мы считаемъ полезнымъ знакомство съ природою описокъ и для школьныхъ преподавателей, которые, благодаря этому, смогутъ гуманнѣе и терпимѣе относиться къ невольнымъ ученическимъ погрѣшностямъ въ письмѣ, необходимо вытекающимъ изъ недостаточнаго еще совершенства ихъ письменнаго механизма. [1])

В. Ошибки въ рѣчи слышимой.

Отъ ошибокъ въ моторной области нашей рѣчи мы обращаемся къ ошибкамъ въ сенсорной, именно — къ „ослышкамъ“. Въ отличіе отъ первыхъ, онѣ зависятъ не только отъ субъективнаго момента, но также и отъ объективнаго. Объективнымъ моментомъ для ослышекъ является характеръ слышимой рѣчи, которая можетъ быть не достаточно громкой и отчетливой,

---

[1]) См. цитированную выше нашу статью «Изученіе малограмотныхъ написаній», а также переработку ея въ нашихъ Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому языку (1910)[3].

а также и дальность разстоянія; къ субъективному моменту при ослышкахъ относится недостаточно тонкій слухъ, а также новизна или неожиданность предмета рѣчи. При этомъ особенно часто наблюдаются ослышки при заслушиваніи чуждыхъ иностранныхъ словъ у лицъ не знакомыхъ съ иностранными языками.[1]) Для правильнаго пониманія природы ослышекъ необходимо вникнуть въ самый процессъ воспріятія нами слышимой рѣчи; въ этой послѣдней наше вниманіе сосредоточивается обычно не на звуковыхъ рядахъ словъ, а на той мысли, которую мы на основаніи ихъ улавливаемъ; поэтому, если что-либо въ слышимомъ кажется намъ неподходящимъ для данной мысли, то здѣсь мы предполагаемъ уже ослышку и затѣмъ или сами исправляемъ ее, соотвѣтственно смыслу и воспринятому приблизительно звуковому и морфологическому составу, или же, если это оказывается невозможнымъ, то переспрашиваемъ непонятное. Хотя ослышки, подобно обмолвкамъ и опискамъ, представляютъ собою значительное разнообразіе, но все же и онѣ укладываются въ нѣкоторые типы, сводящіеся къ тремъ главнымъ: мы можемъ неправильно заслышать отдѣльные звуки (фонетическія ослышки), или неправильно воспринять морфологическій составъ словъ (ошибочная морфологизація), или—наконецъ—неправильно истолковать смыслъ тѣхъ или другихъ словъ (ошибочная семазіологизація). Къ какимъ бы изъ этихъ типовъ ни относились ослышки, онѣ имѣютъ своимъ источникомъ частичное недослышиваніе звуковъ и словъ, и тогда мы подставляемъ вмѣсто неясно заслышаннаго акустически-родственные элементы, согласующіеся въ то же время и съ мо-

[1]) Мы имѣли случай изучать такія ослышки по записной тетради одного учащагося; но такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ могли произойти и отъ неточности припоминанія, вслѣдствіе большаго или меньшаго отставанія процесса записи отъ слышимаго, то взятые отсюда примѣры я привожу въ кавычкахъ, въ отличіе отъ другихъ ослышекъ, непосредственно замѣченныхъ мною.

ментами морфологическимъ и смысловымъ (встрѣчается и полное недослышиваніе словъ или ихъ частей, и тогда возсозданіе недослышаннаго можетъ произойти лишь согласно смысловому моменту). Такимъ образомъ указанные типы обычно не являются въ чистомъ видѣ, но каждая ослышка представляетъ смѣшеніе ихъ, лишь съ преобладаніемъ какого-либо изъ нихъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію **фонетическихъ** замѣнъ при ослышкахъ, мы примемъ за основаніе классификаціи акустическую природу звуковъ (гласныхъ и согласныхъ) дѣйствительно произнесенныхъ и звуковъ послышавшихся.

Въ области гласныхъ звуковъ чаще всего подвергаются субституціи и совершенно недослышиваются неударяемые гласные (особенно въ наиболѣе слабыхъ положеніяхъ), при чемъ смѣшиваются между собою близкіе по слышимому звуку гласные, напр. орѳ. *О—У*, *Я—Е—І* (мотóвязокъ→м*у*т*о*л*и*з*о*к*ъ*; субституція *у* при предшествующемъ губномъ гласномъ), *Е—І* (вѣдійскій → л*и*д*і*йск*і*й) и т. д.; кромѣ того, при извѣстныхъ условіяхъ, особенно подъ вліяніемъ мягкости сосѣднихъ согласныхъ, могутъ смѣшиваться гласные разныхъ рядовъ, напр. губные съ палятальными (срв. по*люсы*→по л*ъ*с*у*), иногда смѣшиваются даже ударяемые гласные (напр. говядина → г*о*в*ъ*д*и*н*а*); наконецъ, слабые гласные звуки могутъ и вовсе недослышиваться (срв. *А*малія Ивановна → Марья Ивановна; к*а*ково́→к*о*в*о* съ болѣе сильнымъ *к*, *у*ченикъ→женихъ, Модестовъ → „М*о*д*е*ст*ъ*“).

Что касается согласныхъ звуковъ, то, въ зависимости отъ численнаго преобладанія ихъ надъ гласными и бо́льшаго разнообразія, и ослышки въ области согласныхъ представляютъ болѣе частныхъ категорій сравнительно съ гласными, при чемъ и здѣсь субституціямъ благопріятствуютъ неударенность положенія и акустическое сродство согласныхъ, мягкость же послѣднихъ еще болѣе сближаетъ ихъ ме-

жду собою и тѣмъ самымъ сильно способствуетъ акустическимъ замѣнамъ. Примѣры:

1) Смѣшеніе *звонкихъ* и соотвѣтствующихъ *глухихъ* согласныхъ: гора→*к* о р а, *д*очка→*т* о ч к а, *д*рова→*т* р а в а, *п*лебеи→„*б* л е б е и“, педологія→„п е *т* о л о г і я“, Зигварта→„З и г в а р *д* а“, *Ф*идія→„*В* и г і я“.

2) Смѣшеніе *носовыхъ*, особенно мягкихъ; напр.: Арно→„А р *м* о“; *ami* (франц.)→*а*н'і.

3) Смѣшеніе *плавныхъ* согласныхъ (особенно мягкихъ) между собою, а также *л'* и отчасти *р'* съ звонкими придувными *в'* и j; срв.: Амалія Ивановна→Ма*р*ья Ивановна; *в*едійскій→*л* и д і й с к і й, „мото*в*язокъ“→м у т о *л* и з о к ъ, пришью (т. е.-шју)→п р и ш *л* ю, *Л*вица→„*Л* я р и с а“, и т. п.

4) Смѣшеніе между собою *взрывныхъ* разнаго органа произношенія (какъ твердыхъ, такъ и мягкихъ): *б*рѣю→*г* р ѣ ю, Лигурійская→„*Л* и *б* у р і й с к а я“, *B*ühne→*G* ü n e, Карякинъ→С к а р я *т* и н ъ, *к*уртизанка→„*п* у р т и з а н к а“.

5) Смѣшеніе *взрывнаго* съ соотвѣтствующимъ *придувнымъ*: ученикъ→*ж* е н и х ъ.

6) Замѣна *придувнаго* акустически-сроднымъ другимъ *придувнымъ*: басня→б а *ш* н я.

7) Вставка и пропускъ согласнаго: Момсенъ→„М о м *п* с е н ъ“, gens'a→„г е н *ц* а“, Модесто*в*ъ→„М о д е с *т* ъ“.

Примѣчаніе. При полномъ недослышиваніи звука въ словѣ, этотъ послѣдній можетъ субститироваться и совершенно несходнымъ звукомъ, если чрезъ это получается имѣющееся въ языкѣ слово, созвучное во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ съ произнесеннымъ, срв. *ж*илетъ→*б* и л е т ъ.

Скажемъ теперь о **морфологизаціи** при ослышкахъ. Какъ мы уже упоминали, обычно ослышки являются результатомъ одновременнаго дѣйствія моментовъ фонетическаго и морфологическо-семазіологическаго. Поэтому въ приведенныхъ раньше примѣрахъ лишь сравнительно немногіе представляютъ чисто-фонетическій типъ, въ большинствѣ же случаевъ въ

нихъ мы наблюдаемъ и морфологизацію. Такъ, напр., если вмѣсто г о р а послышалось *к* о р а, то замѣна начальнаго согласнаго другимъ акустически-сроднымъ приняла именно это направленіе потому, что въ языкѣ существуетъ слово съ данной звуковой субституціей; срв. далѣе: *д*рова→*т*р а в а и др. Подобнымъ образомъ могутъ происходить также субституціи и въ отношеніи придаточныхъ морфемъ, напр. жен*ихъ*→у ч е н*ик*ъ. Весьма интересны при морфологическихъ замѣнахъ случаи переразложенія, напр. Du-Bois Reymond→Г и б о *А*р и м о нъ, (борьба) съ *Са*мнитскими племенами →„съ *А* м н и ц к и м и пл.“, *До*миціана→ „*до* М е ц і а н а“, *фо*нетика → ф о нъ-э т и к а, въ ведаическомъ → *въ и* д а и ч е с к о м ъ, отдѣлъ→о т ъ д ѣ л ъ и т. п. Нѣкоторыя изъ только что приведенныхъ примѣровъ представляютъ лишь ошибочную морфологизацію безъ настоящей ослышки.

Близко къ морфологическимъ ослышкамъ стоитъ ошибочная **семазіологизація** воспринятыхъ словъ, такъ тѣсно сливающаяся съ первыми, что нерѣдко весьма трудно провести между ними рѣзкую границу. Такъ, въ послѣднихъ примѣрахъ (напр. фонетика→ф о нъ-э т и к а) морфологическое переразложеніе опирается на ошибочную семазіологизацію. Слѣдующій примѣръ можетъ дать наглядное представленіе о моментѣ ошибочной семазіологизаціи и о связи его съ другими моментами: было произнесено *Эзопова басня*, а послышалось Э з о п ъ в ъ б а ш н ѣ, благодаря тому, что въ первомъ изъ произнесенныхъ словъ гласные обоихъ послѣднихъ слоговъ вслѣдствіе своей слабости и мимолетности не были дослышаны, а согласный *в* былъ принятъ въ смыслѣ предлога, что̀ затѣмъ въ связи съ семазіологическимъ моментомъ вызвало субституцію звука *с* посредствомъ *ш* во второмъ словѣ; когда же затѣмъ Эзопъ былъ названъ баснописцемъ, то ослышавшійся, не будучи въ состояніи сразу отказаться отъ того направленія, которое приняла его мысль, составилъ себѣ представленіе, что Эзопъ писалъ свои басни въ башнѣ.

Бросая общій взглядъ на разсмотрѣнное нами явленіе ослышекъ, мы можемъ сдѣлать на основаніи изложеннаго нѣкоторые выводы о природѣ акустическаго воспріятія, а также и о значеніи этого момента въ исторіи языка. Звуки рѣчи, воспринимаемые нашимъ слухомъ, хотя и кажутся намъ простыми недѣлимыми единицами, на самомъ дѣлѣ имѣютъ сложную акустическую природу; только при этомъ допущеніи и можно понять возможность ослышекъ, опирающихся на акустическое сродство звуковъ. Очевидно, каждый слышимый звукъ рѣчи состоитъ изъ еще болѣе простыхъ слуховыхъ элементовъ, нѣкоторая часть которыхъ и является общею въ звукахъ акустически-родственныхъ; при воспріятіи звука мы можемъ заслышать его элементы не во всей ихъ совокупности, а лишь ту или другую часть ихъ, которая роднитъ данное звукоощущеніе съ другимъ; отсюда и получается возможность дополненія недослышанныхъ слуховыхъ элементовъ въ томъ или иномъ направленіи, что̀ и составляетъ сущность фонетическихъ ослышекъ. Этотъ процессъ имѣетъ немаловажное значеніе и въ исторіи языка, гдѣ т. наз. „акустическія замѣны звуковъ“ [1]) основываются именно на моментѣ недослышиванія, при чемъ неправильно заслышанныя слова получаютъ путемъ подражанія болѣе широкое распространеніе. Что касается ошибочныхъ морфологизаціи и семазіологизаціи, то процессы эти также встрѣчаются въ исторіи языка, гдѣ они извѣстны подъ именемъ „народной этимологіи“. [2])

---

[1]) Примѣры см. въ моемъ Общемъ курсѣ русской грамматики (1913), стр. 123—125.

[2]) Отмѣтимъ, что иногда встрѣчаются среди простонародья и полуобразованныхъ индивидуумы весьма воспріимчивые къ иностраннымъ словамъ, которыя усваиваются ими не только въ фонетико-морфологической передѣлкѣ, но и съ своеобразнымъ семазіологическимъ освѣщеніемъ; вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ передѣлокъ изъ устъ одного обитателя Свіяжскаго у. Казанской губ.: *звѣздонинъ* (вм. мезонинъ), *трыкличество* (электричество), *куплиманъ* (въ смыслѣ «сюрпризъ») и *суплицъ* (въ смыслѣ «компли-

Г. Ошибки припоминанія словъ.

Какъ ни автоматично-простъ представляется намъ процессъ выраженія нашихъ мыслей посредствомъ словъ, однако въ дѣйствительности онъ весьма сложенъ, при чемъ помимо другихъ моментовъ, уже разсматривавшихся нами, въ него привходитъ еще моментъ припоминанія, которое представляетъ собою какъ бы родъ внутренней рѣчи и обычно совершается такъ быстро и безсознательно, что почти не ощущается говорящимъ. Впрочемъ встрѣчаются случаи, когда процессъ припоминанія отчетливо сознается нами, и это бываетъ, когда память неожиданно измѣняетъ намъ и требующееся слово, которое — какъ намъ чувствуется — мы знаемъ, тѣмъ не менѣе, не смотря на попытки проявиться въ нашемъ сознаніи, никакъ не можетъ вспомниться нами или неправильно вспоминается. Если мы постараемся фиксировать эти попытки и отмѣчать, въ какомъ видѣ вспомнилось нами то или другое слово, то разсмотрѣніе подобнаго матеріала можетъ вести къ выясненію психо-физіологическаго процесса припоминанія.

Всматриваясь въ случаи затрудненнаго припоминанія, можно подмѣтить, что чаще всего они касаются такихъ словъ, которыя имѣютъ единичный характеръ, т. е. не могутъ быть замѣнены какимъ-либо синонимичнымъ другимъ, каковы напр. имена собственныя, или же вообще принадлежатъ къ числу словъ, рѣдко примѣняемыхъ, каковы напр. многія иностранныя слова. Отчего, спрашивается, происходятъ эти затрудненія въ припоминаніи? Мы уже знаемъ, что каждое слово нашей рѣчи является сложнымъ комплексомъ звуковъ и морфемъ, связанныхъ съ опредѣленнымъ семазіологическимъ представленіемъ. Въ силу привычной ассоціаціи семазіологи-

---

мент»), *гара́нтія*—бранное слово. Кажется однако, что нѣкоторыя замѣны произошли въ этихъ словахъ не въ моментъ слышанія, но уже послѣ, при припоминаніи; объ этомъ факторѣ при замѣнахъ мы говоримъ далѣе.

ческія представленія легко и незамѣтно вызываютъ остальныя звенья этого комплекса, т. е. слова въ ихъ звукахъ и морфемахъ, но можетъ случиться, что какой-либо изъ этихъ элементовъ временно выпадаетъ изъ представленія словеснаго комплекса, такъ что вмѣсто цѣлаго слова въ сознаніи всплываетъ лишь нѣкоторая часть комплекса—фонетическая, морфологическая или семазіологическая, въ отдѣльности или же въ какомъ-либо сочетаніи (въ зависимости отъ того, на какую сторону въ словѣ было обращено больше вниманія).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда припоминаніе происходитъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ **звуковаго** момента, въ сознаніи всплываютъ особенно часто начальные звуки слова и конечные; нерѣдко также изъ всего слова въ памяти остаются лишь нѣкоторые звуки (главнымъ образомъ согласные и ударенный слогъ), изъ которыхъ затѣмъ при воспоминаніи комбинируется новое слово, иногда съ перестановкою частей по сравненію съ дѣйствительно слышаннымъ; наконецъ, обычно удерживается въ памяти число слоговъ и расположеніе ихъ относительно ударенія, т. е. ритмъ слова.[1]) Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ категорій и приведемъ соотвѣтствующіе примѣры. *Начальные звуки* словъ наиболѣе останавливаютъ на себѣ наше вниманіе, и поэтому мы нерѣдко при припоминаніи слова вспоминаемъ именно эти звуки, хотя бы остальная часть слова и ускользнула изъ нашей памяти. Насколько важны для припоминанія начальные звуки, доказываютъ еще и тѣ нерѣдкіе случаи, когда припоминающему достаточно подсказать ихъ, чтобы онъ легко вспомнилъ цѣлое слово. Въ качествѣ примѣровъ укажемъ: изъ лат. термина *sublimatio*, произнесеннаго одинъ разъ, субъектъ, не знающій латинскаго языка, запомнилъ правильно лишь началь-

[1]) Если припоминаемое слово было не только слышано нами, но и произносилось, то оживленію его въ памяти можетъ содѣйствовать также и мышечно-ощзательное чувство органовъ рѣчи.

ный звукъ *s*, а остальные звуки при воспроизведеніи этого слова частью переставилъ, частью субститировалъ другими, и притомъ только въ предѣлѣ начальныхъ двухъ слоговъ (конца же не могъ припомнить), такъ что получилось сочетаніе с т ю л и...; вмѣсто фамиліи „*П*утилова“ вспомнилась фамилія *П* а в л и щ е в а, фамилія же „*Конд*ратовичъ“→ *Конд*оратская, и т. п. Не всегда однако въ памяти остается начало слова, а иногда просто *нѣкоторые звуки*, очевидно почему-то болѣе поразившіе вниманіе. Такъ, напр., одинъ крестьянинъ запомнилъ домъ „Эккермана“ въ видѣ М а р к о в а, уловивъ изъ всего звуковаго комплекса ударенный слогъ *ма*, къ которому присоединилъ характерные согласные *р* и *к*. Въ качествѣ примѣровъ *перестановки* при припоминаніи укажемъ: Gerber → Berger, Густавъ → *Ав*густъ; лицо полуобразованное припомнило слово „зефиръ“ въ видѣ в е з и р ъ (при чемъ кромѣ перестановки произошла еще замѣна глухаго придувнаго *ф*' соотвѣтствующимъ звонкимъ); и т. д. Что касается *ритма словъ*, то, какъ мы указывали выше, большинство словъ воспроизводится въ памяти съ сохраненіемъ таковаго, примѣры чего видимъ и въ приведенныхъ уже случаяхъ припоминанія.

Обычно звуковой моментъ при припоминаніи словъ усложняется моментомъ **морфологическимъ**; такъ, напр., можетъ запомниться какая-нибудь морфема слова, которая затѣмъ въ связи съ другими звуковыми слѣдами помогаетъ оживить въ памяти, хотя бы и ошибочно, остальную часть слова; срв. вмѣсто фамиліи „Лянгель“ припомнилась фамилія Г е н к е л ь (тоже извѣстная лицу припомнившему), при чемъ, очевидно, наибольшее впечатлѣніе на память произвело окончаніе *-ель* въ сочетаніи съ предшествующимъ звукосочетаніемъ носоваго согласнаго съ заднеязычнымъ взрывнымъ; что же касается начала слова, то оно выпало изъ памяти и субститировалось другимъ, совершенно несходнымъ, но съ сохраненіемъ ритма.

Наконецъ, весьма существенную роль для припоминанія играетъ **семазіологическій** моментъ, благодаря тому, что слова, поступая въ нашу память, безсознательно зачисляются по нѣкоторымъ смысловымъ признакамъ въ ту или другую семазіологическую группу. Можетъ случиться, что въ памяти останется лишь эта реально-смысловая группа, а частное названіе выпадетъ, и тогда при воспроизведеніи вмѣсто нужнаго слова можетъ припомниться другое изъ той же родовой категоріи и притомъ болѣе или менѣе подходящее къ даннымъ фонетико-морфологическимъ условіямъ; срв. вм. „*Бѣлкинъ*“ припомнилось *Мышкинъ*, „*Орловъ*“→*Соколовъ* и т. п. [1])

Заканчивая вопросъ объ ошибкахъ припоминанія словъ, мы должны замѣтить, что изученіе его, подобно изученію обмолвокъ и ослышекъ, также проливаетъ свѣтъ на психофизіологическую сторону нашей мысли-рѣчи и помогаетъ установленію тѣхъ фонетическихъ, морфологическихъ и семазіологическихъ элементовъ, которыми мы оперируемъ въ нашей рѣчи. Кромѣ того, изученіе ошибокъ припоминанія позволяетъ правильнѣе оцѣнивать случаи „народной этимологіи“, изъ которыхъ иные могутъ быть объяснены не ошибками при слушаніи, но ошибочнымъ припоминаніемъ (срв. напр. народное произношеніе „намисто“ вм. „монисто“ и т. п.).

---

[1]) Подобнаго рода лексическія субституціи, основывающіяся на приблизительномъ запоминаніи смысла и ритма словъ, нерѣдко случается наблюдать при чтеніи стиховъ наизусть. Такъ, мы подмѣтили слѣдующія ошибочныя субституціи при чтеніи стихотвореній гр. *А. К. Толстаго*:

Раздавалась (вм. разливалась) въ безмолвіи ночи...
Въ нихъ разсказъ упоительно-лживый (вм. убѣдительно-лживый)...
И потеряно такъ безвозвратно (вм. невозвратно)...
Затихали (вм. замирали) и пѣли сначала...
«Онъ водилъ по струнамъ» (см. т. I, 1882, стр. 250—251).
Подъ небомъ (вм. надъ моремъ) вѣчно голубымъ.
Крымское стихотвореніе (тамъ же, стр. 328).

Необходимо допустить, что и въ народной словесности многіе лексическіе варіанты обязаны такому же приблизительному припоминанію.

Д. Случаи патологическіе.

Всѣ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ погрѣшности рѣчи представляютъ собою случайныя явленія подъ вліяніемъ незначительныхъ уклоненій отъ нормальныхъ условій и потому даютъ лишь намеки на составъ ассоціативнаго аггрегата рѣчи. Гораздо ярче выступаетъ составъ послѣдняго при изслѣдованіи случаевъ чисто патологическихъ, въ которыхъ нерѣдко проявляются черты опредѣленныхъ разстройствъ съ болѣе постояннымъ характеромъ и потому дающія больше основаній для сужденія о психофизіологическомъ механизмѣ нашего слова. Такими разстройствами являются главнымъ образомъ разнообразные виды *афазіи* и *заиканіе*.

Мы уже имѣли поводъ выяснять (стр. 106 — 111) въ общихъ чертахъ сущность перваго изъ названныхъ явленій, здѣсь же позволимъ себѣ остановиться на одномъ конкретномъ случаѣ *чистой афазіи*. [1]) Объектомъ нашего наблюденія служилъ одинъ въ общемъ здоровый мастеровой, 37 лѣтъ, грамотный, получившій разстройства рѣчи (а также чтенія и письма) вслѣдствіе ушибовъ головы въ области лѣваго полушарія и вызваннаго имъ внутренне-мозговаго кровоизліянія. При поступленіи въ клинику (на пятый день послѣ ушиба) больной не могъ ничего говорить, кромѣ „да“ и „нѣтъ“, при довольно удовлетворительномъ пониманіи рѣчи другихъ; съ каждымъ днемъ состояніе его улучшалось, такъ что черезъ двѣ недѣли послѣ своего поступленія въ клинику онъ могъ уже выписаться. Я сталъ наблюдать его съ шестаго дня пребыванія его въ клиникѣ, и вотъ какая картина представилась мнѣ при моихъ наблюденіяхъ.

Больной, казавшійся съ виду здоровымъ, понималъ обращаемые къ нему вопросы, но затруднялся въ отвѣтахъ. Видно

---

[1]) Этотъ случай изучался нами въ 1899 г. по предложенію проф. Л. О. Даркшевича въ университетской клиникѣ нервныхъ болѣзней.

было, что нѣкоторыя слова не шли ему на языкъ, не смотря на большія усилія съ его стороны. Объ этихъ послѣднихъ свидѣтельствовали какъ нѣкоторые жесты больнаго, безпомощно подносившаго напр. руку къ головѣ, такъ и напряженное выраженіе лица съ двумя выступавшими вертикальными складками на лбу. Всѣмъ этимъ больной нашъ напоминалъ человѣка, забывшаго нужное слово и тщетно старающагося припомнить его, съ той однакожъ разницей, что подобныя затрудненія встрѣчались у него на каждомъ шагу. Изъ сказаннаго до сихъ поръ очевидно, что у больнаго путь въ мозгу отъ центра слышимой рѣчи къ центру понятій дѣйствовалъ исправно, ибо пониманіе рѣчи другихъ совершалось безпрепятственно, но путь отъ центра понятій къ произносительно-рѣчевымъ центрамъ былъ значительно заторможенъ. Однако, когда больному подсказывалось требующееся слово, онъ подтверждалъ и могъ повторить его, а это доказываетъ, что помимо обычнаго пути отъ понятій къ произношенію существуетъ еще иной, непосредственно ведущій отъ слуховыхъ центровъ къ произносительно-артикуляціоннымъ. При этомъ больной могъ повторять не только знакомыя слова, но и неизвѣстныя ему (въ томъ числѣ искусственныя), что еще болѣе подтверждаетъ существованіе упомянутаго пути. [1]) Отсюда слѣдуетъ, что кровоизліяніе въ періодѣ нашихъ наблюденій занимало переходный участокъ между главнымъ произносительно-смысловымъ центромъ и частными артикуляціонными, почти не затрагивая этихъ послѣднихъ; мы говоримъ—„почти“, потому что—какъ увидимъ далѣе—и нѣкоторыя артикуляціонныя работы были слегка затруднены. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ недостатковъ рѣчи больнаго арти-

[1]) Можно думать, что этому именно пути соотвѣтствуетъ рефлекторный путь подражанія слышимымъ словамъ у маленькихъ дѣтей въ извѣстный періодъ, а также у нѣкоторыхъ говорящихъ птицъ, какъ напр. попугаевъ.

куляціонныхъ, лексическихъ и синтаксическихъ, какъ они обнаруживались при нашихъ наблюденіяхъ.

Артикуляціонныя разстройства сказывались главнымъ образомъ невнятнымъ, ослабленнымъ произношеніемъ придувныхъ согласныхъ, особенно въ сочетаніи съ другими согласными, напр. *студенты*, *спать*, *двѣнадцать*, гдѣ придувное *с* и *в* именно имѣли такое редуцированное произношеніе; затруднительнымъ для произношенія звукомъ оказался также прерывисто-придувной согласный *р* и тоже въ группахъ согласныхъ, напр. *право*, *среда*. Всѣ эти разстройства указываютъ на легкое функціональное нарушеніе дѣятельности соотвѣтствующихъ нервовъ, благодаря чему оказалась затрудненною лишь наиболѣе трудная для выполненія звуковая категорія, именно спирантовъ и *р*,[1]) всѣ же остальные звуки выполнялись свободно и правильно. Отмѣтимъ еще нѣкоторую монотонность произношенія, зависѣвшую отъ ослабленнаго функціонированія гортани, а можетъ быть и отъ подавленнаго состоянія больнаго.

Со стороны лексическо-морфологической можно отмѣтить, что при вспоминаніи нужнаго слова на языкъ больнаго навертывались иногда другія слова, но родственныя по корню съ требующимся словомъ; такъ, желая назвать ручку, больной произносилъ „рука“, „рукавъ“, а такъ какъ ухо свидѣтельствовало о неудачности этихъ попытокъ, то онъ принужденъ былъ отказаться отъ нихъ. Этотъ случай лишній разъ подтверждаетъ, что слова въ нашемъ умѣ дѣйствительно образуютъ группы по морфологическому сродству. Вполнѣ естественно, что при вспоминаніи названій со скуднымъ морфологическимъ родствомъ даже и такія попытки должны были отсутствовать; и въ самомъ дѣлѣ больной, правильно назвавъ „столъ“, „окно“, никакъ не могъ назвать лампу.[2])

---

[1]) Припомнимъ, что именно эти звуки оказываются наиболѣе трудно усвояемыми у дѣтей при изученіи родной рѣчи (см. выше стр. 96—97).

[2]) Кромѣ морфологическаго момента при припоминаніи словъ у больныхъ афазіей играютъ роль и всѣ тѣ фонетическіе моменты, о которыхъ

Въ синтаксическомъ отношеніи рѣчевыя разстройства больнаго обнаруживались съ особенною яркостью въ безсвязности и недоговариваніи фразъ. Вотъ нѣкоторые примѣры его фразъ: „въ умѣ-то...., а говорить-то....“; „въ умѣ-то...., названіе-то никакъ....“; „студенты были, они тоже....“; „шумъ въ головѣ; я стану писать, а онъ все....“; и т. п. Не трудно замѣтить одну характерную черту, проходящую почти черезъ всѣ эти примѣры, а именно—отсутствіе сказуемаго при наличности другихъ членовъ предложенія. На нашъ взглядъ это свидѣтельствуетъ объ особомъ характерѣ *психофизіологической природы глагола-сказуемаго*, заключающемся въ томъ, что глагольное сказуемое, не будучи особымъ предметнымъ представленіемъ, а лишь представленіемъ дѣйствующаго признака, обладаетъ соотвѣтственно меньшею образностью и конкретностью, вслѣдствіе чего и самый подборъ его къ данному подлежащему или (въ безличномъ предложеніи) къ другимъ названнымъ словамъ представляетъ болѣе трудную работу, являясь актомъ болѣе сложнаго безсознательнаго умозаключенія по сравненію съ простымъ называніемъ вещей.

Обращаясь къ чтенію больнаго, предварительно замѣтимъ вообще, что процессъ чтенія вслухъ представляетъ собою переходъ отъ воспринимаемыхъ зрѣніемъ буквенныхъ образовъ къ моторной рѣчевой дѣятельности, затрагивающей также область понятій и вызывающей соотвѣтствующіе акустическіе эффекты. Такимъ образомъ, и при чтеніи участвуетъ тотъ общій произносительный путь, который служитъ для рѣчи и который, какъ мы знаемъ, у больнаго отчасти пострадалъ отъ кровоизліянія, а потому естественно было ожидать, что нашъ больной при чтеніи вслухъ будетъ дѣлать ошиб-

---

мы говорили выше по поводу ошибочнаго припоминанія; такъ, одинъ больной, желая сказать слово «чернильница», старался воспроизвести его по сохранившимся въ памяти суффиксу *-ница*, ритму и нѣкоторымъ звукамъ и выговорилъ «*ресйшница*» (отчасти, вѣроятно, подъ вліяніемъ слова «песочница»).

ки, что̀ дѣйствительно и оказалось при испытаніи. При этомъ ошибки въ чтеніи представляли нѣкоторыя особенности по сравненію съ самостоятельною рѣчью больнаго, и это конечно проистекало отъ того, что при чтеніи не происходитъ придумыванія словъ, а лишь воспроизводится готовое написанное. Самыя ошибки при чтеніи по своимъ типамъ нѣсколько напоминали обмолвки, съ тою особенностью, что выражались въ слишкомъ рѣзко-неправильной формѣ. Матеріаломъ для чтенія больнаго послужилъ начальный отрывокъ изъ разсказа *Осъ и чека*: „Ѣхалъ извощикъ Семенъ съ кладью глухой дорогой по голому, ровному, степному мѣсту“; при чтеніи этихъ строкъ больной сдѣлалъ ошибки слѣдующихъ типовъ: 1) звукоартикуляціонныя, представлявшія взаимную *мѣну* парныхъ согласныхъ, напр. звонкихъ и соотвѣтствующихъ глухихъ (прочиталъ вм. „съ“ — з а, вм. „го“ — к а), и вообще частично сходныхъ (*р* и *л* и др.), также *пропуски* (особенно j, напр. „-дью“ → -д у) и, наконецъ, въ болѣе затруднительныхъ случаяхъ *подстановку* излюбленныхъ звуковъ, чаще всего *т* и вообще переднеязычныхъ; 2) морфологическія, состоявшія въ механическомъ договариваніи по аналогіи къ другимъ словамъ, частично сходнымъ по звукамъ, напр. „съ кладью“ → з а к р ы л а, „дорогой“ → д о р о в а (можетъ быть по аналогіи къ слову „здорова“), „пустая“ → п у т ь и т. п. Отмѣченные типы ошибокъ проявлялись и при повторномъ чтеніи, но уже представляли иныя варіаціи. Кромѣ того, больной допустилъ рядъ ошибокъ, представлявшихъ слишкомъ значительныя отклоненія отъ нормы и лишь самымъ отдаленнымъ образомъ напоминавшія дѣйствительно написанное; напр. вмѣсто „голо-“ онъ прочелъ с у т о-, что вѣроятно надо объяснить усилившимся утомленіемъ, которое и вообще оказывало ухудшающее вліяніе на его рѣчь.[1]) При подобныхъ крупныхъ

[1]) Чтеніе становилось болѣе неправильнымъ также при торопливости; если же больной не спѣшилъ, то читалъ значительно лучше, хотя и монотонно.

ошибкахъ больной самъ обнаруживалъ недовольство и прерывалъ свое чтеніе отрицательнымъ замѣчаніемъ „нѣтъ“; это доказываетъ, что зрительные буквенные образы правильно воспринимались больнымъ, а также правильно оцѣнивался и слуховой эффектъ, искаженіе же невольно происходило при переходѣ на двигательный рѣчевой путь.

Что касается письма больнаго, то мы изслѣдовали его съ двухъ сторонъ, а именно—со стороны списыванья и диктовки, а такъ какъ эти два рода письма отчасти различны по участвующимъ при нихъ мозговымъ центрамъ и путямъ, то мы разсмотримъ тотъ и другой процессъ особо.

Письмо подъ диктовку представляетъ собою переходъ отъ воспринимаемыхъ слуховыхъ образовъ, возбуждающихъ понятія, къ письменному изображенію, при чемъ оцѣнка или контроль написаннаго происходитъ черезъ сравненіе слуховыхъ образовъ отъ диктуемаго и зрительныхъ отъ написанія. Процессъ этотъ у нашего больнаго усложнялся тѣмъ, что послѣдній былъ малограмотенъ, и поэтому слуховые образы диктуемаго, прежде чѣмъ перейти въ моторную дѣятельность письма, проходили еще стадію вышептыванія, т. е. — чрезъ звукоартикуляціонные центры. При этомъ ошибки письма представляли частію типы звукоартикуляціонные, частію вызывались дѣйствіемъ случайныхъ аналогій, а частію были чисто графическіе. Приведемъ для примѣра написанія больнаго изъ того же продиктованнаго отрывка, который служилъ и для чтенія: *2 бочсъ жхъцъ жвощитъ смонъ стлънъ Гхотъ...* (=Двѣ бочки. Ѣхалъ извощикъ Семенъ съ кладью глухой...). Всматриваясь въ приведенныя ошибочныя написанія, мы замѣчаемъ особенное расположеніе къ начертанію *т* (встрѣчающемуся вмѣсто *к* два раза и вм. *й*), т. е. аналогично съ тѣмъ, что мы замѣтили при чтеніи; такое же пристрастіе, но уже чисто графическаго свойства, больной проявилъ къ написанію буквы *з*, особенно въ концѣ словъ; далѣе замѣчаемъ субституцію буквъ отчасти для сходныхъ по артикуля-

ціи звуковъ (напр. *ж* вм. *з*), отчасти же и для совершенно различныхъ (напр. *с* вм. *к*, *ц* вм. *л*); наконецъ, въ письмѣ больнаго можно усмотрѣть и написанія по аналогіи, напр. конечное *нъ* въ словѣ „съ кладью“ очевидно вызвано окончаніемъ предшествующаго слова „Семенъ“. Ошибки при диктовкѣ, подобно чтенію, не имѣли постояннаго свойства, т. е. больной при повтореніи того же текста въ однихъ и тѣхъ же словахъ ошибался различно, но самые типы ошибокъ оказывались постоянными; число ошибокъ по мѣрѣ утомленія возрастало и онѣ становились болѣе грубыми, особенно если диктуемое слово не расчленялось на слоги и звуки, такъ что при писаніи его больной былъ предоставленъ самому себѣ.

Обращаясь къ списыванію, замѣтимъ, что этотъ процессъ можетъ совершаться безъ участія понятій и звукоартикуляціонныхъ центровъ, переходя непосредственно отъ воспринимаемыхъ зрительныхъ образовъ на моторно-графическую дѣятельность. Именно такимъ образомъ производилось списыванье и нашимъ больнымъ, который могъ списать безукоризненно, но буква за буквой, при чемъ для каждой буквы онъ особо взглядывалъ на печатный текстъ. Очевидно, что зрительно-двигательный путь для копированія буквъ какъ хорошо знакомыхъ и привычныхъ рисунковъ (безъ сознанія ихъ звуковаго значенія) былъ цѣлъ; срв. выше (стр. 171) правильное воспроизведеніе больнымъ произношенія любаго сказаннаго ему слова.

Заканчивая характеристику рѣчевыхъ разстройствъ у нашего больнаго, мы не можемъ обойти молчаніемъ и вопроса о состояніи его мышленія. Уже à priori можно предположить, что послѣднее было затруднено, такъ какъ орудіе мышленія, т. е. рѣчь, пострадала отъ болѣзни. И дѣйствительно, самъ больной не разъ высказывалъ сѣтованіе на затрудненность своего мышленія: „Все какъ-то голова—ничего не варится“, говорилъ онъ. Самое затрудненіе, по объясненію больнаго, проистекало отъ шума въ головѣ и особенно въ лѣвомъ ухѣ:

„Какъ начнешь думать, такъ сейчасъ ухо-то ничего не даетъ". Здѣсь мы имѣемъ снова подтвержденіе тѣсной связи мышленія съ словесною рѣчью и ея центрами, безъ посредства которыхъ оно не можетъ существовать, или бываетъ крайне не полно (срв. стр. 155).

Намъ осталось еще сказать нѣсколько словъ по поводу другаго болѣзненнаго явленія рѣчи—*заиканія*. Сущность этого чисто артикуляціоннаго разстройства заключается въ томъ, что больной не можетъ произнести слитно какой-нибудь слогъ, состоящій изъ сочетанія согласнаго или группы соласныхъ съ гласнымъ вслѣдствіе судорожной задержки на средней части согласнаго, чѣмъ именно и нарушается дальнѣйшее правильное сліяніе рекурсіи даннаго звука съ экскурсіей слѣдующаго; невозможность преодолѣть это препятствіе вызываетъ повторныя попытки произнести это звукосочетаніе, пока наконецъ больному не удастся цѣликомъ выговорить требующееся слово. Подобное спотыканіе происходитъ какъ по отношенію къ начальнымъ слогамъ словъ (въ началѣ фразы или же въ серединѣ), такъ и внутреннимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда спотыканіе происходитъ не съ самаго начала фразы, оно производитъ на слушающаго такое впечатлѣніе, какъ будто-бы согласный былъ оторванъ отъ своего слога и присоединенъ къ непосредственно предшествующему. Приведемъ нѣсколько примѣровъ заиканія: а) въ слогахъ изъ согласнаго съ гласнымъ: [1]) леж]алъ, пот]омъ, я з]наю и др.; б) въ слогахъ изъ группы согласныхъ съ гласнымъ: с]прашиваетъ, для с]котины, х]лѣбъ и др. Замѣтимъ, что порча слоговой границы въ произношеніи заикъ подчинена извѣстной законности, варіирующей однако по индивидуумамъ. Можно полагать, что детальное изслѣдованіе заиканія помо-

[1]) Знакъ], стоящій за согласнымъ, показываетъ, что именно на этомъ согласномъ произошло заиканіе.

жетъ лучшему освѣщенію природы слога вообще и мѣста слоговой границы при согласныхъ группахъ въ частности.

Заканчивая настоящую лекцію, надѣемся, что наше изложеніе доказало всю важность изученія разнаго рода случайныхъ явленій въ индивидуальной рѣчи для пониманія жизни языка вообще; мы старались показать, какъ эти явленія, на которыхъ не принято останавливать вниманіе, получаютъ важность для выясненія аналогичныхъ явленій въ жизни цѣлаго языка.[1])

---

[1]) Къ литературѣ предмета: Baudouin de Courtenay J. Z patologii i embryjologii języka (odb. z t. I «Prac filologicznych»), Warszawa 1885; Александровъ А. Субституты отдѣльныхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній нормальной русской рѣчи въ произношеніи индивидуума, у котораго вслѣдствіе рака ампутированъ языкъ (Р. Ф. В. за 1884 г., № 3); его же Наблюденія по патологіи рѣчи (Р. Ф. В. 1888, № 1); R. Meringer u. K. Mayer Versprechen und Verlesen. Eine psychologisch-linguistische Studie (1895); Погодинъ А. Внутренняя рѣчь и ея разстройства (Ж. М. Н. Пр. 1906, ноябрь); Аппель К. О новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія (Р. Ф. В. т. VI, 1881; на стр. 131—142 и 292 сл. авторъ касается разстройствъ рѣчи, опираясь главнымъ образомъ на трудъ Кусмауля «Die Störungen der Sprache»).

Лекція 14-ая.

Объ изученіи и преподаваніи роднаго языка и иностранныхъ.

Ознакомившись въ предыдущихъ чтеніяхъ съ природою языка въ психо-физіологическомъ освѣщеніи, мы обратимся теперь къ прикладной сторонѣ добытыхъ данныхъ, именно—къ примѣненію ихъ въ дѣлѣ преподаванія языка, какъ роднаго, такъ и иностранныхъ. Надѣемся, что это окажется не лишнимъ, такъ какъ и школьное преподаваніе нуждается въ научныхъ опорахъ, а между тѣмъ именно эта сторона преподаванія до сихъ поръ остается далеко еще не во всѣхъ частяхъ достаточно обоснованною. Прежде всего замѣтимъ, что для успѣшнаго обученія языку въ его устномъ и письменномъ употребленіи преподаватель, кромѣ обычнаго знанія учебнаго предмета, необходимо долженъ имѣть ясное представленіе о составѣ ассоціативнаго аггрегата мысли-рѣчи, такъ какъ именно всестороннее развитіе этого послѣдняго у учащихся и является настоящею цѣлью при преподаваніи языка. Въ дальнѣйшемъ мы располагаемъ свое краткое изложеніе по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) обученіе грамотѣ въ начальной школѣ, 2) обученіе родному языку въ средней школѣ и 3) обученіе въ средней школѣ языкамъ иностраннымъ—новымъ и древнимъ.

I. **Обученіе грамотѣ**, т. е. чтенію и письму, имѣетъ цѣлью не только развить и укрѣпить въ мозгу учащихся новые центры для зрительно-буквенныхъ представленій и соотвѣтствующей графическо-моторной дѣятельности, но также и установить тѣсную связь между всѣми этими новыми пріобрѣтеніями и первичнымъ ассоціативнымъ аггрегатомъ мысли-рѣчи, который пріобрѣтается всѣми естественнымъ путемъ съ-дѣтства. Благодаря постепенному прогрессу въ способахъ письменнаго изображенія словесной рѣчи, европейскіе народы уже съ давняго времени научились расчленять рѣчь на слова и звуки, принимая послѣдніе за простѣйшія единицы при письменной передачѣ. Такимъ образомъ письмо европейскихъ народовъ, въ томъ числѣ и русское письмо, по основному своему принципу является звуковымъ. Между тѣмъ въ сознаніи дѣтей, привыкшихъ къ устной родной рѣчи, эта послѣдняя является чѣмъ-то простымъ, не-разложимымъ, при чемъ они не видятъ ясно разницы даже между рѣчью и словомъ и не имѣютъ вовсе понятія о звуковыхъ элементахъ словъ. Отсюда, прежде чѣмъ учить дѣтей грамотѣ, задачею учителя является привести ихъ постепенно къ пониманію разложенія рѣчи на слова и словъ на звуки и лишь тогда перейти къ установленію въ ихъ умѣ ассоціаціи между представленіями звуковъ и буквенныхъ символовъ.

Среди разныхъ способовъ, примѣняемыхъ при обученіи грамотѣ, наиболѣе цѣлесообразнымъ слѣдуетъ признать тотъ естественный методъ, который опирается на *слуховой* моментъ произношенія. Мы называемъ этотъ методъ *естественнымъ*, потому что именно при помощи слуха въ связи съ мышечнымъ чувствомъ говорильнаго аппарата дѣти усваиваютъ родную рѣчь и привыкаютъ воспроизводить слышимое, при чемъ у нихъ устанавливается тѣсная ассоціаціонная связь между слуховыми типами звуковъ и соотвѣтствующими артикуляціонными укладами. Сущность указываемаго метода заключается въ слѣдующемъ. Учитель, слѣдуя прин-

ципу перехода отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, беретъ простѣйшія слова, разлагаетъ ихъ съ учениками на звуки и показываетъ соотвѣтствующія буквенныя изображенія. За этимъ моментомъ *анализа* слѣдуетъ тотъ моментъ *синтеза*, который обычно считается самымъ труднымъ дѣломъ при обученіи грамотѣ, именно—моментъ т. наз. „звукосліянія“, при которомъ ученикъ по даннымъ буквеннымъ изображеніямъ долженъ слитно произнести соотвѣтствующіе звуки. Мы думаемъ однако, что учить дѣтей звукосліянію не представляется нужнымъ, такъ какъ всѣ дѣти, говоря своимъ роднымъ языкомъ, фактически постоянно осуществляютъ этотъ процессъ и, даже болѣе того, *иначе произношенія звукосочетаній, кромѣ слитнаго, они не знаютъ*. Очевидно, педагоги, обучая дѣтей звукосліянію, какъ чему-то новому и трудному для учащихся, тѣмъ самымъ невольно усложняютъ и тормозятъ дѣло. Въ дѣйствительности обученіе дѣтей слитному чтенію должно заключаться въ томъ, что учитель, по разложеніи даннаго сочетанія на составные элементы, заставляетъ учащагося вспомнить прежнее произношеніе и вернуться этимъ путемъ къ исходному цѣлому, послужившему для анализа. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ лишь *подстановка* слитнаго произношенія, уже извѣстнаго ученикамъ, на мѣсто раздѣльнаго, а вовсе не процессъ сліянія раздѣльно произнесенныхъ звуковъ; такого сліянія на самомъ дѣлѣ и не можетъ быть, такъ какъ произношеніе звуковъ въ отдѣльности, какъ мы знаемъ (см. выше стр. 55—57), не совпадаетъ съ произношеніемъ ихъ въ звукосочетаніи, различаясь по характеру экскурсіи и рекурсіи. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ скорѣе переходить къ *силлабическому* (слоговому) способу обученія, который еще болѣе упрощаетъ дѣло и состоитъ въ томъ, что ученикъ на основаніи предшествующаго знанія догадывается о произношеніи слоговъ, уже не производя операцій анализа и синтеза; такъ, если дѣти уже знаютъ произношеніе нѣкоторыхъ слоговъ (напр. *са*, *су*, *со*, *ма*, *му*, *мо* и др.) и озна-

комились съ новымъ согласнымъ звукомъ въ слогѣ (напр. *н* въ слогѣ *на*), то они уже сами смогутъ догадаться (какъ бы путемъ безсознательнаго рѣшенія пропорціи или по аналогіи къ знакомому уже ряду слоговъ) и о произношеніи другихъ слоговъ съ тѣмъ же согласнымъ (напр. *ну, но*) [1]).

Не говоря о разныхъ попыткахъ улучшенія методовъ обученія грамотѣ, мы остановимся лишь на одномъ способѣ, *артикуляціонномъ*, который можетъ подкупать своею кажущеюся научностью и наглядностью, но который на самомъ дѣлѣ уступаетъ по цѣлесообразности и естественности только-что разсмотрѣнному слуховому. Этотъ методъ возникъ подъ вліяніемъ успѣховъ въ научной разработкѣ физіологіи произношенія звуковъ и заключается въ томъ, что при обученіи грамотѣ учащіеся наглядно знакомятся (при помощи класснаго зеркала, звукоартикуляціонныхъ таблицъ и другихъ наглядныхъ пособій) съ органами произношенія и ихъ артикуляціями, при чемъ этимъ способомъ изучается каждый звукъ въ связи съ соотвѣтствующею буквою. [2]) Намъ представляется однако, что хотя хорошее знакомство съ физіологіей произношенія крайне важно и необходимо для самого преподавателя,

---

[1]) Подобная точка зрѣнія высказана также г. Флеровымъ въ его сочиненіи «Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ, съ указаніемъ пріемовъ обученія» (1912)[7]. Свой взглядъ на методъ обученія чтенію мы развивали въ 1883 г. на съѣздѣ учителей при Казанской Татарской Учительской Школѣ, отголосокъ чего встрѣчается и въ напечатанныхъ Протоколахъ этого съѣзда.

[2]) Пиніаторомъ этого метода былъ французскій ученый H. Chavée, о чемъ см. обстоятельную статью г. *Анастасіева* подъ заглавіемъ «Научный способъ обученія грамотѣ г. Шаве и условія примѣненія этого способа въ русской начальной школѣ» (Ж. М. Н. Пр. февр. 1882 г.). Въ послѣднее время и въ русской педагогической литературѣ появились сторонники подобнаго метода, см. напр. М. И. Тимофеевъ Значеніе и примѣненіе звуковыхъ таблицъ при обученіи по естественному методу (1913) и мой отзывъ объ этой брошюрѣ въ журналѣ «Начальное обученіе» (изд. при Каз. Уч. Округѣ), янв. 1913.

который безъ сомнѣнія встрѣтитъ въ своей практикѣ не мало случаевъ для успѣшнаго примѣненія этого своего знанія, но мы полагаемъ въ то же время, что самый методъ обученія грамотѣ не долженъ строиться на ознакомленіи дѣтей съ физіологіей звуковъ рѣчи, такъ какъ этимъ вводится въ обученіе сторонній и мало доступный для дѣтскаго пониманія элементъ. Другое дѣло — примѣненіе звукоартикуляціоннаго метода для обученія рѣчи и чтенію *глухонѣмыхъ*, которые, не имѣя возможности пользоваться простѣйшимъ, т. е. слуховымъ методомъ, по необходимости должны довольствоваться болѣе сложнымъ.

Впрочемъ, оцѣнивая разные пріемы обученія грамотѣ, нельзя не признать, что успѣхъ преподаванія въ большой мѣрѣ зависитъ и отъ педагогическаго таланта преподавателя, какого бы метода онъ ни придерживался. Къ сказанному остается прибавить, что всякое обученіе грамотѣ, помимо правильнаго выговариванія печатнаго текста, стремится достичь еще и *сознательности чтенія*, т. е. развить и укрѣпить у учащихся ассоціативные пути отъ новоприобрѣтенныхъ центровъ къ понятіямъ, а это достигается анализомъ прочитаннаго и бесѣдами объ его содержаніи, т. е. такъ называемымъ объяснительнымъ чтеніемъ въ связи съ пересказомъ прочитаннаго.

Что касается обученія письму, то оно должно идти параллельно съ обученіемъ чтенію; но такъ какъ трудность выписываемыхъ буквъ можетъ не соотвѣтствовать трудности звуковъ, то при обученіи письму стараются изъ одинаково легкихъ для произношенія звуковъ брать звуки, начертанія которыхъ проще, и исподволь переходить къ звукамъ, начертанія которыхъ болѣе трудны. Съ психофизіологической стороны, при процессѣ письма въ мозгу учащагося начинаетъ организоваться двигательный графическій центръ для письма (т. е. для графическихъ движеній руки) въ связи съ соот-

вѣтствующимъ оптическимъ, а также и рѣчевымъ центрами; при этомъ на первыхъ порахъ графическій мозговой процессъ проходитъ черезъ произносительно-артикуляціонные центры, вслѣдствіе чего ученикъ не только пишетъ буквы, но и вышептываетъ ихъ, и лишь затѣмъ этотъ путь постепенно упрощается, болѣе или менѣе освобождаясь отъ посредствующаго звена, т. е. соучастія звукопроизносительныхъ центровъ.

Разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе процессъ письма въ трехъ главныхъ его видахъ, а именно — списыванья, диктовки и самостоятельнаго письменнаго изложенія. *Списываньe* съ книги или прописи имѣетъ цѣлью создать у учащагося тѣсную и непосредственную связь между зрительными впечатлѣніями списываемаго и его смысловымъ значеніемъ съ одной стороны и графическою дѣятельностью съ другой; при этомъ вначалѣ учащійся пишетъ буква за буквой, сопровождая это вышептываніемъ, которое позволяетъ лучше выполнять работу и исчезаетъ лишь тогда, когда упомянутая связь уже достаточно упрочилась. *Диктовка* имѣетъ цѣлью развить другую сторону письменной рѣчи, а именно ассоціативную связь между слуховыми знаменательными представленіями словъ и ихъ графическимъ воспроизведеніемъ; такимъ образомъ, психофизіологическій процессъ писанія подъ диктовку состоитъ въ томъ, что учащійся, воспринявъ слышимое слово, какъ цѣлое, затѣмъ разлагаетъ на составные элементы, т. е. звуки, и, припоминая соотвѣтствующее обозначеніе послѣднихъ, воспроизводитъ требующіяся буквы. Вполнѣ понятно, что эта работа, какъ требующая со стороны ученика значительно бо̀льшаго напряженія, чѣмъ списыванье, естественно сопровождается и болѣе частыми ошибками, а потому для успѣшнаго веденія дѣла учитель на первыхъ порахъ подвергаетъ каждое диктуемое слово звуковому анализу, лишь послѣ котораго оно пишется учениками. Наконецъ, *самостоятельное письменное изложеніе* требуетъ уже наибольшаго умственнаго напряженія у дѣтей, такъ какъ здѣсь имъ приходится

предварительно самимъ выразить словами свою мысль и уже затѣмъ безъ помощи учителя разложить слова на звуки и передать ихъ письмомъ. По причинѣ такой сложности процесса, при начальномъ обученіи дѣтямъ на первыхъ порахъ задается лишь самое элементарное изложеніе, состоящее не рѣдко изъ одной-двухъ фразъ.

Изъ всего сказаннаго нами, думаемъ, становится вполнѣ ясною важность для учителя отчетливо представлять себѣ психофизіологическій процессъ усвоенія грамоты: только при этомъ условіи учитель можетъ сознательно вести обученіе и понимать, почему онъ держится такихъ именно пріемовъ, а не иныхъ; кромѣ того, онъ будетъ лучше видѣть, какого рода упражненія слѣдуетъ ему примѣнять въ каждомъ данномъ случаѣ для выработки желаемыхъ ассоціативныхъ связей. [1])

II. **Обученіе родному языку въ средней школѣ** стремится не только научить дѣтей правильно писать и бѣгло читать,

---

[1]) Въ видѣ дополненія къ нашему изложенію укажемъ главнѣйшія пособія и руководства: Тихомировъ Д. И. Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ? Изд. 11-е; Раевскій Н. П. Бесѣды по методикѣ русскаго языка съ приложеніемъ примѣрныхъ уроковъ (1910); Вахтеровъ В. П. На первой ступени обученія; *его же* Русскій букварь для обученія письму и чтенію русскому и церковнославянскому (1910)[89]; Бочкаревъ Н. Е. Новая методика родного языка. Ч. II, вып. 1: Правописаніе и грамматика (1912); Поповъ А. В. Методика русскаго языка (1911); Лопырева М. и Соловьева Е. «Развитіе рѣчи». Письменныя и устныя упражненія въ изложеніи мысли. 1-ый и 2-ой годъ обученія (1910); *ихъ же* Методическія указанія къ «Развитію рѣчи» (1912); Лопырева М., Соловьева Е., Тихѣева Е. и Щіонглинская Е. «Развитіе рѣчи». 3-ій и 4-ый годъ обученія (1910); *ихъ же* Какъ вести устныя и письменныя работы на урокахъ русскаго языка (1910); Глазунова А. и Разина Е. Первая ступенька къ письменному изложенію мыслей. Классное пособіе для младшихъ отдѣленій начальныхъ училищъ (1907); Флеровъ Вс. Новый русскій букварь (1910)[8]; *его же* Наглядные уроки письма. Книжка 1-ая и 2-ая (1911)[4]; Мироносицкій П. Н. Словечко. Книжка для обученія грамотѣ съ методическими указаніями для учителя (1912); Гр. Л. Н. Толстой Новая азбука, изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911 г. (въ этомъ изданіи къ тексту азбуки, высоко-художественному по простотѣ и интересному для ребенка, присоединены еще и рисунки; азбука запечатлѣна геніемъ автора).

но и выработать у учащихся хорошее устное и письменное изложеніе, для чего имъ необходимо получить основательное знакомство какъ съ грамматическимъ строемъ языка, такъ и литературой его. Обученіе родному языку пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду того, что при этомъ, помимо развитія формальной стороны ума, у учащихся развивается творческое воображеніе и начинаетъ складываться опредѣленное міросозерцаніе, благодаря въ особенности знакомству съ образцовыми художественно-литературными произведеніями. Эта обширная программа по изученію роднаго языка въ сущности слагается изъ двухъ главныхъ отдѣловъ — грамматическаго и общеязыковаго или литературнаго, взаимоотношеніе между которыми въ современной средней школѣ еще не установилось окончательно: одни педагоги на главное мѣсто выдвигаютъ изученіе грамматики, какъ основанія правильной рѣчи, тогда какъ другіе придаютъ большее значеніе общеязыковой сторонѣ и центръ тяжести переносятъ на изученіе литературныхъ образцовъ и на упражненія въ устномъ и письменномъ изложеніи. Съ своей стороны мы склоняемся скорѣе ко второй точкѣ зрѣнія, выдвигающей на первый планъ общеязыковую сторону, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ настоятельную необходимость и раціональнаго изученія грамматики, которое помимо практической цѣли полнаго усвоенія учащимися господствующей орѳографіи имѣетъ еще и общеобразовательное значеніе, развивая классифицирующую дѣятельность ума. [1]) Для того, чтобы выяснить раціональный способъ преподаванія

---

[1]) Кромѣ того, знаніе грамматики роднаго языка является отправнымъ пунктомъ при изученіи грамматики иностранныхъ языковъ: въ самомъ дѣлѣ, если напр. вы ознакомились на родномъ языкѣ съ частями рѣчи, знаете, что такое положительная или сравнительная степень, знакомы съ важнѣйшими смысловыми оттѣнками падежей и т. п., вамъ при прохожденіи грамматики другихъ языковъ уже не понадобится снова пріобрѣтать общія понятія о тѣхъ же грамматическихъ категоріяхъ, а только лишь усвоить способъ выраженія ихъ на изучаемомъ иностранномъ языкѣ.

грамматики, мы выскажемъ нѣсколько соображеній по этому поводу. Прежде всего преподаваніе грамматики должно имѣть *концентрическій* характеръ, располагаясь по крайней мѣрѣ по двумъ или даже тремъ концентрамъ: первый концентръ заключается въ изученіи грамматики, примѣняясь исключительно къ вопросамъ орѳографіи, [1]) второй долженъ имѣть въ виду уже систематическое изученіе грамматическихъ категорій языка, а желательный третій долженъ знакомить въ болѣе научномъ видѣ съ грамматикою роднаго языка въ связи съ основами языкознанія. При этомъ весь грамматическій матеріалъ не долженъ быть черезъ-чуръ громоздкимъ, чтобы не тормозить успѣшность усвоенія другихъ сторонъ роднаго языка; въ этихъ же цѣляхъ, по нашему мнѣнію, обученіе грамматикѣ въ первыхъ двухъ концентрахъ должно совершаться безъ помощи учебниковъ (или, по крайней мѣрѣ, допуская лишь самые краткіе учебники — для повторенія и учебники въ формѣ задачниковъ—для упражненій). Для иллюстраціи я представлю въ видѣ примѣра способъ ознакомленія учениковъ со склоненіемъ именъ существительныхъ безъ учебника.

Я заставляю ученика написать на классной доскѣ краткое предложеніе, въ которомъ подлежащимъ было бы существительное мужескаго рода твердаго склоненія напр. „Столъ стоитъ“, послѣ чего всѣ ученики списываютъ это предложеніе въ свои тетради. Затѣмъ другой ученикъ пишетъ подъ мою диктовку другую фразу, въ которой то же существительное стояло бы въ род. ед., напр. предложеніе „Нѣтъ стола“, которое ученики переписываютъ въ свои тетради такъ же,

---

[1]) Едва ли нужно разъяснять необходимость грамматическихъ знаній для усвоенія общепринятаго правописанія. Стоитъ только указать, напр., на примѣненіе прописныхъ буквъ въ именахъ собственныхъ, буквы *ъ* въ извѣстныхъ падежныхъ и глагольныхъ формахъ, знаковъ препинанія и т. п., чтобы понять всю важность изученія грамматики въ дѣлѣ орѳографіи.

какъ и первое. Подобнымъ образомъ они напишутъ въ своихъ тетрадяхъ цѣлый рядъ выраженій, въ которыхъ данное слово встрѣчается во всѣхъ падежахъ, напр.:

Иду къ столу.
Вижу столъ.
Сижу подъ столомъ.
Думаю о столѣ.
Столы стоятъ.
Нѣтъ столовъ.
И т. д.

Теперь я обращаю вниманіе учениковъ на то, что въ написанномъ ими повторяется слово „столъ", но только не въ одномъ и томъ же видѣ, и притомъ отвѣчающее на разные вопросы. Далѣе я заставляю учениковъ отдѣлить сходную часть въ данномъ словѣ отъ несходныхъ и подчеркнуть послѣднія, при чемъ выясняю, что сходная часть (т. е. стол-) называется основою, а несходныя (-а, -у и т. д.)—окончаніями. Затѣмъ я предлагаю одному изъ учениковъ прочитать по порядку разобранныя формы даннаго слова и подставить для каждой изъ нихъ соотвѣтствующій вопросъ, и послѣ неоднократнаго повторенія довожу учениковъ до того, что въ концѣ концовъ весь классъ можетъ просклонять это слово по вопросамъ. Тогда мы переходимъ къ склоненію другихъ существительныхъ того же типа, только уже не прибѣгая къ предложеніямъ, такъ какъ смыслъ падежей достаточно обозначился изъ перваго ряда предложеній. Послѣ такого предварительнаго ознакомленія учениковъ со склоненіемъ, я имъ указываю названія—*Именительный падежъ*, *Родительный падежъ* и пр., *Единственное число*, *Множественное число*, и такимъ образомъ ученики уже могутъ назвать падежъ, его вопросъ и сказать соотвѣтствующую падежную форму даннаго слова. На слѣдующихъ урокахъ проходится такимъ же образомъ склоненіе существительныхъ другихъ типовъ. Всѣ граммати-

ческіе термины также сначала пишутся на классной доскѣ, а затѣмъ переписываются учениками въ тетради, сначала въ полной, а затѣмъ и сокращенной формѣ (напр. И., Р. и проч., Ед. ч., Мн. ч.). Такимъ образомъ, тетради учениковъ замѣняютъ имъ учебникъ, и потому ученики должны писать въ нихъ тщательно, красиво и правильно, содержать ихъ въ чистотѣ и сохранять на случай повторенія и справокъ. Помимо этого, польза отъ веденія такихъ грамматическихъ тетрадей заключается еще и въ томъ, что ученики здѣсь упражняются въ орѳографіи, такъ какъ все написанное предварительно пишется на классной доскѣ и исправляется учителемъ. Для домашнихъ занятій ученикамъ задается не только выучить то, что пройдено въ классѣ, но также и письменныя работы, въ данномъ случаѣ — просклонять нѣсколько словъ, склоняющихся по образцу только что (и даже прежде) пройденныхъ.

Во в т о р о м ъ концентрѣ ученики, повторяя склоненія, знакомятся уже съ классификаціей ихъ по различію окончаній и ударенія. При этомъ новыя грамматическія положенія ученики добываютъ сами по методу открытій, что̀ возбуждаетъ у нихъ интересъ, развиваетъ наблюдательность и, наконецъ, способствуетъ развитію классифицирующей дѣятельности ума. Въ качествѣ примѣра покажемъ, какъ ученики могутъ сами добывать выводы, напр., относительно типовъ ударенія въ склоненіи, что̀ обычно отсутствуетъ въ учебникахъ, благодаря кажущейся сложности. Ученику дается просклонять какое-нибудь существительное, напр. „споръ“, при чемъ онъ долженъ обращать вниманіе на удареніе каждой формы. Ученикъ говоритъ: „И. ед. *спóръ*—удареніе на основѣ, Р. *спóра*—удареніе тоже на основѣ“ и т. д. Когда онъ просклоняетъ единственное число, я довожу его до слѣдующаго обобщенія: „въ склоненіи слова *споръ* удареніе во всѣхъ падежахъ ед. ч. имѣется на основѣ“. Затѣмъ обращаемся ко мн. ч. и приходимъ къ выводу: „во мн. ч. въ склоненіи слова *споръ* ударе-

ніе также во всѣхъ падежахъ имѣется на основѣ". Тутъ я замѣчаю, что не одно слово „споръ" имѣетъ такое удареніе, но цѣлый рядъ словъ, напр. „заборъ", „народъ", „огородъ" и т. д., и затѣмъ предлагаю ученикамъ самимъ подбирать такія же слова. Подобнымъ образомъ проходятся и всѣ прочіе типы ударенія, представителями которыхъ для муж. рода могутъ служить слова „воръ", „садъ", „столъ", въ женскомъ родѣ — „рѣ́пка", „стрѣла́", „рука́", а въ среднемъ — „бога́тство", „сло́во", „вино́" (аналогичные типы ударенія должны быть указаны и въ мягкомъ склоненіи). [1])

Что касается спеціальныхъ упражненій въ *орѳографіи* то, какъ мы знаемъ, сюда относятся между прочимъ списываньe и диктовка, о которыхъ мы выскажемъ нѣсколько соображеній. Не такъ давно для большей успѣшности усвоенія орѳографіи нѣкоторые педагоги выступили съ своего рода панацеей въ этомъ дѣлѣ, рекомендуя въ качествѣ таковой списываніе, которое одно, безъ помощи диктанта, можетъ будто бы привести учащихся къ полной грамотности, благодаря постоянному упражненію въ правильныхъ, а не ошибочныхъ написаніяхъ, а также развитію соотвѣтствующихъ оптическо-графическихъ навыковъ. Все это подкрѣплялось сравнительною статистикой ученическихъ ошибокъ при списываніи и диктантѣ. Однако это увлеченіе слѣдуетъ признать ошибочнымъ, такъ какъ успѣхи одного списыванія на самомъ дѣлѣ не превосходятъ успѣховъ при пользованіи обоими методами, а самые выводы изъ статистическихъ данныхъ осно-

---

[1]) Изученіе грамматическихъ вопросовъ въ третьемъ концентрѣ имѣетъ уже болѣе научный характеръ, т. е. происходитъ въ связи съ общимъ языкознаніемъ и важнѣйшими данными діалектологіи и исторіи языка. Само собою разумѣется, что такое прохожденіе грамматики можетъ быть доступно ученикамъ не ранѣе старшихъ классовъ. Необходимый матеріалъ для этихъ занятій найдется, напр., въ моемъ Общемъ курсѣ русской грамматики (изъ университетскихъ чтеній), 1913[4], гдѣ я именно считался съ подобными запросами средней школы и заботился о возможной доступности изложенія.

ваны на ошибочномъ истолкованіи. [1]) Кромѣ того, одно списываньe и не можетъ приносить ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ при этомъ, какъ мы знаемъ изъ предшествующей главы (стр. 175—176), односторонне развивается лишь одинъ изъ ассоціативныхъ графическихъ путей. Поэтому присоединеніе къ списыванію диктовки, развивая еще и другой путь, именно — графической передачи слуховыхъ образовъ словъ, естественно долженъ содѣйствовать, при правильномъ пользованіи этимъ пріемомъ, большему закрѣпленію орѳографическихъ навыковъ, почему и полагаемъ, что при обученіи орѳографіи слѣдуетъ пользоваться обоими методами.

Примѣчаніе. Нѣкоторые педагоги, ссылаясь якобы на чрезмѣрную трудность русской орѳографіи, возбудили вопросъ о *реформѣ* ея и предложили рядъ желаемыхъ преобразованій, напр. упраздненіе буквы *п*, одного изъ двухъ *и*, замѣну двоякаго окончанія Р. ед. прилагательныхъ (т. е. -бго ‖ -аго) однимъ и др. Съ своей стороны мы полагаемъ, что рѣзкія и внезапныя перемѣны въ русской орѳографіи еще болѣе бы затруднили обученіе правописанію, такъ какъ при этомъ было бы невозможно изъять изъ пользованія всю прежнюю литературу, а эта послѣдняя своими старыми написаніями препятствовала бы твердому усвоенію новой орѳографіи. Столь крупныя преобразованія были бы возможны напр. въ эпоху Петра Великаго, когда вводился новый гражданскій шрифтъ, а литература вступала въ новый періодъ своего развитія. Теперь же, когда русская художественная литература достигла такого высокаго развитія, которое единогласно признается за нею со стороны Европы, подобныя преобразованія свидѣтельствовали бы, что русскіе ученые мало дорожатъ своею литературой, рѣзко отличаясь въ этомъ случаѣ отъ французовъ и англичанъ, которые, не смотря на дѣйствительно чрезмѣрную трудность своей орѳографіи, на-столько чтятъ традиціи своей литературы, что облегченіе орѳографіи предоставляютъ естественному ходу вещей и не прибѣгаютъ къ искусственной ломкѣ, хорошо зная, что орѳографія и литература тѣсно связаны между собою. Что же касается трудности обученія русской орѳографіи, то всѣ жалобы по этому поводу мы считаемъ преувеличенными [2]) и отнюдь не думаемъ, чтобы ка-

[1]) См. Мейманъ Э. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ, ч. III: наглядное обученіе, обученіе чтенію, письму, рисованію и ариѳметикѣ. Перев. подъ ред. Н. Д. Виноградова, М. 1910.

[2]) Срв. на этотъ счетъ весьма дѣльныя замѣчанія педагога-практика г А. Рождествина въ его «Педагогическихъ письмахъ», помѣщенныхъ въ Казан. Телеграфѣ въ номерахъ отъ 30 дек. 1901 г., 6 и 9 янв. 1902 г.

кая-либо реформа избавила ученическія работы отъ ошибокъ, если обученіе ореографіи ведется не раціонально; кромѣ того, по нашему мнѣнію, и самая оцѣнка важности ученическихъ ошибокъ является преувеличенною и иногда безпощадною, между тѣмъ какъ эти ошибки, какъ мы видѣли, имѣютъ извѣстное психологическое оправданіе и въ той или другой мѣрѣ отражаютъ степень педагогическаго умѣнья самого преподавателя. Намъ кажется необходимымъ для успѣшности обученія, чтобы самъ преподаватель былъ хорошо знакомъ съ принципами русскаго правописанія въ научномъ освѣщеніи, а также съ психологіей малограмотности и ученическихъ ошибокъ; изученіе типовъ этихъ послѣднихъ въ связи съ относительной ихъ частотой будетъ указывать тѣ пункты, на которые онъ долженъ обратить въ той или другой степени свое вниманіе.

Что касается общеязыковой или литературной стороны, то именно она, какъ мы уже указывали, и является главною въ дѣлѣ обученія родному языку, такъ какъ знакомство съ литературными произведеніями, анализъ ихъ, самостоятельныя письменныя работы ученика и упражненія въ устной рѣчи, — все это развиваетъ въ немъ тѣ стороны (творческое воображеніе, умѣнье послѣдовательно излагать мысли, правильный и изящный устный и письменный слогъ, богатство идей), безъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не можетъ считаться литературно-образованнымъ. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать того, что общеязыковая сторона обученія родной рѣчи въ настоящее время снова привлекла къ себѣ вниманіе нашихъ лучшихъ педагоговъ, которые придаютъ ей должное значеніе, и что уже начали появляться въ этомъ направленіи солидные спеціально-педагогическіе труды, къ которымъ мы и отсылаемъ читателя, интересующагося этими вопросами. [1])

---

[1]) Срв. Шереметевскій В. П. Статьи по методикѣ начальнаго преподаванія русскаго языка. Подъ ред. В. В. Каллаша. М. 1910; Алферовъ А. Д. Родной языкъ въ средней школѣ (опытъ методики), М. 1911; Кульманъ Н. Методика русскаго языка, Спб. 1912; Чернышевъ В. Въ защиту живого слова (статьи о значеніи и преподаваніи живого языка), Спб. 1912 Сборникъ произведеній русской словесности для заучиванія наизусть, составл. подъ ред. В. П. Брюханова, Казань 1903 (образцы снабжены размѣтками интонаціи и выразительности).

III. **Обученіе новымъ иностраннымъ языкамъ въ средней школѣ.** Быстрый прогрессъ наукъ въ наше время, развитіе путешествій по чужимъ странамъ и нерѣдкая потребность въ корреспонденціи съ иностранцами создали необходимость обучать въ средней школѣ важнѣйшимъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ, главнымъ образомъ французскому, нѣмецкому и англійскому. Въ цѣляхъ наибольшей успѣшности преподаванія этихъ языковъ былъ выдвинутъ въ послѣднее время т. наз. „натуральный“ методъ, при которомъ учитель сразу старается вести бесѣду съ ученикомъ на изучаемомъ языкѣ, конечно — начавъ съ простѣйшаго (напр. съ названій показываемыхъ предметовъ) и не обращаясь къ переводу на родной языкъ; такимъ образомъ изученіе иностраннаго языка происходитъ на подобіе того, какъ ребенокъ учится родному языку. Признавая этотъ методъ правильнымъ въ его основаніи, мы должны однако указать на невозможность исключительнаго примѣненія „натуральнаго“ метода въ полной его чистотѣ при школьномъ преподаваніи. Нельзя опускать изъ виду той разницы съ усвоеніемъ роднаго языка, что ребенокъ, учась говорить на родномъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ знакомится съ новымъ для него міромъ предметовъ и упражняется при этомъ въ рѣчи цѣлыми днями. [1]) Между тѣмъ въ школѣ учитель, показывая на разные предметы и говоря, напр.,—c'est la table и т. п. фразы, не будетъ въ состояніи надолго за-

[1]) *Такое же обученіе иностраннымъ языкамъ практиковалось у насъ въ прежнее время во многихъ дворянскихъ семьяхъ съ помощью гувернеровъ и гувернантокъ: играютъ ли дѣти, гуляютъ ли, — требовалось, чтобы они разговаривали между собою въ соотвѣтствующій день на данномъ иностранномъ языкѣ, при чемъ тутъ были и вопросы, и отвѣты, т. е. упражненіе въ слышимой и произносимой рѣчи, а въ то же время слова слышимыя и произносимыя пріурочивались непосредственно къ самымъ предметамъ, а не представляли простой переводъ съ роднаго языка; въ результатѣ дѣти научались разговаривать на иностранномъ такъ же хорошо и свободно, какъ на родномъ языкѣ. Это и есть настоящій образецъ натуральнаго метода изученія иностранныхъ языковъ.*

интересовать учениковъ, ибо самые предметы уже не имѣютъ для нихъ характера новизны, да и не мыслимо научиться языку, упражняясь лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю и къ тому же случайно и урывками вслѣдствіе переполненія классовъ. Далѣе, самый принципъ наглядности, предполагаемый этимъ методомъ, осуществимъ въ школѣ лишь въ сравнительно малой степени, такъ какъ далеко не все можно представить наглядно, вѣрнѣе—лишь ничтожную часть. Кромѣ того, школа должна имѣть въ виду возможно полное, т. е. всестороннее изученіе иностраннаго языка, а для этой цѣли она должна вести *упражненія во всѣхъ тѣхъ ассоціаціяхъ, каковыя образуютъ языкъ устный и письменный.* Поэтому при школьномъ обученіи необходимо комбинировать разнообразные способы, пользуясь наравнѣ съ натуральнымъ также и другими методами, т. е. примѣняя чтеніе, письмо, переводъ, заучиваніе и разсказъ иностраннаго текста, равно какъ и изученіе грамматики даннаго языка. Разсмотримъ теперь послѣдовательно типы этихъ упражненій, развивающихъ соотвѣтствующія ассоціаціи въ умѣ учащихся.

1) *Упражненія въ слышаніи и произношеніи, т. е. въ разговорѣ и пониманіи чужой рѣчи.* Слова нашей рѣчи, какъ мы знаемъ, представляютъ комплексы звуковъ произносимыхъ и слышимыхъ, съ которыми ассоціируются по смежности соотвѣтствующія значенія. Такимъ образомъ здѣсь выступаютъ три послѣдовательныхъ момента—акустическій, семазіологическій и артикуляціонный, развитіе ассоціацій между которыми и имѣетъ въ виду натуральный методъ. При этомъ ученикъ прежде всего слышитъ произносимое учителемъ иностранное слово (или сочетаніе словъ) и придаетъ ему соотвѣтствующее значеніе, благодаря указанію учителя на названный предметъ. Такимъ образомъ въ умѣ учащагося зарождается непосредственная ассоціація между неизвѣстными доселѣ звукосочетаніями и знакомыми семазіологическими представленіями; затѣмъ учитель путемъ вопроса заставляетъ ученика повторить

сказанныя слова, благодаря чему въ умѣ послѣдняго прежняя ассоціація акустико-семазіологическая дополняется новою — произносительною. Поэтому первою задачею учителя является ознакомленіе учащихся съ *акустическою* формою словъ, входящихъ въ разговоръ, семазіологическія представленія которыхъ ученики угадываютъ, благодаря наглядному преподаванію; вмѣстѣ съ тѣмъ они пріобрѣтаютъ возможность схватывать своимъ слухомъ въ слышимыхъ фразахъ знакомые уже имъ акустическіе образы словъ и по нимъ догадываться о смыслѣ цѣлой фразы. Учитель постепенно увеличиваетъ словесный матеріалъ и разнообразитъ типы фразъ, а въ то же время пріучаетъ слухъ учениковъ къ болѣе быстрому и слитному произношенію. [1]) Что касается изученія *звукоартикуляцій* иностраннаго языка, то оно всего легче и естественнѣе достигается тоже практически, путемъ подражанія произношенію учителя, начиная съ первыхъ уроковъ, когда произношеніе учителя болѣе раздѣльно и отчетливо. При этомъ учителю полезно имѣть основательное знакомство съ физіологіей произношенія изучаемаго иностраннаго языка сравнительно съ природнымъ языкомъ учащихся, ибо въ тѣхъ случаяхъ, когда ученикъ имѣетъ мало приспособляющіеся къ новымъ укладамъ органы произношенія и, вообще, когда то или другое произношеніе не удается ему, соотвѣтствующее физіологическое разъясненіе учителя можетъ принести существенную пользу, при чемъ изрѣдка можно прибѣгать и къ фонетической транскрипціи. Слѣдуетъ прибавить, что для надлежащаго усвоенія иностраннаго языка необходимо, чтобы обѣ стороны, слуховая и произносительная, упражнялись *равномѣрно и*

[1]) Конечно, успѣхи въ пониманіи слышимой рѣчи зависятъ, кромѣ достаточнаго навыка, еще и отъ тонкости слуха учащагося; это станетъ болѣе понятнымъ, если вспомнимъ, что въ живой рѣчи отчетливы лишь ударяемые слоги, неударяемые же звучатъ болѣе или менѣе слабо, такъ что при тупости слуха легко могутъ недослышиваться или вести къ ослышкамъ, обусловливая непониманіе.

параллельно; иначе при недостаточномъ навыкѣ въ воспріятіи и при одностороннемъ упражненіи въ произносимой сторонѣ получится случай, когда для даннаго лица легче выражать свои мысли на чужомъ языкѣ, нежели понимать говоримое на этомъ языкѣ; при обратномъ же соотношеніи навыковъ данное лицо будетъ сравнительно хорошо понимать говоримое, но будетъ сильно затрудняться само выражать на этомъ языкѣ свои мысли, ибо, вслѣдствіе неупражненія въ разговариваніи, и знакомыя слова, когда въ нихъ нужда, часто не приходятъ на память, не говоря уже о легко получающейся отвычкѣ отъ звукоартикуляцій.

Примѣчаніе. Упомянемъ еще о новомъ американскомъ методѣ усвоенія иностранныхъ языковъ, который въ послѣднее время начинаетъ распространяться за-границей и отчасти въ Россіи. Мы имѣемъ въ виду т. наз. «говорящій самоучитель», т. е. фонографъ съ наговоренными валиками, представляющими въ образцовомъ произношеніи учебный матеріалъ въ видѣ словъ и фразъ на данномъ иностранномъ языкѣ, послѣдовательно расположенный по урокамъ. Къ этимъ валикамъ присоединяется учебникъ, содержащій тѣ же самыя слова и фразы напечатанными согласно орѳографіи даннаго языка съ переводомъ ихъ на языкъ учащагося, а также дополнительныя упражненія и грамматическія разъясненія. При изученіи языковъ по такому способу учащійся слышитъ иностранную рѣчь, слѣдя одновременно зрѣніемъ за орѳографическимъ изображеніемъ соотвѣтствующихъ словъ и фразъ, значеніе которыхъ постигается изъ роднаго текста, и, наконецъ, присоединяя ко всему этому собственное подражательное подговариваніе слышимаго иностраннаго текста. Хотя въ виду сравнительно недавняго происхожденія этого метода мы не можемъ указать на результаты, достигаемые имъ, но à priori можно сказать, что онъ имѣетъ многое за себя, такъ какъ въ этомъ случаѣ упражняются одновременно почти всѣ моменты, изъ которыхъ слагается изученіе того или другаго иностраннаго языка, а именно— слышаніе, пониманіе, изученіе орѳографіи и, наконецъ, собственное произношеніе. Помимо этого, указанный способъ имѣетъ еще то достоинство, что позволяетъ учащемуся, безъ обремененія другихъ, упражняться въ слушаніи и говореніи на-столько, по-скольку это требуютъ его способности. Правда, что для отдѣльныхъ лицъ пріобрѣтеніе фонографа и учебнаго комплекта валиковъ не вполнѣ доступно, но мы думаемъ, что среднія школы могли бы пріобрѣтать ихъ въ качествѣ вспомогательнаго учебнаго пособія. [1])

[1]) Кстати укажемъ, что въ Россіи имѣется спеціальный представитель этого дѣла въ лицѣ Аф. Фед. *Ечинаца*, адресъ котораго мы считаемъ не лишнимъ привести: С.-Петербургъ, Фонтанка, 38, у Аничкина моста.

2) *Изученіе грамматики* новыхъ иностранныхъ языковъ не должно игнорироваться и при „натуральномъ“ методѣ, но только должно быть поставлено въ надлежащія границы, т. е. сводиться къ самому важному въ изучаемомъ языкѣ; особенно оно полезно тѣмъ лицамъ, у которыхъ нѣтъ таланта къ легкому непосредственному усвоенію языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если лица, обладающія такимъ талантомъ, могутъ сами легко привыкнуть къ оборотамъ и словорасположенію изучаемаго языка и выработать чутье къ нимъ, то для малоспособныхъ полезно получить нѣкоторыя кратко и ясно выраженныя грамматическія правила; да и наиболѣе способные не могутъ усвоить въ школѣ весь грамматическій матеріалъ исключительно путемъ практики. [1]) При этомъ, конечно, эти правила, которыя отчасти могутъ получаться и по методу самостоятельныхъ открытій, должны предлагаться учащимся на родномъ языкѣ и связываться съ грамматическими понятіями этого послѣдняго. Помимо прямыхъ знаній изученіе грамматики можетъ имѣть важное формально-образовательное значеніе; такъ напр. изученіе типовъ спряженія этихъ языковъ (включая сюда и такъ называемые неправильные глаголы) развиваетъ наблюдательность и умѣнье классифицировать, а изученіе словопроизводства знакомитъ съ различными семазіологическими оттѣнками, присущими разнымъ суффиксамъ, усвоеніе которыхъ позволяетъ учащимся по данному слову угадывать смыслъ и образовывать цѣлый рядъ производныхъ, наконецъ изученіе синтаксическихъ категорій и типовъ фразъ, —все это еще болѣе расширяетъ языковое мышленіе учащихся.

---

[1]) Напр., во французскомъ языкѣ отрицаніе можетъ имѣть разные оттѣнки, которые придаются привходящими въ его составъ словами—*pas, point, guère;* вмѣсто того, чтобы ждать, когда у учащагося выработается путемъ случая чутье этого различія, полезно ознакомить его чрезъ грамматическое объясненіе съ этимъ различіемъ; иначе можно ли поручиться за то, что чутье различія, которое самостоятельно установится въ умѣ учащагося, будетъ именно надлежащее, а не ошибочное.

3) *Упражненія въ переводѣ устномъ и письменномъ, а также въ разсказѣ, письменномъ изложеніи и бѣломъ чтеніи.* Помимо привычки къ непосредственной связи иностранныхъ словъ и выраженій съ семазіологическими представленіями, что достигается натуральнымъ методомъ, отъ ученика требуется еще, соотвѣтственно культурнымъ условіямъ нашего времени, сознательное отношеніе къ иностранному тексту съ цѣлью передачи его роднымъ литературнымъ языкомъ какъ въ устной, такъ и письменной формѣ. Здѣсь весьма полезенъ самостоятельный трудъ учащагося, когда онъ, самъ поработавъ надъ пониманіемъ и переводомъ заданнаго на-домъ текста, затѣмъ выслушаетъ образцовый переводъ въ классѣ, выработанный подъ руководствомъ учителя (но только это дѣйствительно долженъ быть образцовый переводъ, для чего, конечно, необходимо, чтобы самъ преподаватель вполнѣ владѣлъ роднымъ языкомъ учащихся): тогда то, что было для ученика неяснымъ въ иностранномъ текстѣ, теперь освѣщается, и сверхъ того ученикъ знакомится съ тѣми средствами роднаго языка, которыя болѣе точно воспроизводятъ мысль иностраннаго оригинала. Далѣе, обычные уроки переводовъ должны дополняться, особенно въ старшихъ классахъ, уроками устнаго (а иногда и письменнаго) пересказа учащимися на иностранномъ языкѣ прочитанной статьи. При этомъ нерѣдко встрѣчается, что разсказывающій не знаетъ, какъ назвать какой-либо предметъ, дѣйствіе и т. п., и тогда онъ будетъ стараться передать это понятіе описательно; не надо мѣшать этой творческой работѣ, имѣющей развивающій характеръ, такъ какъ умъ въ этомъ случаѣ старается подобрать характерные признаки понятія для описательнаго выраженія, но затѣмъ конечно необходимо сообщить ученику соотвѣтствующее слово или выраженіе. Весь разговоръ при этомъ долженъ происходить на иностранномъ языкѣ, чтобы ухо учениковъ все болѣе привыкало къ типамъ фразъ и къ скорѣйшему ихъ схватыванію слухомъ. Указываемыя упражненія дадутъ при этомъ преподавателю матеріалъ наиболѣе обычныхъ ученике-

скихъ ошибокъ, которыя онъ можетъ записывать и затѣмъ классифицировать, чтобы видѣть, какіе пункты даннаго иностраннаго языка труднѣе усваиваются учениками и потому требуютъ бо̀льшихъ упражненій. [1]) Что касается собственно чтенія на иностранномъ языкѣ, то преподаватель долженъ стремиться довести учащихся до того, чтобы они были въ состояніи, читая иностранную книгу вслухъ или про себя, воспроизводить воображеніемъ семазіологическій смыслъ читаемаго, минуя посредствующую ступень роднаго слова. Съ этою цѣлью полезно время отъ времени устраивать уроки курснаго чтенія легкаго текста, при чемъ преподаватель требуетъ перевода лишь при случаѣ и мимоходомъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли понятно то или другое въ читаемомъ. Въ заключеніе позволю себѣ указать на важность того, чтобы ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній содержали соотвѣтствующія возрасту лучшія беллетристическія произведенія на изучаемыхъ новыхъ языкахъ, равно какъ и лучшіе переводы русскихъ писателей на эти языки, а также и выдающіеся иностранные учебники по разнымъ предметамъ, чтобы ученики, интересующіеся тѣмъ или другимъ предметомъ, могли на досугѣ пользоваться доступною для нихъ иностранною литературой; благодаря этому, они, заблаговременно при-

---

[1]) При этомъ онъ убѣдится, что ошибки чаще всего происходятъ подъ вліяніемъ особенностей роднаго языка по сравненію съ изучаемымъ иностраннымъ; такъ, напр., ученики нерѣдко употребляютъ существительныя съ членомъ того рода, къ которому привыкли въ родномъ языкѣ, хотя бы это не было правильно для иностраннаго языка (напр. скажутъ «*das* Milch» вм. *die* Milch), или же передаютъ русскіе возвратные глаголы такими же формами и на иностранномъ языкѣ, хотя бы въ послѣднемъ въ этомъ случаѣ употреблялся глаголъ безъ возвратнаго мѣстоименія (напр. соотвѣтственно русскому глаголу «приближается» скажутъ *s'*arrive вм. arrive) и т. п. Трудность для усвоенія представляютъ также случаи, когда въ самомъ иностранномъ языкѣ одна и та же морфологическая идея связана съ двумя или болѣе обозначающими ее звуковыми комплексами, напр. въ нѣм. причастія прош. вр. стр. зал., оканчивающіяся на *-en* и *-et* и т. п.

выкнувъ къ ней, впослѣдствіи не будутъ избѣгать ея при обученіи своемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. [1])

IV. **Обученіе древнимъ иностраннымъ языкамъ въ средней школѣ.** Не такъ еще давно думали, что обученіе древнимъ языкамъ, латинскому и греческому, не только знакомитъ учениковъ съ классическою древностью, но и является совершеннѣйшимъ педагогическимъ средствомъ для формальнаго развитія ума; вслѣдствіе такого взгляда обученіе этимъ языкамъ, особенно латинскому, начиналось съ первыхъ классовъ гимназіи, при чемъ этимъ предметамъ отводилось наибольшее число часовъ. Въ настоящее время эта точка зрѣнія на преимущественное формально-образовательное значеніе древнихъ языковъ уже является пережиткомъ и эту роль заняли языки родной и новые иностранные, какъ это мы старались показать въ предшествующемъ изложеніи; такимъ образомъ, въ настоящее время древніе языки сохраняютъ свою важность лишь по-стольку, по-скольку они необходимы для возможныхъ будущихъ научныхъ занятій учащихся, напр. въ области древней исторіи, классическихъ литературъ, исторіи древней фи-

---

[1]) Къ библіографіи вопроса: Bréal M. De l'enseignement des langues vivantes (1893). Отмѣтимъ кстати, что въ настоящее время русскій языкъ въ качествѣ иностраннаго уже довольно старательно изучается въ З. Европѣ, и для русскаго преподавателя не лишне отмѣтить въ качествѣ образца нѣкоторыя изъ существующихъ тамъ оригинальныхъ руководствъ: P. Boyer et N. Spéranski Manuel pour l'étude de la langue russe; E. Berneker Russisches Lesebuch mit Glossar; J. Lundell Lärobok i ryska språket (швед.); Р. Кошутић Руски примери, т. е. Русская хрестоматія: I—тексты, II—примѣчанія, III—словарь (серб.). Нельзя не отмѣтить въ русской литературѣ полнаго отсутствія грамматическихъ руководствъ съ научнымъ характеромъ по новымъ иностраннымъ языкамъ; поэтому не можемъ не подчеркнуть появленіе въ качествѣ перваго труда въ этомъ направленіи слѣдующаго: Г. А. Бергъ Курсъ нѣмецкаго языка (Изъ университетскихъ чтеній), ч. I, Казань 1912; упомянемъ еще и конспективную Французскую грамматику Н. В. Крушевскаго (въ Р. Ф. В. 1891 г., №№ 2, 4). Наконецъ, по вопросу о преподаваніи русскаго языка инородцамъ укажемъ: Н. И. Милославскій Натуральный методъ въ примѣненіи его къ обученію русскому языку въ инородческихъ школахъ. Казань 1911.

лософіи, сравнительнаго языкознанія, и т. п. [1]) Несомнѣнно, что перемѣна въ педагогическихъ воззрѣніяхъ на древніе языки произошла подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ научныхъ открытій въ языкознаніи, которыя создали новую эру въ этой наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что языковые процессы и законы лучше всего постигаются на живыхъ языкахъ, а не мертвыхъ, дошедшихъ до насъ лишь въ обломкахъ древней письменности. [2]) Соотвѣтственно этому въ современной средней школѣ преподаваніе роднаго языка и новыхъ иностранныхъ значительно расширилось, между тѣмъ какъ число учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ сильно сократилось и самое обученіе ими передвинуто на старшіе классы. Но, признавая указанное преобразованіе вполнѣ разумнымъ, мы, къ сожалѣнію, не видимъ соотвѣтствующаго прогресса въ постановкѣ самаго преподаванія, которое продолжаетъ сохранять старыя традиціи въ видѣ перевода мало понятныхъ безсвязныхъ фразъ, мало доступныхъ для пониманія текстовъ, неосмысленнаго заучиванья словъ, затверживанья правилъ со многими исключеніями и т. п. По нашему мнѣнію, преподаваніе древнихъ языковъ тѣмъ раціональнѣе, чѣмъ ближе стоитъ оно по своимъ методамъ къ преподаванію новыхъ языковъ, именно—оно должно поставить на первый планъ чтеніе избранныхъ литературныхъ текстовъ, грамматическія же данныя выясняются сначала попутно и лишь затѣмъ систематично. Вполнѣ понятно, что здѣсь, въ отличіе отъ новыхъ иностранныхъ языковъ, не возможно, строго говоря, примѣненіе натуральнаго метода, опирающагося на наглядномъ ознакомленіи съ окружающею обстановкою; такой пріемъ являлся бы не подходя-

---

[1]) Замѣтимъ, что спеціально для французскихъ и нѣмецкихъ школъ изученіе латинскаго языка представляется важнымъ еще потому, что французскій яз., подобно другимъ романскимъ, выработался на почвѣ латинскаго яз., а литературный нѣмецкій языкъ въ своемъ строѣ много воспринялъ изъ латинскаго.

[2]) См. Vorrede къ Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, von H. Osthoff und K. Brugmann, I (1878).

щимъ уже потому, что современная культурная жизнь такъ рѣзко отличается отъ античной, не говоря о томъ, что современное произношеніе древнихъ языковъ лишь приблизительно соотвѣтствуетъ дѣйствительному прежнему и что не только у учащихся, но и у преподавателя отсутствуетъ настоящее языковое чутье, заставляющее въ извѣстныхъ случаяхъ предпочитать изъ нѣсколькихъ возможныхъ оборотовъ одинъ опредѣленный. Поэтому преподаватель древнихъ языковъ при началѣ обученія долженъ исходить не изъ живой рѣчи, а изъ легкихъ классическихъ текстовъ (иногда въ цѣляхъ облегченія упрощенныхъ). Для иллюстраціи такого преподаванія я позволю себѣ привести въ качествѣ примѣра мой собственный опытъ преподаванія латинскаго языка на Высшихъ женскихъ курсахъ въ 1884—85 г. Моя аудиторія состояла изъ лицъ, вполнѣ уже знакомыхъ съ грамматикою роднаго языка, и это обстоятельство въ соединеніи съ знаніемъ ими французскаго языка сильно облегчило мою задачу; благодаря этому, при двухъ часахъ въ недѣлю слушательницы по прошествіи одного года были уже знакомы съ элементами латинской грамматики (этимологіи и синтаксиса) и владѣли запасомъ употребительнѣйшихъ словъ, такъ что могли справляться съ легкимъ текстомъ. [1]) Ограничившись немногими предварительными замѣчаніями объ особенностяхъ латинскаго произношенія (въ виду знакомства слушательницъ съ латинскимъ алфавитомъ), мы съ самаго перваго урока обратились къ переводу очень небольшой и легкой басни, которая читалась отдѣльными фразами. Слова каждой фразы выписывались на доскѣ: существительныя — въ формѣ И. ед., а глаголы — въ 1 л. настоящаго времени. При этомъ смыслъ словъ усваивался съ большею

[1]) Въ виду сказаннаго, я могу настаивать на томъ, что преподаваніе латинскаго языка (не говоря уже о греческомъ) гораздо цѣлесообразнѣе начинать въ старшихъ классахъ средней школы, когда главныя подготовительныя знанія (а именно — грамматика роднаго языка, а также французскій языкъ) уже болѣе или менѣе основательно усвоены.

конкретностью, благодаря тому, что эти слова предлагались не въ отдѣльности, а въ цѣлыхъ фразахъ. Затѣмъ, если фразы содержали какія-либо грамматическія особенности по сравненію съ сдѣланнымъ ихъ русскимъ переводомъ, то эти особенности объяснялись. Чтобы еще болѣе укрѣпить въ памяти слова и способствовать образованію привычки къ пониманію латинскаго текста, я составлялъ послѣ перевода каждаго цѣльнаго предложенія читаемой басни фразы изъ встрѣтившихся словъ. Конечно, чтобы составляемыя фразы были достаточно разнообразны, приходилось вводить нѣсколько новыхъ словъ, правда—очень немного, такъ что они нисколько не загромождали памяти. Такимъ образомъ, при указанномъ способѣ изученія вовсе не нужно было особыхъ часовъ для упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій: эти упражненія, составляемыя тутъ же на урокѣ самимъ преподавателемъ, всегда присоединялись къ читаемому и переводимому латинскому произведенію. Въ дальнѣйшихъ урокахъ часть времени удѣлялась на краткое систематическое прохожденіе латинской грамматики, конечно—въ существенныхъ чертахъ, такъ какъ грамматическій моментъ является при изученіи языка лишь *средствомъ, а не цѣлью* преподаванія.

Заканчивая настоящую главу, считаю нужнымъ напомнить преподавателямъ тѣ общія педагогическія положенія, которыя обязательны при преподаваніи каждаго предмета, въ томъ числѣ и языковъ: 1) при обученіи нужно переходить отъ простѣйшаго къ болѣе сложному (сюда относится и концентричность); 2) нужно заботиться о возможной наглядности; 3) нельзя забывать также о самостоятельности учащихся (для чего служитъ, между прочимъ, методъ „самостоятельныхъ открытій“ учащагося); 4) необходимо заботиться объ интересѣ, такъ какъ интересъ и обусловливаемое имъ вниманіе повышаютъ успѣшность; 5) нужно стремиться къ разносторонности и гармоничности преподаванія, но 6) избѣгать многопредметности (обученія заразъ многимъ языкамъ).

Лекція 15-ая.

Діалектическое развитіе языка. Обзоръ языковъ аріо-европейскаго семейства.

Каждый языкъ распадается на нарѣчія, а эти послѣднія на поднарѣчія и говоры. Съ точки зрѣнія развитія языка, всѣ такія діалектическія отношенія возникаютъ не сразу, а лишь весьма постепенно изъ первоначальныхъ незначительныхъ различій, которыя, увеличиваясь съ теченіемъ времени, даютъ начало главнымъ подраздѣленіямъ языка, т. е. нарѣчіямъ, въ которыхъ въ свою очередь появляются новыя, болѣе частныя различія, служащія основаніемъ для поднарѣчій; говоры же являются уже наиболѣе поздними продуктами діалектическаго развитія языка. Каковы же ф а к т о р ы всякаго діалектическаго развитія? Выше (см. стр. 77) мы уже разъяснили, что языкъ съ теченіемъ времени необходимо долженъ видоизмѣняться благодаря фактору *смѣны генерацій*. Но одно это обстоятельство еще не можетъ объяснить возникновенія нарѣчій или говоровъ въ языкѣ, ибо если бы говорящіе извѣстнымъ языкомъ могли всегда составлять одно тѣсно сплоченное небольшое общество, то ихъ говоръ хотя и измѣнялся бы, но равномѣрно во всѣхъ частяхъ населенія, и слѣдовательно не распался бы на діалектическія различія. Однако умноженіе населенія и экономическія условія заставляютъ однообразное по говору населеніе *разъединяться* и разселяться по разнымъ мѣстамъ. При этомъ тѣ легкія варіаціи языка,

которыя нивеллировались раньше при совмѣстной жизни населенія, теперь, съ разъединеніемъ его, могутъ получить свое особое развитіе, при нѣкоторомъ вліяніи и со стороны новыхъ географическихъ условій. [1]) Къ моменту разъединенія присоединяется затѣмъ факторъ *сосѣдства* уже съ другими говорами или языками, отличными отъ діалектовъ, съ которыми то же населеніе соприкасалось раньше. Понятно, что сосѣдство, ведущее вообще къ взаимодѣйствію говоровъ, теперь будетъ вызывать въ данномъ говорѣ уже другія видоизмѣненія, чѣмъ тѣ, какія онъ испытывалъ при прежнемъ сосѣдствѣ. Усложненіе діалектическаго развитія происходитъ также вслѣдствіе *смѣшенія* народностей, при чемъ одна народность ассимилируется по языку къ другой; въ этомъ случаѣ говоръ будетъ содержать нѣкоторыя особенности, пріобрѣтенныя имъ отъ языка поглощеннаго племени. При всѣхъ этихъ усложненіяхъ нельзя забывать и того, что въ области разныхъ говоровъ могутъ *самостоятельно возникать сходныя явленія*; это требуетъ большой осторожности отъ изслѣдователя, который долженъ выяснить, чему приписать такое сходство—ближайшему генетическому сродству, переселенію, смежнымъ говорамъ, или же самостоятельному процессу.

Подобный именно процессъ діалектическаго роста подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ мы вправѣ предположить и по отношенію къ возникновенію и развитію аріо-европейскихъ языковъ изъ предполагаемаго для нихъ праязыка. Постепенное діалектическое развѣтвленіе этого послѣдняго Шлейхеръ представилъ въ видѣ слѣдующаго т. наз. „родословнаго“ или „генеалогическаго дерева“ (см. приложенную таблицу):

---

[1]) Въ подтвержденіе возможности вліянія географическаго фактора на языковое развитіе можно, напр., указать на рѣзкое тоническое различіе (по отношенію къ интерваламъ) въ антропофоническомъ строеніи словъ и фразъ въ языкахъ сѣвера и юга Европы; срв. далѣе въ разныхъ языкахъ существованіе діалектическихъ разницъ между горными и равнинными діалектами.

Другіе ученые представляли иначе картину развѣтвленія аріо-европейскаго праязыка, принимая напр. другой путь распаденія грекоиталокельтскаго единства и т. п. Но противъ такого упрощенно-схематичнаго представленія послѣдовательнаго вѣтвленія аріо-европейскаго праязыка, вдобавокъ неодинаково представляемаго отдѣльными учеными, не замедлили послѣдовать возраженія и, между прочимъ, со стороны І. Шмидта, выставившаго взамѣнъ родословнаго древа другую теорію, извѣстную подъ названіемъ „*теоріи волнъ*“, по которой діалекты складываются, благодаря особенностямъ, возникающимъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи языка, при чемъ эти вновь появляющіяся черты не остаются неподвижными, но, какъ волны расходятся дальше, могутъ встрѣчаться между собою и обусловливать разнообразныя комбинаціи чертъ по діалектамъ языка. Однако, по справедливому замѣчанію Лескина, эти двѣ теоріи образованія діалектовъ не исключаютъ другъ друга, лишь взаимно дополняютъ.

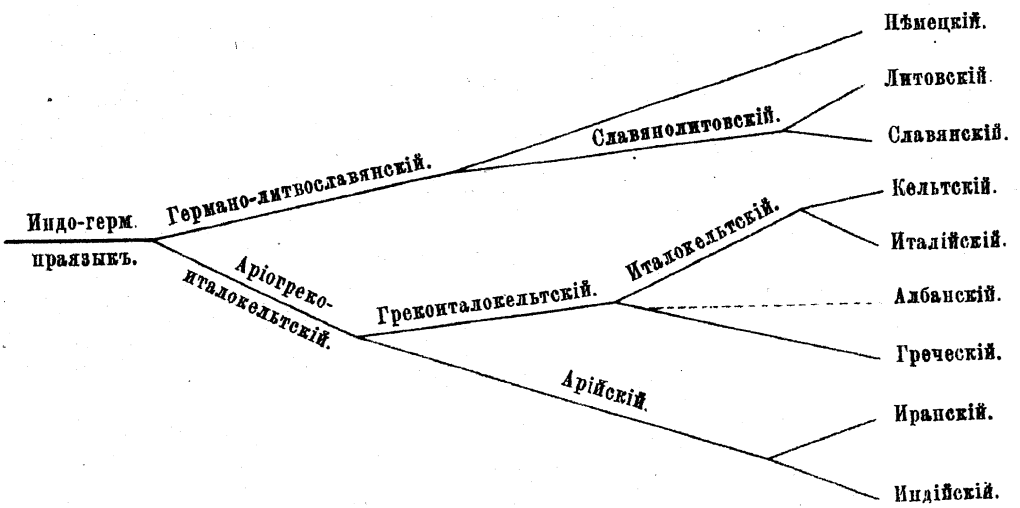
Примѣчаніе. Въ нижеслѣдующій перечень языковъ аріо-европейскаго семейства мы не включили вымершіе языки, дошедшіе до насъ въ скудныхъ остаткахъ (какъ напр. ѳракійскій, фригійскій, скиѳскій) и новооткрытые въ письменныхъ памятникахъ языки восточнаго Туркестана, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ индоскиѳскому племени «тохарамъ», основавшимъ во 2 в. до Р. Х. свое государство на развалинахъ греко-бактрійскаго, а другой—неизвѣстной, но родственной народности.[1]) Что касается вымершихъ языковъ этрусскаго, а также лидійскаго, ликійскаго и карійскаго въ Малой Азіи, то они не отмѣчены нами, такъ какъ по всей вѣроятности не принадлежатъ къ аріоевропейскому семейству и еще не заняли опредѣленнаго мѣста въ классификаціи языковъ.

Сравнивая отдѣльные аріо-европейскіе языки, мы находимъ между ними сходство, объясняемое ихъ происхожденіемъ отъ одного общаго для всѣхъ ихъ (предполагаемаго) аріо-европейскаго праязыка.[2])

---

[1]) Срв. A. Meillet Les Nouvelles langues indo-européennes trouvées en Asie centrale (Extrait de la Revue du Mois, t. XIV, 1912, pp. 135—152).

[2]) Заслуга перваго выясненія родства и общности происхожденія языковъ, образующихъ аріо-европейское семейство, принадлежитъ герман-



„ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО“ АРІО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ

по Шлейхеру.

Въ Азіи аріо-европейскіе языки представляютъ двѣ большія семьи—*индійскую* и *иранскую*, которыя, въ силу болѣе тѣснаго сродства, открываемаго между представителями той и другой семьи въ древнемъ состояніи, объединяются въ болѣе общую группу *индо-иранскую* или *арійскую*.

Древнѣйшій представитель *индійской* семьи — языкъ *ведійскій* или *ведаическій*, языкъ древнихъ религіозныхъ гимновъ Индусовъ. Эти гимны, сборникъ которыхъ носитъ названіе ведъ, заключаютъ въ себѣ молитвенныя обращенія къ разнымъ божествамъ — къ Огню, Зарѣ и др. Этотъ языкъ называется также *санскритомъ* (т. е. языкомъ совершеннымъ —высшимъ, священнымъ), подъ которымъ разумѣется и вообще языкъ древне-индійской художественной и научной литературы (поэтому различаютъ *санскритъ ведаическій* и *санскритъ классическій*). Изъ древнихъ народныхъ говоровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *пракритскихъ* (т. е. природныхъ) развились многочисленныя современныя индійскія нарѣчія и говоры—гиндустанское, бенгальское и др., внуки языка ведаическаго, къ числу которыхъ принадлежатъ также *цыганскіе* говоры. Цыгане, отпрыскъ индійскаго племени, странствуя по разнымъ странамъ, приняли множество словъ изъ языковъ тѣхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось соприкасаться. Полагаютъ, что цыгане покинули Индію не ранѣе 1000 г. по Р. Х. и вступили въ нашу часть свѣта въ Греціи въ XIV в. (это — одинъ изъ примѣровъ народныхъ передвиженій въ историческое время).

Нерѣдко случается слышать распространенное въ обществѣ мнѣніе, что санскритъ есть родоначальникъ языковъ аріо-европейскихъ, но это не справедливо: санскритъ—такой

скому ученому Францу Боппу, пришедшему къ такому результату путемъ сравненія глагольной флексіи въ этихъ языкахъ (въ сочиненіи *Ueber das Conjugationssystem*... 1816), а затѣмъ всесторонне обосновавшему его въ своей *Сравнительной грамматикѣ*, первое изданіе которой выходило выпусками въ періодъ времени 1833—1852.

же производный изъ предполагаемаго аріо-европейскаго праязыка, какъ и другіе языки аріо-европейскіе, хотя впрочемъ отъ санскрита мы имѣемъ самые древніе памятники. Далѣе, нерѣдко злоупотребляютъ сравненіемъ того или другаго языка съ санскритомъ; но нужно помнить, что для того, чтобы сравнивать языки, необходимо по возможности глубже изучить сравниваемые языки.

Къ *иранской* вѣтви принадлежатъ два древнихъ языка: *древне персидскій* и *зендъ* или *языкъ авесты*, встрѣчающійся также подъ именемъ древне-бактрійскаго. Древне-персидскій языкъ—это языкъ клинообразныхъ надписей царей изъ династіи Ахеменидовъ (къ которой принадлежали Дарій, Ксерксъ и Артаксерксъ), зендъ—языкъ священной авесты, приписываемой Зороастру. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ *новоперсидскій* языкъ съ разными нарѣчіями и говорами. Къ новоиранскимъ языкамъ принадлежатъ еще языки: *афганскій* или *пушту*, *курдскій*, *белуджскій* и *осетинскій* (въ центрѣ Кавказа).

Къ вѣтви иранской прежде относили и языкъ *армянскій*, но онъ настолько отличается отъ языковъ этой вѣтви, что не можетъ считаться принадлежащимъ къ ней.

Перехожу къ аріо-европейскимъ языкамъ въ Европѣ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ семью *греческую*. Главнѣйшіе діалекты древне-греческаго языка: *дорическій*, *эолическій*, *іоническій* и *аттическій*, изъ которыхъ послѣдній легъ въ основу общаго литературнаго языка—„*κοινὴ διάλεκτος*“. Въ настоящее время существуютъ разнообразные *ново-греческіе* говоры. Прежде причисляли къ греческой семьѣ албанскіе говоры; но послѣдніе настолько отличаются отъ языка греческаго, что должны составить особую группу.

Затѣмъ слѣдуетъ семья *италійская* или *романская*. Сюда принадлежитъ *древне-латинскій* языкъ съ его народными говорами, языкъ *умбрскій* и *осскій* (оскскій, оскійскій). Латинскій языкъ продолжалъ существовать, какъ литературный, въ

средніе вѣка, подвергаясь измѣненіямъ подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ. Этотъ *средневѣковой латинскій* языкъ существовалъ до эпохи Возрожденія, когда возстановленъ былъ древне-латинскій языкъ.

Народные латинскіе говоры, измѣняясь въ теченіи времени, дали начало такъ называемымъ *романскимъ* языкамъ, къ которымъ принадлежатъ слѣдующія группы языковъ:

1) группа *итальянская*. Къ этой группѣ принадлежатъ многочисленные говоры Италіи, а литературнымъ языкомъ является языкъ итальянскій, въ основаніе котораго легъ діалектъ Тосканы.

2) *ладинскіе* говоры, употребляющіеся въ швейцарскомъ кантонѣ Граубинденѣ, въ двухъ мѣстностяхъ австрійскаго Тироля и, наконецъ, во Фріулѣ въ Италіи.

3) языкъ *провансальскій*, на которомъ въ средніе вѣка развилась превосходная поэзія трубадуровъ.

4) говоры *французскіе* съ литературнымъ языкомъ французскимъ, который принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ въ мірѣ языкамъ; кромѣ Франціи онъ, между прочимъ, оффиціально принятъ литературнымъ языкомъ въ Бельгіи и дипломатическимъ въ Европѣ.

5) группа *испанская*, не столько распространенная въ Европѣ, сколько въ Америкѣ (вообще нѣкоторые европейскіе языки, благодаря колонизаціи, распространились за предѣлы Европы).

6) группа *португальская* и, наконецъ,

7) группа *румынская*.

Далѣе слѣдуетъ семья *кельтская*. Въ древнее время языкъ кельтскій былъ болѣе распространенъ, чѣмъ въ настоящее. Теперь на немъ говорятъ во Франціи — въ Бретани, въ Англіи—въ Валлисѣ, въ незначительной части Шотландіи и въ Ирландіи. Кельты, будучи перемѣшаны или съ французами, или съ англичанами, знаютъ ихъ языкъ, а многіе потомки прежнихъ Кельтовъ уже не говорятъ по-кельтски.

Семья *германская*. Главныя ея вѣтви:

1) вѣтвь *готская*. Племена, которыя говорили готскимъ языкомъ, смѣшались съ племенами не германскаго происхожденія и утратили при этомъ свой языкъ; такимъ образомъ готскій языкъ вымеръ, сохранившись впрочемъ въ письменныхъ памятникахъ. Главный памятникъ—переводъ Св. Писанія, сдѣланный готскимъ епископомъ Ульфилой (правильнѣе Вульфилой, уменьшительное отъ готскаго vulfs „волкъ“) въ IV-мъ вѣкѣ и дошедшій до насъ въ отрывкахъ. Долго думали, что готскій языкъ—родоначальникъ всѣхъ германскихъ языковъ, но онъ можетъ назваться только ихъ братомъ, представляющимъ, правда, наиболѣе древніе письменные памятники сравнительно съ другими языками германской семьи.

2) вѣтвь *скандинавская* или *нордская* (т. е. сѣверная). На древне-нордскомъ языкѣ написаны памятники древненордской литературы: двѣ Эдды, представляющія собранія древнихъ миѳологическихъ разсказовъ. „Старшая“ Эдда—въ стихахъ, „Младшая“, болѣе поздняя, — въ прозѣ и служитъ какъ бы пополненіемъ первой. Что касается до современныхъ скандинавскихъ языковъ, то ихъ четыре: *исландскій*, *норвежскій*, *датскій* и *шведскій*.

3) вѣтвь *нѣмецкая*. Она представляетъ двѣ группы говоровъ: группа *верхне-нѣмецкая* и *нижне-нѣмецкая*; названія эти—географическія: верхне-нѣмецкіе говоры употребляются въ болѣе возвышенной части Германіи, въ южной, а нижненѣмецкіе—въ болѣе низменной, сѣверной. Языкъ *верхне-нѣмецкій* представляетъ три періода: древній, средній и новый. *Древне-верхне-нѣмецкій* языкъ отъ VII-го до конца XI вѣка. Въ письменныхъ памятникахъ этого періода всегда проявляется діалектъ писавшаго; нѣтъ общаго литературнаго языка, который употреблялся бы всѣми пишущими, къ какимъ бы діалектамъ ни принадлежали они. Болѣе общій языкъ развился въ періодъ *средне-верхне-нѣмецкій*, благодаря тому, что получилъ перевѣсъ надъ другими говорами языкъ двора, *швабб-*

скій, сдѣлавшись языкомъ высшаго обращенія; образовался такимъ образомъ *придворный* языкъ, употреблявшійся даже тѣми, для которыхъ онъ не былъ роднымъ говоромъ. Въ этотъ періодъ литература изъ рукъ духовныхъ, которые обладали ею въ періодъ древне-верхне-нѣмецкій, перешла въ руки благородныхъ; такимъ образомъ языкъ придворный сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ литературнымъ. На немъ написаны прекрасныя произведенія XIII-го вѣка, произведенія знаменитыхъ поэтовъ миннезингеровъ. Наконецъ, *ново-верхне-нѣмецкій* языкъ начался со времени Лютера. Лютеръ говоритъ, что онъ не воспользовался однимъ какимъ-либо народнымъ говоромъ Германіи, но—языкомъ саксонской канцеляріи, которому слѣдовали всѣ князья и короли въ Германіи. По причинѣ этого общаго употребленія, говоритъ Лютеръ, общій нѣмецкій языкъ доступенъ пониманію верхнихъ и нижнихъ Нѣмцевъ. Рядомъ съ этимъ письменнымъ языкомъ продолжаютъ жить народные говоры, потомки болѣе древнихъ народныхъ говоровъ Что касается группы *нижне-нѣмецкой*, къ ней, кромѣ говоровъ низменной Германіи, принадлежитъ языкъ *англійскій* и *голландскій*.

Мы должны теперь сдѣлать обзоръ остальныхъ двухъ вѣтвей аріо-европейскаго семейства языковъ—*балтійской* (или литовской въ широкомъ смыслѣ) и *славянской*. Эти двѣ вѣтви представляютъ между собою такъ много сходства какъ въ грамматическомъ, такъ равно и лексическомъ отношеніяхъ, что ихъ обыкновенно объединяютъ въ группу *балтійско-славянскую* или иначе *литво-славянскую*, подобно тому какъ въ азіатскомъ отдѣлѣ индо-европейскихъ языковъ на томъ же основаніи соединяютъ вѣтви индійскую и иранскую въ группу индо-иранскую или арійскую.

Семья *литовская* или *балтійская* — одна изъ самыхъ малочисленныхъ семей (самая малочисленная — семья албанская, далѣе—литовская, затѣмъ—кельтская). Литовскую семью составляютъ языки: 1) *прусскій* (называемый также древне-

прусскимъ), уже вымершій, 2) *литовскій* въ тѣсномъ смыслѣ слова и 3) *латышскій*.

Древніе *Пруссы* были частью истреблены, частью ассимилированы нѣмецкими крестоносцами и наконецъ въ XVII в. языкъ древнихъ Пруссовъ вышелъ изъ живаго употребленія, сохранившись только въ скудныхъ памятникахъ (три небольшихъ катехизиса XVI в. и Эльбингскій нѣмецко-прусскій словарикъ въ 800 словъ). Побѣдители древнихъ Пруссовъ усвоили себѣ ихъ названіе, какъ географическое названіе страны, въ которой жили древніе Пруссы-литовцы.

Собственно *Литовцы* живутъ въ восточной Пруссіи, преимущественно же въ Россіи (въ губерніяхъ Ковенской, въ части Виленской и Сувалкской). Литовскіе говоры распадаются на нѣсколько группъ. Строй литовскаго языка отличается древностью. Въ этомъ отношеніи литовск. яз. часто даже не уступаетъ санскриту, но имѣетъ то преимущество передъ послѣднимъ, что санскритъ—языкъ не живой, а литовскій—живой, такъ что его можно наблюдать до мельчайшихъ тонкостей.

Латышская группа простирается къ сѣверо востоку отъ литовской, занимая губерніи Курляндскую, половину Лифляндской и часть Витебской. Древнѣйшіе памятники латышскаго языка, какъ и литовскаго, восходятъ лишь къ XVI в. нашей эры.

Семья *славянская*. Она представляетъ слѣдующія вѣтви:

1) Вѣтвь восточная или *русская*. Ея подраздѣленія: говоры *великорусскіе* и *малорусскіе*; великорусскіе говоры раздѣляются на *сѣверные* или *окающіе* и *южные* или *акающіе*; южно-великорусскіе говоры дѣлятъ на *собственно южно великорусскіе* и *бѣлорусскіе*, западные по отношенію къ первымъ. Что касается *русскаго литературнаго* языка, то въ основѣ его лежатъ говоры великорусскіе, изъ которыхъ московскій болѣе другихъ участвовалъ въ образованіи его въ зависимости

отъ того, что области московскаго нарѣчія долго принадлежало средоточіе государственной власти.

2) Къ слѣдующей сѣверо-западной вѣтви принадлежатъ говоры *полабскіе*, *кашубскіе* и *польскіе*.

Полабы уже совершенно онѣмечены; въ настоящее время нѣтъ ни одного Полаба, который бы говорилъ по-полабски, полабская рѣчь держалась еще мѣстами въ XVIII столѣтіи.

Говоры *кашубскіе*—около Данцига; они представляютъ переходъ отъ полабскихъ къ польскимъ и въ настоящее время такъ сблизились съ польскими, что обѣ группы могутъ быть соединены въ одну общую, кашубско-польскую группу, распадающуюся на частную группу говоровъ кашубскихъ и частную группу говоровъ польскихъ.

Поляки живутъ въ Россіи (въ Польшѣ и, перемѣшанные съ Бѣлоруссами, Малоруссами и Великоруссами,—въ западныхъ губерніяхъ Россіи), въ Австріи (въ австрійской Силезіи и Галиціи) и Пруссіи.

3) Говоры *лужицкіе* раздѣляются на *верхне-лужицкіе* и *нижне-лужицкіе*. Верхніе Лужичане живутъ преимущественно въ Саксоніи, нижніе—преимущественно въ Бранденбургѣ.

Верхне-лужицкое нарѣчіе по нѣкоторымъ чертамъ стоитъ близко къ чешскому, тогда какъ нижне-лужицкое представляетъ рядъ чертъ, сближающихъ его съ польскимъ языкомъ, такъ что въ этомъ смыслѣ лужицкій языкъ занимаетъ посредствующее положеніе между польскимъ и чешскимъ.

4) вѣтвь *чешско-словацкая* распадается на группы *чешско-моравскую* и *словацкую* или *угро-словенскую*. Чехо-Моравне населяютъ почти всю Чехію (кромѣ с.-з. границы) и Моравію и небольшую западную часть австрійской Силезіи, не занятую Поляками. Говоры словацкіе (угро-словенскіе) занимаютъ сѣверо-западный уголъ Венгріи или Угріи.

5) Пятую вѣтвь составляютъ говоры *сербо-хорватскіе*, *словинскіе* и *резьянскіе*.

Сербо-Хорваты занимаютъ Сербію, Боснію, Герцеговину, Черногорію, часть южной Венгріи, часть Кроаціи, не занятую Словинцами, южную часть Истріи, а также живутъ на островахъ Адріатическаго моря. Говоры сербо-хорватскіе дѣлятся на *чакавскіе* или *хорватскіе* (западные) и *штокавскіе* или *сербскіе* (восточные). Названія эти заимствованы отъ вопросительныхъ мѣстоименій „ча“ и „што“ (что?). Но на эти названія слѣдуетъ смотрѣть только какъ на условные термины, съ которыми соединяется представленіе о суммѣ другихъ свойствъ гораздо болѣе важныхъ.

Населеніе, которое говоритъ *словинскими* говорами занимаетъ Крайну, южную часть Штиріи и Каринтіи, сѣверную часть Истріи, а также Кроацію. Словинскіе говоры представляютъ множество діалектическихъ оттѣнковъ.

Резьянскими говорами (въ провинціи Удине Итальянскаго королевства, у самой австрійской границы) говорятъ только $3^1/_2$ тысячи; но они настолько отличаются отъ другихъ говоровъ, что могутъ составить особую группу.

6) Вѣтвь *болгарская*. Болгарское племя населяетъ сѣверо-восточную часть Балканскаго полуострова: оно простирается на сѣверъ до Дуная, гранича съ Румынами, на сѣверо-западѣ граничитъ съ Сербами, на западѣ достигаетъ Албаніи, на югѣ отдѣляется отъ Архипелага и Мраморнаго моря только береговой полосой, гдѣ говорятъ по-гречески, или по-турецки, на востокъ доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до Чернаго моря.

Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о языкѣ *церковно-славянскомъ*. Въ памятникахъ *древняго церковно-славянскаго* или *старо-славянскаго* языка отражается относительно самое древнее состояніе славянскихъ языковъ. Является вопросъ: у какого славянскаго племени этотъ языкъ былъ живымъ говоромъ? По этому вопросу было высказано нѣсколько мнѣній, изъ которыхъ выдаются два: по первому — старо-славянскій языкъ принадлежалъ къ болгарской вѣтви, по второму—онъ

былъ языкомъ паннонскихъ Славянъ, которые исчезли вслѣдствіе того, что ассимилировались съ окружавшими ихъ неславянскими племенами. Первое мнѣніе имѣетъ за себя болѣе фактическихъ основаній. Старо-славянскій языкъ у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ сталъ приноравливаться къ живой рѣчи этихъ славянскихъ племенъ и потому получилъ разные оттѣнки. Древнѣйшимъ памятникомъ старо-славянскаго языка съ русскимъ вліяніемъ является Остромирово Евангеліе (1056—1057 года). *Новый церковно-славянскій языкъ* развился при сильномъ вліяніи языка русскаго. Въ свою очередь и на русскомъ языкѣ сказалось вліяніе церковно-славянскаго.

Лекція 16-ая.

Семейства и типы языковъ и ихъ характеристика.

Антропологія, разсматривая человѣка съ зоологической точки зрѣнія какъ особый видъ животныхъ, обладающій даромъ слова, дѣлитъ все человѣчество по тѣлеснымъ признакамъ на расы и племена. Лингвистика, занимающаяся изученіемъ различій человѣческой рѣчи, распредѣляетъ всѣ языки по семействамъ и ихъ болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ. Казалось бы, что эта лингвистическая группировка должна бы гармонировать съ антропологическою, однакожъ на самомъ дѣлѣ между ними не наблюдается полнаго соотвѣтствія, а лишь частичное. Это зависитъ отъ того, что въ теченіе тысячелѣтій происходили столкновенія между племенами и передвиженія ихъ, благодаря чему племена различныя прежде по языку могли уподобляться другъ другу, а племена раньше родственныя по языку—разъединяться. Потому-то сходство или различіе языковъ не всегда теперь служитъ показателемъ антропологической одинаковости или же различія, какъ и наоборотъ—антропологическія отношенія не всегда соотвѣтствуютъ лингвистическимъ.

Лингвистика дѣлитъ всѣ языки земнаго шара на нѣкоторое число семействъ (еще вполнѣ не установленное), напр. аріо-европейское, урало-алтайское и т. д., при чемъ каждое такое семейство образуется изъ языковъ родственныхъ по кор-

нямъ и формамъ, тогда какъ между разными семействами такого языковаго родства наука пока еще не можетъ обнаружить, хотя возможно, что съ прогрессомъ знаній удастся открыть соотношенія сродства и между нѣкоторыми языковыми семействами, которыя теперь считаются неродственными. Распредѣленіе человѣческихъ языковъ по семействамъ составляетъ предметъ *генетической* (т. е. опирающейся на признаніи родства или же отсутствія его) *классификаціи* языковъ. Но если сравнивать не сходство корней и формъ, а аналогичность строенія или структуры словъ входящихъ въ составъ предложеній, то въ результатѣ будемъ имѣть *классификацію структурную* или *морфологическую*, при чемъ все разнообразіе семействъ можно подвести подъ четыре основные типа: 1) корневой; 2) агглютинирующій, 3) воплощающій, 4) флексійный, различающіеся между собою способомъ выражать въ предложеніи различныя отношенія между отдѣльными понятіями. Въ *корневомъ* типѣ понятія обозначаются отдѣльными корнями, а отношенія между ними въ предложеніи или—иначе—формальные оттѣнки выражаются мѣстомъ словъ въ предложеніи. Въ *агглютинирующемъ* (т. е. „приклеивающемъ“) типѣ для выраженія формальныхъ оттѣнковъ мысли уже существуютъ особые морфологическіе элементы, которые присоединяются къ корнямъ въ извѣстномъ порядкѣ и являются настолько самостоятельными и опредѣленными, что ясно отдѣляются какъ другъ отъ друга, такъ и отъ корня; при этомъ для каждаго отдѣльнаго оттѣнка значенія всегда служитъ одинъ и тотъ же особый придаточный элементъ; въ однихъ семействахъ такіе элементы ставятся позади корня, а въ другихъ—передъ корнемъ. *Воплощающіе* языки занимаютъ какъ бы среднее положеніе между корневыми и агглютинирующими и называются такъ потому, что они цѣлое предложеніе какъ бы воплощаютъ въ одномъ словѣ, а именно: принимая глаголъ за средоточіе предложенія, они вносятъ въ него другіе слова, но не въ обычномъ ихъ видѣ, а въ видѣ корней (въ отдѣль-

номъ же употребленіи эти слова сохраняютъ свой формальный элементъ)[1]; поэтому такой строй называютъ также полисинтетизмомъ („многообъединенностью“). Во *флексійномъ* типѣ формальные элементы вообще тѣсно сливаются съ корнемъ или основою; впрочемъ префиксы и особенно предлоги своей обособленностью напоминаютъ придаточные элементы агглютинирующихъ языковъ. Вообще можно сказать, что всѣ эти типы не имѣютъ непереходимой границы между собою, но—какъ увидимъ далѣе—характерныя явленія однихъ типовъ могутъ встрѣтиться какъ частныя въ другихъ типахъ.

Представимъ теперь перечень наиболѣе извѣстныхъ семействъ и типовъ языковъ съ указаніемъ характерныхъ признаковъ строенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

I. *Китайскій* языкъ. Признаки его:

1) Китайскому языку свойственны „корни-слова“, не распространенные вовсе суффиксами; поэтому китайскій языкъ называютъ *корневымъ*. Корни, отдѣльно взятые, имѣютъ преимущественный смыслъ той или другой части рѣчи, хотя и не имѣютъ формальныхъ отличій по словопроизводственному элементу; въ предложеніи же они могутъ получить значеніе и другихъ частей рѣчи. Такъ, напр., корень *та*, смотря по положенію во фразѣ, можетъ обозначать: величина, великій, очень, увеличить.[2])

---

[1]) Это и понятно: срв. въ русскомъ — домъ, дом*икъ*, дом*ашній* и пр.; но въ сложеніи *домо*-владѣлецъ, *домо*-рощенный и т. п.

[2]) Основываясь на томъ, что такіе корни-слова содержатъ только одинъ слогъ, китайскій языкъ называютъ *односложнымъ*; однако приходится сомнѣваться въ совершенной правильности этого положенія, такъ какъ могутъ быть случаи опро́щенія на почвѣ двухъ соединенныхъ корней; напр., нѣкоторыя сложныя названія городовъ навѣрно уже не чувствуются съ своемъ морфологическомъ составѣ (срв. Пекинъ: *pek*=сѣверъ, *king*=столица; нужно думать, что разсматриваемое слово имѣетъ на себѣ уже и одно удареніе).

2) Формальные оттѣнки значенія выражаются или мѣстомъ слова въ предложеніи (т. е. синтаксически), или же при помощи особыхъ формальныхъ словечекъ-корней. Такъ, *подлежащее* обнаруживается само собою тѣмъ, что всегда начинаетъ собою предложеніе; *прямое дополненіе* стоитъ непосредственно за словомъ, выражающимъ дѣйствіе. Оттѣнки другихъ падежей передаются или также опредѣленнымъ мѣстомъ слова въ предложеніи, или помощью формальныхъ словечекъ-корней, напр., *родит. пад.* обозначается постановкой слова передъ тѣмъ словомъ, которое должно быть опредѣлено: t'jēn tse = сынъ *неба*, но говорятъ также t'jēn-*ti*-tse. [1]) Вотъ примѣръ видоизмѣненія значенія корней-словъ въ зависимости отъ перемѣны мѣста въ предложеніи:

žîn haó lí = человѣкъ любитъ пользу;
человѣкъ любить польза

haó lí čī žîn = любящій пользу человѣкъ.
Опредѣл. Мѣстоим. 3-го лица.

И такъ, въ китайскомъ языкѣ кромѣ главныхъ словъ-корней есть еще вспомогательныя; изученіе китайскаго языка сводится къ изученію корней того и другаго типа, а также порядка словъ въ предложеніи. Различіе двухъ видовъ корней-словъ было подмѣчено китайскими грамматиками, которые раздѣлили корни на двѣ группы — слова полныя и слова пустыя, что̀ соотвѣтствуетъ въ европейскомъ языкознаніи дѣленію словъ на „знаменательныя“ и „служебныя“ или „частицы“. Соотвѣтственно съ этимъ они опредѣляютъ и грамматику, какъ „очень полезное искусство, научающее насъ отличать полныя слова и пустыя“.

---

[1]) Случаи различенія подлежащаго и прямаго дополненія по мѣсту въ предложеніи встрѣчаются и въ индоевроп. языкахъ, напр. во франц.: Emile craint Auguste ‖ Auguste craint Emile. Ср. еще относительно роли мѣста слова въ предложеніи въ нѣм.: du hast ‖ hast du? и т. п., ich habe... genommen и т. д.

3) Многозначность китайскихъ корней. Независимо отъ только-что указаннаго видоизмѣненія смысла слова соотвѣтственно занимаемому мѣсту въ предложеніи, въ китайскомъ языкѣ одни и тѣ же корни нерѣдко имѣютъ самыя разнообразныя значенія; иначе говоря, въ китайскомъ языкѣ много корней-гомонимовъ.[1]) Напр. корень *tao*, между прочимъ, можетъ обозначать: похитить, достичь, покрыть, знамя, пшеница, вести, дорога; корень *lu*: отвратить, повозка, драгоцѣнный камень, роса, ковать, дорога. Конечно, во многихъ случаяхъ значенія корня, хотя бы на первый взглядъ и различныя, могутъ быть родственны между собою, напр. t'ien значитъ „небо“ и „день“, т. е. подобно напр. санскритскому слову *dyāus*.

4) Въ китайскомъ языкѣ употребляется особаго рода сложеніе корней. Чтобы выдѣлить, при многозначности, тотъ или другой смыслъ слова, соединяютъ два слова, являющіяся въ одномъ изъ своихъ значеній синонимами; такъ, *tao-lu* значитъ только „дорога“, такъ какъ въ этомъ только значеніи совпадаютъ оба слова. Ср. наше выраженіе: „путь-дорога“.

5) Разнообразіе интонаціи. Различные смыслы одного и того же слова иногда соединяются съ различіемъ интонаціи или вида ударенія.

---

[1]) Это легко объясняется тѣмъ, что китайскій языкъ не знаетъ аффиксовъ (суффиксовъ и префиксовъ). Въ языкахъ нашего семейства отъ сравнительно ограниченнаго количества корней получается благодаря суффиксамъ и префиксамъ почти безконечное количество словъ (срв. пеку<печь, подпечекъ, печникъ, пекарь и т. д.). Такъ какъ этого средства китайскій языкъ не знаетъ, то вполнѣ естественно, что одинъ и тотъ же по звукамъ корневой комплексъ нерѣдко имѣетъ въ китайскомъ много различныхъ значеній. При этомъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, принимаютъ особенно значительное участіе для дифференціаціи значеній гомонимныхъ корней, помимо синтаксическаго положенія корня - слова въ предложеніи, еще разнообразіе интонаціи и синонимическое сложеніе корней.

II. *Аннамскій.*
III. *Сіамскій.*
IV. *Бирманскій.*
V. *Тибетскій.*

Эти языки, находящіеся въ географическомъ сосѣдствѣ съ китайскимъ и также, подобно ему, корневые, выставляются однако въ качествѣ отдѣльныхъ семействъ, такъ какъ родства между ними пока не обнаружено.

VI. Семейство *урало-алтайскихъ* (туранскихъ) языковъ, названное такъ по своей предполагаемой прародинѣ, широко раскинулось, занявши всю сѣверную половину Азіи и значительную часть восточной Европы. Къ этому семейству относятъ слѣдующія группы языковъ, родство между которыми однакожъ не можетъ пока считаться вполнѣ установленнымъ: *турецко-татарская* или *тюркская* (съ языками турецкимъ, татарскимъ, киргизскимъ и др.) [1]), *финская* (съ языками финскимъ, эстонскимъ, мордовскимъ, черемисскимъ, остяцкимъ, мадьярскимъ и др.), *монгольская* (куда относятся также языки бурятскій и калмыцкій), *тунгузская* или *манджурская*, *самоѣдская*. Признаки:

1) Агглютинація (т. е. приклеиваніе, отъ лат. glutinum = клей). Въ урало-алтайскихъ языкахъ нѣтъ такого плотнаго единства слова, какъ въ языкахъ аріо-европейскихъ, суффиксы сохраняютъ свою отчетливость и обособленность. Отсюда урало-алтайскіе языки называются *агглютинирующими*, прикленвающими. Эта отчетливость придаточныхъ морфологическихъ элементовъ находится въ связи съ тѣмъ, что одинъ и тотъ же оттѣнокъ значенія выражается однимъ и тѣмъ же суффиксомъ, между тѣмъ какъ во флексіи аріоевропейской мы встрѣчаемъ разнообразіе обозначеній для одного и того же оттѣнка значенія (ср., напр., въ русскомъ различныя окончанія Род. ед. — стол*а*, рыб*ы*,

[1]) Названіе *тюркскій* (туркскій, турецкій) восточнаго происхожденія: турецко-татарскій языкъ въ его развѣтвленіяхъ восточными народами называется *тюрки*.

кости). Отсюда проистекаетъ относительная простота урало-алтайской флексіи. Примѣръ изъ турецкаго языка: *oda* комната (отсюда слово „одалиска“), *oda-da* въ комнатѣ, *oda-lar* комнаты, *oda-lar-da* въ комнатахъ; точно такъ же образуются соотвѣтствующія формы и отъ всякаго другаго существительнаго (нѣкоторыя варіаціи получаются вслѣдствіе фонетическихъ перемѣнъ, см. ниже пунктъ 3). Агглютинативный и флексійный моменты, вѣроятно, такъ или иначе свойственны и другимъ языкамъ, ибо выражаютъ собою лишь *разную степень самостоятельности морфемъ*; въ этомъ смыслѣ аффиксамъ турецко-татарскихъ языковъ эквивалентны префиксы и отчасти суффиксы въ аріо-европейскихъ языкахъ.

2) Урало-алтайскіе языки не развили типа префиксовъ и предлоговъ. Разнообразные оттѣнки значенія они выражаютъ посредствомъ присоединенія къ корню соотвѣтствующихъ суффиксовъ. Суффиксы здѣсь исполняютъ и тѣ функціи, которыя въ аріоевропейскихъ языкахъ выполняются предлогами.[1]) Ср. турецк.: *el* рука, *el-im* моя рука, *el-im-de* въ моей рукѣ, *el-im-de-ki* находящійся въ моей рукѣ, *el-im-de-ki-n* (Р. ед.) находящагося въ моей рукѣ.

3) Гармонія гласныхъ. Сочетаніе корня съ суффиксами при образованіи словъ объединяется не только удареніемъ, но еще такъ называемою гармоніею гласныхъ. Явленіе это состоитъ въ томъ, что гласнымъ корня опредѣляется характеръ послѣдующихъ гласныхъ. Если, напр., въ корнѣ твердый гласный, то и слѣдующіе гласные того же слова будутъ твердые, а если мягкій, то и послѣдующіе гласные мягкіе. Такимъ образомъ, окончаніе неопр. накл. будетъ *-mak*, если гласный въ корнѣ твердый, и *-mek*, если онъ мягкій, напр. тур. *jaz-mak* писать || *sev-mek* любить. Подобнымъ же образомъ знакъ множеств. числа является въ видахъ *-lar* || *-ler*,

[1]) Ср. существованіе постпозиціонныхъ предлоговъ въ аріо-европейскихъ языкахъ.

признакъ locat. *-da* || *-de* и т. п., смотря по главному гласному въ словѣ, т. е. по гласному корня.

4) Нѣтъ различія рода въ существительныхъ, т. е. какъ это свойственно значительному большинству языковыхъ группъ, именно — всѣмъ семействамъ кромѣ хамитскаго, семитскаго и аріо-европейскаго, да и то въ послѣднемъ нѣкоторые изъ современныхъ языковъ уже утратили родовыя различія.

5) Неизмѣняемость прилагательнаго. Такъ какъ имена существительныя въ урало-алтайскихъ языкахъ не выработали различія рода, то въ зависимости отъ этого и прилагательныя не измѣняются по родамъ, равно какъ и не склоняются, но въ неизмѣняемой формѣ присоединяются спереди къ существительнымъ, при чемъ падежныя окончанія имѣются только при существительныхъ. [1])

6) Въ отношеніи синтаксическомъ обращаетъ на себя вниманіе совершенно другой порядокъ словъ въ предложеніи, нежели въ языкахъ аріоевропейскихъ. Ср. въ морфологическомъ отношеніи отсутствіе типа префиксовъ; соотвѣтствующіе имъ элементы стоятъ позади корня, слѣдовательно въ совершенно иномъ направленіи относительно корня, чѣмъ въ аріоевропейскихъ языкахъ. Если отмѣченныя синтаксическое и морфологическое явленія урало-алтайскихъ языковъ стоятъ въ связи между собою, то здѣсь мы имѣемъ случай соотвѣтственности между синтаксическимъ и морфологическимъ строемъ языка.

VII. *Японскій* языкъ.
VIII. *Дравидскіе* языки. } агглютинирующіе.

---

[1]) Въ англійскомъ языкѣ выработалось явленіе, аналогичное урало-алтайскимъ языкамъ: въ англ. прилагательное опредѣленіе не измѣняется. Ср. the *good* father; the *good* mother; of the *good* father; of the *good* fathers; и т. д.

IX. Языки сѣверо-восточнаго угла Азіи, т. е. языки *юкагировъ*, *коряковъ*, *чукчей* и *камчадаловъ*, родственныя отношенія которыхъ еще недостаточно разъяснены.

X. Языки Кавказа распадаются на языки сѣвернаго и южнаго склона; къ первымъ принадлежатъ *черкесскій* (у Чернаго моря), *чеченскій* и *лезгинскій* (у Каспійскаго моря), ко вторымъ — *грузинскій*, *сванетскій*, *мингрельскій*; до сихъ поръ не только не установлено родства между сѣверною и южною группою, но даже и между отдѣльными членами сѣверной группы.

XI. *Малао-полинезійскіе* языки, распространенные на многочисленныхъ островахъ Великаго океана; языки этого семейства подраздѣляются на группы — *малайскую* (на малайскомъ архипелагѣ, а также на Филиппинскихъ островахъ), *полинезійскую* (въ Полинезіи, Новой Зеландіи и Мадагаскарѣ) и *меланезійскую* (на островахъ Фиджи и другихъ къ сѣверо-востоку отъ Австраліи); что касается языка *папуасовъ* на Новой Гвинеѣ и языка племенъ Австраліи, то этотъ вопросъ пока мало изслѣдованъ.

XII. *Американскіе* языки (т. е. языки туземцевъ Америки) весьма многочисленны, но характерную черту всѣхъ этихъ языковъ составляетъ полисинтетизмъ, уже объясненный нами выше. [1])

XIII. Кафрскіе языки южной Африки образуютъ семейство *банту*; къ югу отъ нихъ находятся неродственные имъ и между собою языки *готтентотовъ* и *бушменовъ*, а къ сѣверу простирается область различныхъ *негрскихъ* языковъ, родственныя отношенія которыхъ еще не установлены.

---

[1]) Явленія полисинтетизма встрѣчаются также въ языкахъ сѣверо-востока азіатскаго, напр. въ языкѣ гиляковъ острова Сахалина и др.; черты полисинтетизма въ томъ или другомъ видѣ не чужды и аріо-европейскимъ языкамъ, срв. рус. *къ* вчера написанной *статьѣ*, нѣм. *ich habe... genommen, mache* das Buch *auf*, франц. *je* te l'*ai dit*, и т. п.

XIV. Языки *хамитскіе*, къ нимъ принадлежатъ *ливійскіе* или *берберскіе* языки сѣвера Африки и группа языковъ на югѣ Египта, извѣстная подъ названіемъ *эѳіопскихъ*. [1]) Кромѣ того, къ тому же семейству принадлежали и нѣкоторые древніе, уже исчезнувшіе языки, а именно: *древне-египетскій* и потомокъ его—*коптскій*; этотъ послѣдній нѣсколько столѣтій тому назадъ уступилъ свое мѣсто арабскому. Ученые склонны считать хамитскіе языки за родственные съ семитскими.

XV. *Семитскіе* языки, въ значительной своей части уже вымершіе, образуютъ четыре вѣтви: *древне-ассирійскій* или *ассиро-вавилонскій* языкъ, извѣстный изъ клинообразныхъ надписей Вавилона и Ниневіи; *ханаанскіе* языки—*финикійскій* и *еврейскій*; языкъ *арамейскій*, вытѣснившій собою изъ живаго употребленія еврейскій уже за четыре вѣка до Р. Х. и частію сохранившійся до настоящаго времени подъ именемъ *ново-сирійскаго*; наконецъ—языкъ *арабскій*, ставшій священнымъ языкомъ ислама и не только сохранившійся до настоящаго времени, но и значительно распространившійся чрезъ завоеванія на другія области (онъ употребляется въ Аравіи, Месопотаміи, Сиріи, Египтѣ, сѣверной Африкѣ и на о. Мальтѣ). Признаки семитскихъ языковъ:

1) Трехсогласный характеръ корней. Корни въ семитскихъ языкахъ состоятъ изъ трехъ согласныхъ (о роли гласныхъ скажемъ въ слѣдующемъ пунктѣ). Согласные составляютъ постоянную, не мѣняющуюся при флексіи часть корня. Примѣры семитскихъ корней: *q-t-l* убивать, *k-t-b* писать, *d-b-r* говорить. Между тѣмъ въ индоевропейскихъ языкахъ строеніе корней представляетъ значительное разнообразіе: корень можетъ состоять изъ гласнаго безъ всякаго со-

[1]) Нѣкоторые думаютъ, что берберская группа нѣкогда была распространена и на юго-западѣ Европы, и остатокъ ея видятъ въ языкѣ *басковъ* въ Пиренейскихъ горахъ.

гласнаго (напр. *ei* — εἶμι), изъ согласнаго съ гласнымъ или, наоборотъ, изъ гласнаго съ согласнымъ, далѣе—изъ гласнаго между двухъ согласныхъ и проч.

2) Внутренняя флексія. Гласные представляютъ мѣняющуюся часть семитскаго корня. Перемѣною гласныхъ корня получается измѣненіе оттѣнковъ значенія, что̀ и называется внутренней флексіей. При этомъ одни и тѣ же оттѣнки значенія вообще выражаются одинаковыми гласными для всѣхъ корней. Напр. въ арабскомъ: *qatala* онъ убилъ, *qutila* онъ былъ убитъ и т. п.; соотвѣтствующія образованія отъ другихъ корней: *kataba*, *kutiba*; *dabara*, *dubira*, и т. д.

3) Только два рода въ именахъ — мужескій и женскій. По этимъ двумъ родамъ распредѣляются и названія неодушевленныхъ предметовъ и отвлеченныхъ понятій. (Какъ вторичное явленіе, существованіе только двухъ родовъ наблюдается и въ нѣкоторыхъ изъ аріоевропейскихъ языковъ, напр. романскихъ и балтійскихъ).

4) Первоначально трехпадежное склоненіе, а затѣмъ переходъ къ аналитическому состоянію. Полагаютъ, что въ семитскомъ праязыкѣ склоненіе имѣло только три падежа, стало быть—меньше, чѣмъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Падежи эти были: Им., Род., Вин.; окончаніями ихъ служили гласные: Им. *-u*, Р. *-i*, В. *-a*, напр. *kalbu* (собака), *kalbi*, *kalba*. Кромѣ арабскаго языка, все семитическое семейство большею частью потеряло эти окончанія. Напр. о еврейскомъ языкѣ Гезеніусъ говоритъ: „формъ падежей еврейскій языкъ собственно не имѣетъ, хотя и уцѣлѣли въ немъ нѣкоторые ихъ остатки, свидѣтельствующіе объ ихъ существованіи въ до-библейскій періодъ языка; понятіе же о падежѣ получается или по мѣсту, занимаемому именемъ въ предложеніи, или выражается посредствомъ предлоговъ, приставляемыхъ къ имени. Въ томъ и другомъ случаѣ форма имени не подвергается никакому измѣненію и, потому, ученіе

о падежахъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ синтаксису". Ср. переходъ многихъ изъ аріоевропейскихъ языковъ въ аналитическое состояніе.

5) Согласованіе прилагательнаго въ родѣ, числѣ и падежѣ съ существительнымъ, т. е. какъ это имѣетъ мѣсто и въ языкахъ аріоевропейскихъ.

6) Только два времени въ глаголѣ: совершенное— для обозначенія дѣйствія совершившагося и несовершенное— для обозначенія дѣйствія несовершившагося. Времена эти различаются мѣстомъ личнаго суффикса и гласнымъ корня, напр. въ араб.: kataba (ты написалъ), taktubu (дѣйствіе несов.). [1])

Примѣчаніе. Въ передней Азіи существовали въ древности еще нѣкоторыя другія семейства языковъ, которые вымерли, сохранившись однако въ письменныхъ памятникахъ. Къ такимъ принадлежатъ:

1) Языкъ *сумерскій* съ парѣчіемъ *аккадскимъ*, который употреблялся въ Месопотаміи и былъ вытѣсненъ языкомъ ассиро-вавилонянъ, прибывшихъ сюда за четыре тысячелѣтія до Р. Х. изъ предполагаемой прародины семитовъ—Аравіи; судя по надписямъ, языкъ сумеровъ имѣлъ строй отличный отъ семитскихъ языковъ, какъ полагаютъ—агглютинирующій.

2) Языкъ *хаттовъ* или *хетовъ* (*хеттовъ*), господствовавшій въ восточной части Малой Азіи и сохранившійся въ іероглифическихъ надписяхъ, писанныхъ знаками и рисунками и до сихъ поръ еще надлежаще не разъясненныхъ (хотя и есть попытки связать языкъ этихъ надписей съ армянскимъ).

3) Языкъ клинообразныхъ *ванскихъ* надписей (найденныхъ около озера Вана въ Закавказьѣ), принадлежавшій, какъ полагаютъ древнимъ алародамъ; нѣкоторые видѣли въ этихъ надписяхъ древнѣйшіе памятники армянскаго языка, тогда какъ другіе болѣе склонны относить ихъ къ грузинскому языку.

XVI. *Аріо-европейскіе* или *индо-европейскіе* языки—съ весьма развитымъ флексійнымъ строемъ. Однако большая часть современныхъ ихъ представителей уже перешла изъ „синтетическаго" въ „аналитическое" состояніе, т. е. усвоила

[1]) Ср. въ аріо-европ. языкахъ одинаковость личныхъ окончаній въ наст. и будущ., въ отличіе отъ прошедшихъ временъ, а также случаи употребленія наст. въ смыслѣ будущаго.

флексію подобно напр. франц.: *de la* table, *à la* table и проч., или *j'ai* lu, *j'avais* lu... Отсюда видимъ, что, съ переходомъ языка изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, прежнее флексійное разнообразіе уступаетъ мѣсто большей простотѣ флексіи, т. е. измѣненіе происходитъ въ направленіи бо̀льшаго удобства для памяти.

Слѣдуетъ думать, что этотъ процессъ, широко распространенный не только въ языкахъ аріо-европейскихъ, но также и семитскихъ, вытекаетъ изъ самой природы языка, и мы постараемся разъяснить его съ этой стороны. Прежде всего замѣтимъ, что считаемъ самые термины „аналитическій“ и „синтетическій“ въ этомъ случаѣ мало соотвѣтствующими существу дѣла, такъ какъ въ этомъ процессѣ не происходитъ какого-либо анализа, а только пониженіе знаменательности нѣкоторыхъ частей выраженія. Если мы возьмемъ рядъ фактовъ „аналитизма“, напр. франц. j'écrir*ai* (=лат. ego scribere *habeo*), *plus* vite, нѣм. ich *werde* lesen, англ. I *do* not go, малор. ходити *му* или *му* ходити (т. е. „я пойду“), рус. *самый* высокій, серб. хвалићеш („ты будешь хвалить“), ново-греч. θέλω λύει (Fut.) и т. п., — то не трудно замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣется переходъ цѣлаго выраженія какъ бы въ одно слово опредѣленной формы, гдѣ смыслъ отдѣльныхъ частей уже стушевывается (родъ „опрощенія“). Этотъ переходъ происходитъ благодаря тому, что одна часть выраженія, являясь особенно частою и постоянною при мѣняющихся другихъ частяхъ, легко получаетъ формальный оттѣнокъ, понижаясь въ своей знаменательности до роли формальнаго элемента. Этотъ процессъ развивается въ одномъ и томъ же языкѣ съ неравномѣрной скоростью въ разныхъ грамматическихъ категоріяхъ, а также неравномѣрно и въ разныхъ языкахъ по сравненію другъ съ другомъ.

Лекція 17-ая.

Возсозданіе первобытной аріо-европейской культуры и послѣдующаго ея развитія.

Уже почти при самомъ началѣ сравнительной грамматики языковъ нашего семейства въ наукѣ явилась тенденція не только возсоздать путемъ сопоставленія словъ и формъ въ этихъ языкахъ гипотетическое состояніе ихъ праязыка, но также и заглянуть въ культурное состояніе пранарода, говорившаго этимъ языкомъ.[1]) Эта идея возникла на основаніи того соображенія, что слова любаго языка необходимо являются символами вещей, а потому возсозданіе лексическаго матеріала аріо-европейскаго пранарода должно пролить свѣтъ и на обстановку, и образъ жизни его. Многіе ученые занялись затѣмъ разработкой этого вопроса, при чемъ нѣкоторые переоцѣнивали значеніе лингвистики въ этомъ дѣлѣ, другіе же высказывались болѣе скептически. Къ первымъ относится французскій ученый A. Pictet,[2]) который, исходя изъ

---

[1]) Такъ, уже Гриммъ въ предисловіи къ изданной имъ въ 1848 г. «Исторіи нѣмецкаго языка» (Geschichte der deutschen Sprache) писалъ: «изслѣдованіе языка, къ которому я привязанъ, никогда не могло меня удовлетворить такъ, чтобы я не имѣлъ постояннаго желанія переходить отъ словъ къ вещамъ. Мнѣ казалось достойнымъ труда дѣломъ попробовать сильнѣе встряхнуть помощью языкознанія ложе исторіи нашего народа».

[2]) Его трудъ—Les origines Indoeuropéennes ou les Aryas primitifs, essai de paléontologie linguistique, Paris 1859—1863 (2-ое изд. въ 1877 г.).

слишкомъ смѣлыхъ лингвистическихъ сопоставленій и соображеній, представилъ въ сильно идеализированномъ видѣ матеріальную культуру, общественныя отношенія, а также умственную, нравственную и религіозную жизнь аріо-европейскаго пранарода. Однако другіе ученые, не раздѣляя увлеченій Pictet, ограничили выводоспособность многихъ лингвистическихъ данныхъ и стали восполнять ихъ указаніями другихъ родственныхъ дисциплинъ. Прежде всего A. Kuhn [1]) указалъ, что значеніе словъ измѣнялось соотвѣтственно измѣненію круга понятій и условій жизни народа, а потому и предполагаемое то или другое первоначальное значеніе нерѣдко будетъ лишь болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Затѣмъ Schleicher [2]) поставилъ на видъ, что отсутствіе тѣхъ или другихъ словъ въ нѣсколькихъ родственныхъ языкахъ не даетъ еще права заключать на этомъ основаніи объ отсутствіи соотвѣтствующихъ словъ и понятій у пранарода, такъ какъ тѣ или другія слова, нѣкогда существовавшія въ его языкѣ, могли затѣмъ выйти изъ употребленія на почвѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вѣтвей; при этомъ Шлейхеръ считалъ возможнымъ заключать о культурѣ пранарода на основаніи тѣхъ словъ, которыя находятся или во всѣхъ трехъ главныхъ языковыхъ вѣтвяхъ его аріоевропейскаго „родословнаго дерева“ (см. стр. 205), или по крайней мѣрѣ въ двухъ—славяно-литво-германской и индоиранской; сходство же словъ, ограничивающееся областью европейскихъ языковъ, по его мнѣнію недостаточно для прочныхъ выводовъ, въ виду возможнаго здѣсь обильнаго заимствованія культурныхъ словъ однимъ народомъ у другаго. Въ виду значительной неопредѣленности лингвистическихъ

---

[1]) Въ статьѣ — Die Sprachvergleichung und die Urgeschichte der indogermanischen Völker (въ IV т., 1855 г., издававшагося имъ журнала Zeitschrift für vergleichende Sprachforshung).

[2]) Въ сочиненіи «Die deutsche Sprache» (1860).

указаній стали, по почину В. Гена, [1]) обращаться къ древнимъ памятникамъ письменности языковъ нашего семейства, чтобы здѣсь найти какія-либо указанія на тотъ древній культурный уровень, о которомъ можно заключать по нимъ въ отношеніи соотвѣтствующихъ народовъ. Но очевидно, что этимъ способомъ мы узнаемъ лишь объ относительно древнемъ (не древнѣйшемъ) культурномъ состояніи отдѣльныхъ вѣтвей, а никакъ не о состояніи аріо-европейской эпохи, которая лежитъ далеко за этими временами. O. Schrader [2]) пошелъ еще дальше и сталъ привлекать для выводовъ также данныя археологическихъ раскопокъ, а въ послѣднее время и данныя этнографіи, при чемъ серьезно разработалъ и методологическую часть лингвистико-археологическихъ изысканій. [3]) Не станемъ перечислять здѣсь имена другихъ ученыхъ, занимавшихся вопросами лингвистической археологіи

---

[1]) Выдающійся трудъ этого ученаго—«Культурныя растенія и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію, а также и въ остальную Европу. Историко-лингвистическіе эскизы Виктора Гена. Переводъ съ нѣм., просмотрѣнный авторомъ», Спб. 1872; въ своемъ нѣмецкомъ оригиналѣ (Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere и проч.) это сочиненіе вышло уже седьмымъ изданіемъ въ 1902 г., значительно расширеннымъ, и подготовляется теперь новое.

[2]) Шрадеръ О. Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія. Лингвистическо-историческіе матеріалы для изслѣдованія индогерманской древности. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1886; въ нѣмецкомъ оригиналѣ книга вышла уже третьимъ переработаннымъ изданіемъ (Sprachvergleichung und Urgeschichte, I, 1906; II, 1906—1907). Затѣмъ назовемъ новѣйшее сочиненіе того же автора, имѣющее въ виду популяризацію предмета, — «Индоевропейцы», съ предисловіемъ и дополненіями автора къ русскому изданію, перев. Ѳ. И. Павлова подъ редакціей и со вступительной статьей проф. А. Л. Погодина, Спб. 1913 (изд. Библіотеки знанія).

[3]) По нашему мнѣнію дѣло должно еще болѣе расшириться привлеченіемъ къ выводамъ произведеній народной словесности, содержащихъ нерѣдко отголоски очень глубокой старины, а также и изученіемъ быта современныхъ дикарей, которое можетъ освѣтить нѣкоторыя стороны жизни аріо-европейскаго пранарода, устанавливая необходимое сосуществованіе тѣхъ или другихъ элементовъ культуры.

и такъ или иначе содѣйствовавшихъ ея прогрессу, а попытаемся съ надлежащею осторожностью на основаніи этихъ работъ представить нѣкоторыя наиболѣе установленныя въ наукѣ черты матеріальной и семейно-общественной культуры аріо-европейскаго пранарода, обращая при этомъ особенное вниманіе на методологическую сторону дѣла.

Прежде всего посмотримъ, къ какому выводу приводятъ лингвистическія данныя относительно мѣстожительства аріо-европейскаго пранарода. Надо замѣтить, что данныя эти чрезвычайно скудны и состоятъ пока лишь изъ немногихъ словъ, относящихся главнымъ образомъ къ названіямъ изъ растительнаго и животнаго міра, какъ напр. „береза“, „волкъ“:

скт. bhūrjaḥ = *рус.* береза, ст.-сл. брѣза = *лит.* béržas = *нѣм.* Birke, др.-вхн. birihha.

скт. vṛ́kaḥ = *рус.* волкъ, ст.-сл. влькъ = лит. vilkas = *нѣм.* Wolf, гот. vulfs = *греч.* λύκος.

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что территорія аріо-европейскаго пранарода находилась въ области распространенія березы, т. е. въ умѣренномъ поясѣ (Азіи или Европы), чему не противорѣчитъ и второе названіе—волка (срв. также существованіе родственныхъ словъ для обозначенія „зимы“ и „снѣга“). Вмѣстѣ съ тѣмъ оба эти названія свидѣтельствуютъ о присутствіи лѣсовъ въ данной области. На это же указываютъ и названія для „меда“ и „лѣсной пчелы“, также повторяющіяся въ нашихъ языкахъ. Благодаря подобнымъ даннымъ неопредѣленная длинная топографическая зона, переходящая изъ Азіи въ Европу и предполагаемая для мѣстожительства пранарода, уже нѣсколько ограничивается. Что касается еще болѣе опредѣленнаго установленія колыбели аріо-европейскаго племени, то вопросъ пока остается открытымъ. Долгое время считали прародиною аріо-европейскаго

пранарода Азію, а именно мѣстности между Аму-Дарьей и Гиндуку, но потомъ перенесли ее въ Европу, остановившись сначала на средне-европейской предъальпійской области, а въ послѣднее время отнеся ее къ юго-западнымъ пространствамъ Европейской Россіи. [1])

Обращаясь къ обзору культуры аріо-европейскаго пранарода передъ его распаденіемъ, мы замѣтимъ, что лингвистическія данныя въ этой области касаются названій прирученныхъ животныхъ и культурныхъ растеній, орудій, оружія и техники, домашней обстановки и семейно-общественнаго быта. Скажемъ теперь по нѣсколько словъ относительно каждой изъ этихъ сторонъ первобытной аріо-европейской культуры.

1) *Домашнія животныя.* Изъ животныхъ домашними по всей вѣроятности были корова и овца, а можетъ быть также коза и собака; срв. слѣдующія слова:

скт. gáuḥ „корова, быкъ“ = греч. *βοῦς* = *лат.* bōs = *нѣм.* Kuh, др.-вхн. chuo „корова“ = *ст.-сл.* **говѧдо**;

скт. áviḥ „овца, баранъ“ = *греч.* *ὄις* (гдѣ исчезло *F* между гласными *ο* и *ι*) = *лат.* ovis = *лит.* avìs = ст.-сл. **овьнъ, овьца**;

скт. ajáḥ „козелъ“, ajā́ „коза“ = *лит.* ožỹs „козелъ“ oškà „коза“ = *ст.-сл.* **ꙑзьно** „кожа“ (первоначально козья, т. е. подобно слову „кожа“, происходящему отъ другаго названія того же животнаго);

скт. çvā́ (Р. е. çunáḥ) [2]) „собака“ = *греч.* *κίων* (Р. ед. *κυνός*) = *лат.* canis = *нѣм.* Hund = *рус.* **сука**.

---

[1]) Первое предположеніе опиралось кромѣ естественно-историческихъ соображеній еще и на предполагавшуюся тѣсную культурную связь аріо-европейскаго пранарода съ семитами, второе—на данныя археологіи, полученныя въ области древнихъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ и, какъ казалось, согласовавшіяся съ результатами лингвистики; послѣднее же предположеніе возникло на основаніи иныхъ болѣе сложныхъ соображеній, о которыхъ мы скажемъ ниже.

[2]) Въ формѣ Р. ед. имѣется, по-видимому, суффиксальный элементъ *n* (изъ **ĕn*), которому въ И. ед. по правилу соотвѣтствуетъ конечное -ā, не-

Конечно, одни соотвѣтствія родственныхъ названій, хотя бы они проходили по всѣмъ главнымъ аріо-европейскимъ языковымъ вѣтвямъ, свидѣтельствуютъ лишь о знакомствѣ съ соотвѣтствующими животными, но ничего сами по себѣ не говорятъ объ ихъ прирученности. Поэтому для заключенія о прирученности тѣхъ или другихъ животныхъ мы должны имѣть еще дополнительныя указанія. Такія указанія мы встрѣчаемъ по отношенію къ коровѣ въ древнихъ гимнахъ Ригведы, обращенныхъ къ богинѣ Зари, которую между прочимъ просятъ о томъ, чтобы она дала богатую пищу коровамъ (RV I, 48, 15); ведійскій языкъ знаетъ также названіе gō-pā́ḥ, обозначающее собственно „оберегатель коровъ“, которое, подвергшись опро́щенію, стало примѣняться въ смыслѣ „вождь народа“ (gōpā́ jánasya), т. е. „царь“. На прирученность овцы можетъ указывать широкое распространеніе общаго названія овечьей шерсти.[1]) По аналогичнымъ соображеніямъ допускаютъ и прирученность козы. Существованіе домашнихъ животныхъ подтверждается еще и наличностью родственныхъ словъ для названій стада и пастуха.[2]) Мы должны однако оговориться, что не всѣ изъ перечисленныхъ названій съ одинаковою убѣдительностью свидѣтельствуютъ о прирученіи

редъ которымъ корневое *u* консонантизуется въ *v*. Геродотъ приводитъ мидійское (иранское) названіе даннаго животнаго — *σπάκα*, гдѣ по общему правилу sv → sp и кромѣ того слово распространилось суф. *-κα*; это слово интересно тѣмъ, что путемъ скиескаго вліянія перешло въ русскій языкъ, срв. «собака».

[1]) Срв. *скт.* ū́rṇā (гдѣ корневой слогъ ūr восходитъ къ первоначальному долгому слогообразующему плавному, а таковой имѣетъ въ положеніи передъ согласнымъ особое отраженіе въ греч. и лат. въ видѣ плавнаго съ слѣдующимъ долгимъ гласнымъ) =≠ *лат.* lāna (откуда lanāta «овца», соб. снабженная шерстью) =≠ *греч.* дорич. *τὸ λᾶνος* =≠ *лит.* vilnos (мн. ч.) =≠ *ст.-сл.* **влъна**.

[2]) Названіе для стада: *скт.* paśú-ḥ =≠ *лат.* pecus =≠ *нѣм.* Vieh, др.-вхн. fihu; названіе для пастуха: *греч.* *ποιμήν* =≠ *лит.* pẽmů (срв. скт. pā́ti «стережетъ, охраняетъ», pāyú-ḥ «сторожъ»).

животныхъ; такъ, напр., шкурою и шерстью животныхъ люди могли пользоваться еще и до приручения, убивая ихъ въ дикомъ состояніи; но вся цѣпь доводовъ въ ихъ совокупности съ достаточною убѣдительностью указываетъ на наличность скотоводства, важная роль котораго подтверждается, между прочимъ, еще и разнообразіемъ въ названіяхъ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. [1]) Что касается употребленія послѣднихъ для передвиженія и перевозки, то таковое подтверждается, какъ увидимъ ниже, наличностью ряда словъ, относящихся къ запряганью и телѣгѣ, по животнымъ, употреблявшимся для этой цѣли, служила по всей вѣроятности корова, а не лошадь. Относительно лошади замѣтимъ, что нѣтъ рѣшительныхъ указаній въ языкѣ на ея приручение, хотя общее названіе ея повторяется въ рядѣ языковъ: [2])

скт. áçvaḥ = *греч.* ἵππος = *лат.* equus = *лит.* ašvà („кобыла“).

2) *Культурныя растенія.* Въ области культурныхъ растеній аріо-европейскіе языки представляютъ нѣсколько род-

---

[1]) Косвеннымъ доказательствомъ въ пользу существованія скотоводства у первобытныхъ аріо-европейцевъ служитъ также то обстоятелство, что названныя животныя являются уже въ прирученномъ состояніи у индусовъ Ригведы, у иранцевъ Авесты, въ гомеровское время, у древнихъ римлянъ и проч.

[2]) Археологическія данныя подтверждаютъ, что приручение лошади послѣдовало позже приручения названныхъ другихъ животныхъ; такъ, находки въ области швейцарскихъ свайныхъ построекъ свидѣтельствуютъ, что въ ту эпоху существовали въ прирученномъ состояніи корова, овца, коза и собака, между тѣмъ какъ лошадь была еще въ дикомъ состояніи, приручение же ея произошло позже — въ эпоху свайныхъ построекъ долины По. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не произведены аналогичныя разысканія въ Азіи, которыя были бы существенно важны для окончательнаго выясненія разсматриваемыхъ вопросовъ. Упомянемъ попутно, что верховой ѣзды не находимъ ни у Гомера, ни въ Ригведѣ; въ Авестѣ упоминается о ней рѣдко, и можно подозрѣвать, что иранцы могли позаимствовать ее у тюркскихъ кочевниковъ.

ственныхъ названій для обозначенія нѣкоторыхъ злаковъ. Малочисленность такихъ словъ, при обиліи названій животныхъ, можетъ указывать на переходный періодъ отъ кочевой жизни къ земледѣльческой, когда мясо животныхъ составляло еще вмѣстѣ съ молокомъ главнѣйшую пищу аріо-европейскаго пранарода. Въ качествѣ примѣра приведемъ родственныя названія одного изъ видовъ хлѣбныхъ растеній:

скт. yávaḥ, зд. yavō „зерновой хлѣбъ, преимущественно ячмень“=*греч.* ζειά „полба“=*лит.* javaĩ (мн. ч.) „зерновой хлѣбъ“.

Конечно, и здѣсь подобныя названія сами по себѣ могутъ указывать лишь на то, что соотвѣтствующіе злаки были знакомы большей или меньшей части аріо-европейцевъ, но не содержатъ въ себѣ необходимыхъ указаній на ихъ воздѣлываніе, такъ какъ и при отсутствіи послѣдняго люди могли пользоваться для пищи зернами этихъ растеній, подобно тому, какъ и въ наше время мы пользуемся напр. разными ягодами и плодами въ лѣсу, независимо отъ культурнаго разведенія ихъ. И здѣсь выводоспособность лингвистическихъ фактовъ можетъ увеличиться, если параллельно будемъ изучать названія дѣйствій, орудій и проч., имѣющихъ отношеніе къ данной культурѣ. Въ нашемъ случаѣ заслуживаютъ вниманія родственныя слова—

молоть: *греч.* ἀλέω „мелю=*ново-инд.* (хинди) āṭa, гдѣ *l* исчезло, согласно закону Фортунатова, съ замѣнительнымъ удлиненіемъ, *перс.* ard „мука“;

толочь: *скт.* pinaṣṭi „толчетъ“, piṣṭám „мука“ (соб. „истолченое“)=*лат.* pinso „толку“, pistor „мельникъ“, pīlum (изъ *pislum) „пестъ“, pīla „ступка“=греч. πτίσσω „толку“=ст.-сл. **пьшѣно**.

жерновъ: *скт.* grāvan- „камень для растиранія, размола зеренъ“=*кельт.* brō=лит. gìrnos=ст.-сл. **жрѣны**.

Изъ этихъ общихъ словъ мы приходимъ къ выводу, что аріо-европейскій пранародъ еще въ своемъ цѣломъ былъ знакомъ не только съ нѣкоторыми злаками, но также съ толченіемъ и размельченіемъ ихъ зеренъ, при чемъ пользовался орудіями,[1]) изъ которыхъ между прочимъ произошли позднѣйшіе жерновъ, пестъ и ступка.

3) *Орудія, оружіе и техника.* Уже въ предъидущихъ отдѣлахъ мы имѣли случай касаться нѣкоторыхъ орудій, служившихъ для размельченія зеренъ и для передвиженій. Такъ какъ названія орудій перваго рода мы уже приводили, то укажемъ здѣсь слова, относящіяся къ запряганію и къ передвиженію (по сушѣ и водѣ)—

ярмо: *скт.* jugám=греч. *ζυγόν*=*лат.* jugum=*нѣм.* Joch, др.-вхн. joh, *гот.* juk=*лит.* jùngas=ст.-сл. иго;

---

[1]) При этомъ само собою остается открытымъ вопросъ, какого вида были эти орудія, какъ производились самыя дѣйствія и проч. Изученіе аналогичныхъ предметовъ у дикарей, равно какъ и получаемыхъ при археологическихъ раскопкахъ, должно помочь уясненію этого вопроса. Добавимъ однако, что кромѣ того, по нашему мнѣнію, необходимо изучать *разновидности культурныхъ предметовъ* у отдѣльныхъ аріо-европейскихъ народностей. Этимъ путемъ можно дойти до *законовъ видоизмѣненія* этихъ предметовъ, которое съ необходимостью слѣдуетъ опредѣленной логикѣ (въ зависимости, напр., отъ матеріала, удобства, механическаго момента, разнообразныхъ условій жизни и т. п.), опредѣлить послѣдовательныя *фазы* измѣненія и, наконецъ, установить *первоначальные типы.* Такое изслѣдованіе предметовъ, производимое особо отъ названій, должно составить, по нашему мнѣнію, особую дисциплину «предметовѣдѣнія», совершенно аналогичную сравнительно-историческому языковѣдѣнію. Насъ радуетъ, что эта мысль, уже давно высказанная нами, въ свое время была замѣчена и подчеркнута проф. А. Л. Погодинымъ (см. Ж. М. Н. Пр. 1899, ч. 321, въ статьѣ «Новыя сочиненія о языкѣ и культурѣ индогерманцевъ», стр. 512), вполнѣ справедливо распространяющимъ ее и на область соціальной эволюціи. Въ настоящее время это положеніе можетъ считаться уже общепризнаннымъ, такъ что даже существуетъ спеціальный журналъ, посвященный подобнымъ вопросамъ, подъ заглавіемъ «Wörter und Sachen».

повозка: *скт.* vāháḥ=*греч.* ὄχος=*нѣм.* Wagen=*лит.* -važas=ст.-сл. **возъ**;

ось: *скт.* ákšaḥ=греч. ἄξων=*лат.* axis=*нѣм.* Achse=лит. ašìs=ст.-сл. **ось**;

колесо: *скт.* cakrám=*греч.* κύκλος=ст.-сл. **коло**;

лодка: *скт.* nā́uḥ=греч. ναῦς=*лат.* navis;

весло: *скт.* aritraḥ=греч. ἐρετμός=лат. rēmus=нѣм. Ruder=лит. írklas.

Вполнѣ понятно, что для изготовленія этихъ и подобныхъ предметовъ пра-аріоевропейцы обладали нѣкоторыми примитивными *инструментами* и имѣли уже соотвѣтствующіе *техническіе навыки*. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя общія названія въ этой области, какъ напр.:

кожъ: *скт.* kšuráḥ = *греч.* ξυρός (при глаголѣ ξύω „скоблю“);

работать топоромъ: *скт.* tákšati „строитъ“, takšā „плотникъ“=*греч.* τέκτων „плотникъ“=*др.-вхн.* dehsala „топоръ“=*лит.* tašýti „тесать, работать топоромъ“=*ст.-сл.* **тесати**.

Кромѣ того, необходимо предположить на основаніи лингвистическихъ данныхъ у **пра-аріоевропейцевъ** существованіе и другихъ техническихъ навыковъ, изъ которыхъ упомянемъ о шитьѣ, плетеніи и витьѣ, срв.:

шить: *скт.* sī́vyati „шьетъ“, sū́tram „пряжа, нитка“=*лат.* suere „шить“, sūbula „шило“, sūtor „сапожникъ“=*гот.* siula „шило“=*лит.* siúti „шить“, siúlas „нитка“=*ст.-сл.* **шити**, **шило**. [1])

[1]) Сродство словъ «шить» и «шило» можетъ указывать на примитивный способъ этой работы, когда передъ сшиваніемъ двухъ кусковъ (напр. шкуры и т. п.) предварительно острымъ инструментомъ прокалывались отверстія.

плести, вить: *скт* váyati „плететъ, ткетъ“, vayá „вѣтвь“ = *лат.* viēre „плести“ = *лит.* vejù „вью“ (напр. веревку) = *ст.-сл.* **вьѫ, вѣтвь.** [1])

Вмѣстѣ съ тѣмъ у того же пранарода должны были существовать различные виды *оружія* для борьбы съ животными и враждебными племенами, что̀ и подтверждается наличностью многихъ общихъ словъ, обозначающихъ метательный камень и молотъ, стрѣлу, копье и т. п. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

камень: *скт.* áçmā (основа açman-) = *греч.* ἄκμων = *нѣм.* Hammer „молотъ“, др.-норд. hamarr (еще и въ значеніи „скала“) = *ст.-сл.* **камы.**

стрѣла: *скт.* íšuḥ = *греч.* ἰός. [2])

тетива: *скт.* и *зд.* jyá „тетива лука“ = *греч.* ὁ βιός „тетива лука, лукъ“.

Интересно, что, при существованіи общихъ названій для стрѣлы и тетивы, мы не встрѣчаемъ общаго слова для обозначенія цѣлаго *лука*, названіе котораго оказывается неодинаковымъ въ различныхъ вѣтвяхъ нашего языковаго семейства. [3]) Однако этотъ пробѣлъ не только не указываетъ на отсутствіе этого оружія у нашего пранарода, а напротивъ — скорѣе свидѣтельствуетъ объ особенной важности и употребительности лука, который въ зависимости отъ различія въ

---

[1]) Изъ приведенныхъ словъ можно видѣть, что здѣсь первоначально имѣлась въ виду гибкая вѣтвь, могущая получить разнообразное примѣненіе въ техникѣ.

[2]) Въ санскритскомъ словѣ š произошло изъ *s послѣ узкаго гласнаго; на почвѣ греческаго языка основа ae. *isŭ- получила дальнѣйшее распространеніе посредствомъ темат. гласнаго ŏ, передъ которымъ й консонантизовалось въ *v* (*F*), а получившаяся группа согласныхъ σF исчезла между гласными съ замѣнительнымъ удлиненіемъ предшествующаго (ĭ).

[3]) Срв. *скт.* dhánuḥ; *греч.* τόξον; *лат.* arcus; *нѣм.* Bogen; *ст.-сл.* **лѫкъ.**

устройствѣ и примѣненіи могъ получать разныя наименованія, а изъ этихъ синонимовъ на почвѣ отдѣльныхъ языковыхъ вѣтвей удержались не одни тѣ же.

Что касается *матеріала*, изъ котораго приготовлялось оружіе аріо-европейцевъ, то можно думать, что въ большинствѣ случаевъ этимъ матеріаломъ являлся *камень* наряду съ *деревомъ*. Въ самыхъ названіяхъ оружія мы находимъ отзвуки каменнаго вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ древненордское слово hamarr, которое значитъ не только „молотъ“, но и „скала“, а это въ связи съ приведенными выше родственными словами другихъ языковъ указываетъ именно на каменное орудіе. Отголоски древняго оружія въ видѣ камня мы находимъ и въ миѳологіи; такъ Индра индусовъ мечетъ açman-, Зевсъ—*ἄκμον*-, германскій громовникъ—hamarr. Однако аріо-европейцы еще до своего распаденія начали знакомиться съ *металлами*, по крайней мѣрѣ — съ мѣдью и, можетъ быть, также съ золотомъ. Если относительно исконнаго сродства названій для золота (*скт.* hiraṇyam, *авест.* zaraniṁ, *нѣм.* Gold, *ст.-сл.* злато) высказываются сомнѣнія, то для мѣди безспорно встрѣчаемъ общее названіе и притомъ широко распространенное, именно: *скт.* áyaḥ=*лат.* aes=*гот.* aiz. Впрочемъ приведенныя слова кромѣ „мѣди“ означаютъ и „бронзу“. Но такъ какъ появленіе смѣшаннаго металла бронзы несомнѣнно позднѣе мѣди, то вполнѣ естественно принять значеніе „мѣди“ за болѣе древнее, которое лишь затѣмъ стало примѣняться и къ „бронзѣ“, получающейся изъ той же мѣди чрезъ прибавленіе олова; при этомъ названіе основнаго металла удержалось и для смѣси, тѣмъ легче, что прибавка олова вначалѣ была сравнительно малою [1]). Само собою разу-

[1]) Спеціально-археологическое изслѣдованіе результатовъ древнѣйшихъ раскопокъ установило (см. Much M. Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur der Indogermanen, 1893², стр. 234 сл.), что въ Европѣ въ тѣснѣйшей связи съ каменнымъ вѣкомъ начинаетъ встрѣчаться мѣдь,

мѣстся, что пользованіе металлами должно было произвести значительный прогрессъ въ выработкѣ орудій и оружія; но слѣдуетъ думать, что онъ уже относится къ позднѣйшимъ періодамъ жизни аріо-европейскаго пранарода, у котораго въ періодъ единства металлическая культура была еще въ самомъ зачаткѣ, настоящее же развитіе ея происходило уже по распаденіи пранарода на главныя вѣтви. [1])

4) *Домашняя обстановка и семейно-общественный бытъ.* Лингвистическія данныя позволяютъ думать, что аріо-европейскій пранародъ передъ своимъ распаденіемъ уже не довольствовался природными помѣщеніями (въ родѣ пещеръ, деревьевъ), но устраивалъ себѣ жилье, имѣвшее входную дверь, столбы или косяки и крышу; объ этомъ свидѣтельствуютъ напр. слѣдующія слова:

какъ первый металлъ, однако не часто и видимо съ чертами бережливаго употребленія. Вскорѣ послѣ того какъ она стала получаться уже въ большемъ обиліи, появляется и бронза. бѣдная еще содержаніемъ олова и въ простѣйшихъ формахъ, при чемъ однако не исчезли тотчасъ и каменныя орудія, которыя очевидно продолжали еще держаться среди бѣдныхъ и въ силу традиціи. Наконецъ, наступаетъ время такого избытка мѣди, а затѣмъ бронзы, что даже бѣднякъ можетъ покинуть каменный топоръ. При этомъ очень рано начали обработывать мѣдь путемъ плавленія вмѣсто обколачиванія, что доказывается тѣмъ, что въ илѣ швейцарскихъ озеръ на мѣстахъ тѣхъ свайныхъ поселеній, гдѣ нѣтъ еще слѣдовъ знакомства съ металлами, найдены тигли и литейныя ложки. Однако мы не вправѣ приписывать культуру швейцарскихъ свайныхъ построекъ непремѣнно аріо-европейскому пранароду, тѣмъ болѣе, что культура аріо-европейцевъ могла быть общею съ другими соприкасавшимися племенами, т. е. на подобіе того, какъ у насъ, напр., соприкасающіеся великороссы, чуваши и др. нерѣдко пользуются одинаковыми орудіями. Кромѣ того, естественно предположить, что переходъ къ металламъ происходилъ съ большою *неравномѣрностью* въ разныхъ частяхъ пранарода; доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что употребленіе каменныхъ орудій встрѣчается даже и въ историческое время; напр. каменные топоры употреблялись еще шотландцами въ концѣ XVII в.

[1]) О дальнѣйшемъ развитіи металлической культуры въ Европѣ см. Шрадеръ Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія, 1886, стр. 305—308 (=Schrader Sprachvergleichung und Urgeschichte, II³ 86—89).

домъ: *скт.* dámaḥ=*греч.* δόμος=*лат.* domus=*ст.-сл.* домъ;

дверь: *др.-иран.* dvar=греч. θύρα=*лат.* foris=*ст.-сл.* двьрь;

косякъ (подпорка): *скт.* sthūṇā = *греч.* στήλη = *нѣм.* Stollen=*ст.-сл.* стлъкъ;

крыша: *греч.* (σ)τέγος=*нѣм.* Dach.

Существованіе общихъ названій для дома и его частей свидѣтельствуетъ о томъ, что аріо-европейскій пранародъ уже пріобрѣлъ нѣкоторую осѣдлость, подтверждаемую также и данными его *семейно-общественнаго быта.* Такъ, у него общія названія для родства имѣются не только по отношенію къ кровному родству, какъ напр. для понятій „отецъ“, „мать“, „сынъ“, „дочь“, „братъ“, „сестра“, но и цѣлый рядъ названій для обозначенія сторонняго родства, связаннаго съ бракомъ, напр. „свекоръ“, „сноха“ и мн. др., а это свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи семейнаго начала. Очевидно, бракъ не служилъ тогда поводомъ къ отдѣльной жизни, напротивъ того—образовывались большія семьи, почему и было необходимо различать степени родственныхъ отношеній между членами таковыхъ. Изъ большихъ семействъ образовывались родовые союзы съ цѣлыми поселеніями (срв. *лат.* vīcus „деревня“, *скт.* viç-, *ст.-сл.* кьсь), въ свою очередь составлявшіе племенной союзъ, во главѣ котораго стоялъ „князь“ (*скт.* rā́jā=*лат.* rex); при этомъ на случай борьбы съ непріятелемъ имѣлись и укрѣпленныя мѣста (срв. *скт.* pur-= греч. πόλις). [1])

Сверхъ всего сказаннаго нами, лингвистическія данныя позволяютъ заглядывать и въ прочія стороны жизни

---

[1]) Изъ европейскихъ названій для укрѣпленій отмѣтимъ *кельт.* dūnum = англ. town, нѣм. Zaun; рус. «тынъ» заимствовано изъ германской языковой области.

аріо-европейскаго пранарода, въ его миѳологическія представленія, правовыя понятія, словесное творчество (срв. между прочимъ общее названіе для стихотворной „стопы“, какъ бы указывающее на выбиваніе такта ногою при пѣніи) и т. д.; но всѣ эти вопросы далеко выходятъ за предѣлы нашего скромнаго очерка.

Переходя къ вопросу о распаденіи аріо-европейскаго пранарода, укажемъ прежде всего, что тѣ діалектическія различія, которыя сравнительная грамматика устанавливаетъ въ аріо-европейскомъ праязыкѣ, уже намѣчаютъ собою и начавшееся развѣтвленіе самаго пранарода. Какъ мы уже указывали (см. стр. 89), діалекты эти опираются на различіе въ отраженіи двухъ рядовъ *k, звонкихъ придыхательныхъ и тріады средне-широкихъ гласныхъ, соотвѣтственно чему мы можемъ допустить и подраздѣленіе самого пранарода на отдѣлы восточный и западный, южный и сѣверный [1]) и сверхъ того— въ восточномъ отдѣлѣ особое отвѣтвленіе арійской группы. Естественно принять, что въ связи съ этими дѣленіями нарождавшимися неодновременно, возникали нѣкоторыя различія въ культурѣ, отражавшіяся въ свою очередь и на языкѣ, въ частности — на лексической его сторонѣ. И дѣйствительно, можно указать группы родственныхъ словъ, связанныхъ принадлежностью къ тѣмъ или другимъ изъ указанныхъ отдѣловъ и свидѣтельствующихъ о независимомъ языковомъ творчествѣ; такъ, напр., западный отдѣлъ имѣетъ особое названіе для козла и козы (срв. *лат.* caper, *др.-исл.* hafr), въ отличіе отъ восточнаго отдѣла, гдѣ для названія этого животнаго примѣненъ другой корень (срв. *скт.* ajáḥ, ст.-сл. ꙗзъıно); и т. п. Наибольшій интересъ представляетъ названіе „бука“

---

[1]) Называемъ всѣ эти отдѣлы такъ, примѣняясь къ современному географическому положенію языковъ, не утверждая однако, что таково оно было и въ прачзыковое время.

(срв. *лат.* fagus=*нѣм.* Buche), встрѣчающагося лишь въ западной половинѣ Европы, соотвѣтственно чему заключаютъ о мѣстопребываніи западнаго отдѣла аріо-европейскаго пранарода; затрудненіе представляетъ греческое слово φᾱγός, которое, сверхъ ожиданія, означаетъ не „букъ", а „дубъ"; но это недоразумѣніе легко и естественно устраняется, если предположить, что первоначальное значеніе „бука", вслѣдствіе созвучія слова φᾱγός съ глаголомъ φαγεῖν „ѣсть", было перенесено на „дубъ", плоды нѣкоторыхъ видовъ котораго, какъ извѣстно, съѣдобны. Различія лексическія южнаго и сѣвернаго отдѣловъ пока еще недостаточно сгруппированы, такъ что приходится опираться лишь на фонетическій моментъ, а именно — на особенность въ отраженіи первоначальныхъ звонкихъ придыхательныхъ. [1]) Что касается болѣе поздняго отвѣтвленія арійской группы отъ восточнаго отдѣла, то оно знаменуетъ собою большой важности культурный фактъ, на которомъ мы остановимся съ нѣкоторою подробностью. Какъ мы указывали выше, аріо-европейцы до своего раздѣленія при преобладающемъ занятіи скотоводствомъ обращались также и къ пользованію хлѣбными растеніями. При ближайшемъ изученіи этого послѣдняго вопроса оказывается, что европейскій отдѣлъ нашего языковаго семейства имѣетъ цѣлый рядъ особыхъ общихъ словъ въ данной сферѣ, родственныя для которыхъ совершенно отсутствуютъ въ арійскомъ отдѣлѣ. Сюда относятся напр. слова, обозначающія дѣйствіе паханія, плугъ, сѣяніе, мельницу и т. п.; срв.

греч. ἀρόω „пашу"=*лат.* aro=*лит.* arìù=*ст.-сл.* орѫ;
греч. ἄροτρον „плугъ"=*лат.* arātrum=*лит.* árklas;
греч. μύλη „мельница"=*лат.* mola=*ст.-сл.* мелѫ (глаголъ).

---

[1]) Намъ кажется впрочемъ, что съ эпохою народженія южнаго діалектическаго отдѣла связана между прочимъ наличность нѣкоторыхъ общихъ названій оружія въ языкахъ этого отдѣла, срв. напр. родственныя названія для меча: *сст.* asiḭ=*греч.* ἄορ=*лат.* ensis.

Отмѣченный фактъ, очевидно, не имѣетъ случайнаго характера и является показателемъ происшедшаго разъединенія въ восточномъ отдѣлѣ нашего языковаго семейства, одна часть котораго, балтійско-славянская, продолжала находиться въ общеніи съ западнымъ отдѣломъ, [1]) а другая часть, арійская, стала уходить къ востоку. Конечно, возможно, что и въ этой послѣдней части существовали слова, родственныя нѣкоторымъ изъ приведенныхъ, и только, не получая примѣненія вслѣдствіе новыхъ условій жизни, вышли изъ употребленія, но это допущеніе не мѣняетъ основнаго положенія. Такимъ образомъ, въ разсматриваемую эпоху отдѣлившаяся арійская часть почти исключительно отдалась скотоводству, тогда какъ другая, европейская, стала развивать дальше занятіе земледѣліемъ.

Совершенно аналогичнымъ путемъ лингвистическая археологія можетъ слѣдить за дальнѣйшимъ доисторическимъ развѣтвленіемъ аріо-европейскаго пранарода, возсоздавая послѣдовательно первоначальную культуру каждой вѣтви, напр. прагерманскую, праславянскую, прарусскую и т. п. Однако разработка этой глубоко-интересной задачи предстоитъ еще будущимъ изслѣдователямъ, когда и первобытная культура аріо-европейская, въ качествѣ исходнаго пункта, получитъ большую опредѣленность и когда сравнительно-лингвистическіе матеріалы по изученію культурнаго развитія отдѣльныхъ вѣтвей, будутъ болѣе сгруппированы.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о той трудности, съ которою приходится считаться изслѣдователямъ лингвистической археологіи, благодаря *смысловымъ измѣненіямъ словъ*,

---

[1]) Армянскій языкъ по отношенію къ разсматриваемымъ словамъ принадлежитъ къ европейской группѣ, откуда слѣдуетъ, что праармяне не участвовали въ указанной отливной волнѣ арійской, какъ и нѣкоторая часть арійцевъ, осѣвшая затѣмъ въ Прикавказьѣ. Принимаютъ, что праармяне вмѣстѣ съ одноплеменными фригійцами переселились изъ Европы въ Малую Азію, покинувъ сосѣдство съ ѳракійцами, которые занимали сѣверо-востокъ Балканскаго полуострова.

происходящимъ вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Основными факторами этихъ измѣненій являются тѣ же ассоціаціи смежности и сходства, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить (см. стр. 128) и которыя играютъ первостепенную роль и въ мышленіи и въ рѣчи человѣка. Дѣйствіе ассоціаціи *смежности* чаще всего проявляется въ томъ, что названіе сложнаго предмета или какой-либо его части, при недостаточно установившейся дифференціаціи терминовъ, легко переносится на другіе элементы того же сложнаго цѣлаго; этимъ путемъ въ разныхъ отдѣлахъ языка могутъ получиться различія какъ въ названіи цѣлаго, такъ и его частей; срв. *скт.* jyā „тетива лука“ = *греч.* *βιός* „лукъ“.[1]) Дѣйствіе ассоціаціи *сходства* можетъ проявляться въ томъ, что названіе какого-либо предмета или явленія, съ переходомъ къ новому культурному состоянію, переносится на новый предметъ, заступающій собою мѣсто прежняго и чѣмъ-нибудь съ нимъ сходный; срв. *скт.* ájraḥ „выгонъ, пастбище“ = *лат.* ager „поле, пашня“.[2])

---

[1]) Аналогичныя явленія весьма нерѣдки и въ позднѣйшей языковой жизни, результатомъ чего являются перебои значенія одинаковыхъ словъ въ родственныхъ языкахъ; срв. русскому слову «письмо» по значенію соотвѣтствуетъ въ польскомъ слово list, а русскому «листъ»—польское arkusz, польскому pismo—русское «почеркъ», и мн. др.

[2]) Весьма возможно, что и русскія слова «пасти» и «пахать» восходятъ къ одному и тому же корню, при чемъ второе перенесено съ явленія быта пастушескаго на соотвѣтствующее явленіе земледѣльческаго быта. Изъ словъ позднѣйшаго времени укажемъ на польское cios (рус. «тёсъ»), которое, благодаря раннему пріобщенію Польши къ европейской каменной культурѣ, стало обозначать не доску, а обтесанный камень. Срв. также современныя выраженія «красныя чернила», «стрѣлять изъ ружья», «вздувать огонь», гдѣ, по ассоціаціи сходства между преемственными явленіями, прежнее названіе перенесено и на новое явленіе, при чемъ получилось даже противорѣчіе съ генетическимъ смысломъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

Важнѣйшія опечатки.

Стр.:	*вм.:*	*должно быть:*
88^{7}	*b*uod	*q*uod
96^{13}	ка◟са́	ка◟с'а́
97_{9}	втораго	третьяго
112_{12}	звонкихъ согласныхъ	глухихъ согласныхъ, развившихся изъ звонкихъ,
159_{5}	прогрессивной	регрессивной
159_{4}	регрессивной	прогрессивной